

серия «Для начинающих коммунистов»

А. И. ВАРЬЯШ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ



А. И. Варьяш

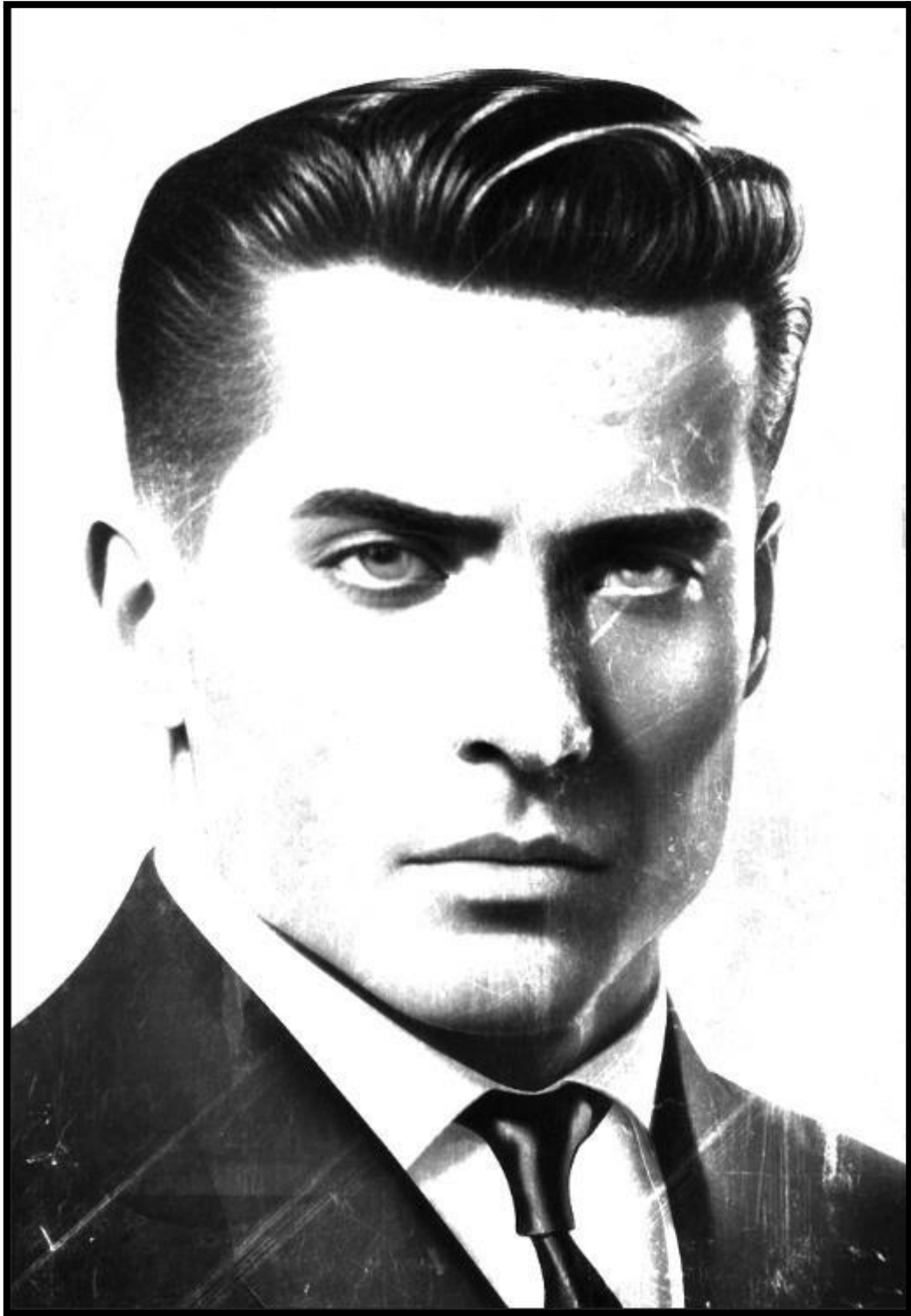
ДИАЛЕКТИКА У ЛЕНИНА

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА НА ОСНОВАНИИ
СОЧИНЕНИЙ ЛЕНИНА

Перепечатан комиссией по перепечатке книг при редакции НМ.
Руководитель комиссии — Виктор Харакос.

НМ, 2022

(Оригинальное издание — Государственное издательство, Москва–Ленинград, 1928)



Молодой А. И. Варьяш

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	7
I. НАУКА И РЕВОЛЮЦИЯ	10
Что такое наука?	10
Общественные корни философских направлений	13
Значение революционной теории в революционном движении	20
II. ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ. БОРЬБА ЛЕНИНА ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА И ЭКЛЕКТИЗМА	26
Теория отражения	33
Характеристика Лениным материализма и идеализма	48
Абсолютная и относительная истины	52
Конкретность истины	57
Диалектически-материалистическая теория познания	64
Что такое опыт?	64
Причинность и необходимость	71
Пространство и время	78
III. ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА НА ДИАЛЕКТИКУ	81
Закон перехода количества в качество	89
Закон взаимного проникновения противоположностей	96
Первый и второй закон диалектики и категория скачка	97
Закон отрицания отрицания	111
Законы диалектики в применении Лениным к проблемам русской революции	117
IV. ФИЛОСОФИЯ И КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ	130
Исторический материализм	138
V. ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА НА НОВЕЙШИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ	150
VI. ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА НА РЕЛИГИЮ	162
VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
КРАТКИЙ СЛОВАРИК (ГЛОССАРИЙ)	180

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Цель предлагаемой читателю книжки — дать популярное и вместе с тем краткое изложение основ философии диалектического материализма, опираясь на сочинения Ленина. Автор полагает, что такого рода работа будет полезна тем, кто не занимаясь специально философией, желает познакомиться с основными вопросами философии и, в первую очередь — философии диалектического материализма. Свою книжку автор написал, имея в виду читателя, обладающего элементарным знанием марксизма-ленинизма, приблизительно в том размере, в котором последний преподается в марксистских кружках, не изучающих философии. Поэтому автор тщательно избегал употребления излишних философских терминов. Поскольку же все-таки оказалось невозможно обойтись без некоторых научных выражений, он нигде не предположил знакомства читателя с ними, а объяснил их в простых, общедоступных словах. Помимо этого, в целях облегчения чтения книги, автор приложил краткий словарь, дающий в алфавитном порядке объяснение употребленных им терминов. Это, можно надеяться, будет полезно, так как сэкономит время читателя, не принуждая его каждый раз перелистывать книжку, когда смысл какого-нибудь объясненного уже раньше выражения им забудется.

В нашей литературе имеется ряд популярных изложений ленинизма, в том числе и таких, которые могут служить руководством в партшколах. Но еще нет популярной книжки, излагающей основы философии диалектического материализма на основании сочинений Ленина. Между тем, это представляет собой насущную задачу. Усвоение ленинизма не может быть полно без, хотя бы короткого, ознакомления с тем методом, по которому Ленин работал, с методом диалектического материализма. Усвоение этого метода в сознательном виде дает ленинцам возможность поднимать свое ленинское знание на высшую ступень, понимать ленинские анализы в связи с тем методом, с помощью которого Ленин вел свои исследования.

Критерий истины в философии марксизма — практика. Эта самая революционная практика дала блестящее

¹ Данное издание незначительно изменяет пунктуацию оригинальной книги и её оформление. (Прим. ред.)

подтверждение марксизму-ленинизму. Живет, крепнет и растет государство трудящихся. Применение и развитие марксизма Лениным в эпоху империализма и пролетарской революции и все растущая мощь первого пролетарского государства есть наилучшее доказательство его истинности.

В 10-ю годовщину Октябрьской революции автор посвящает свою книжку героическому русскому пролетариату, отдавшему все свои силы гигантской работе строительства социализма – мир нового, лучшего, мира счастливого для всего человечества.

Автор.

Москва, 20 марта

1927 г.

ВВЕДЕНИЕ

Ленин — всемирно-историческая личность. Он был не только великим практиком, признанным вождем революционного пролетариата всего мира, но и великим мыслителем, теоретиком марксизма. Пролетарская революция отличается от всех предыдущих революций тем, что она не может быть успешна без строго-научного мировоззрения вообще и без научного понимания истории и политики в частности. Марксизм есть наука, дающая руководство к действию. Но чтобы марксизм мог служить действительным руководством, его необходимо изучать, как науку. Учение Маркса — говорил Ленин, — всеильно потому, что оно верно. Ленин был не только гениальным марксистом в практике, но и величайшим учеником Маркса и Энгельса, умевшим развивать и обогащать Марксово учение. Он сумел соединить в себе великого революционера и универсального мыслителя, охватив огромную область наук. Он не только обогащал марксизм ценнейшими работами из области экономики, политики, стратегии и тактики пролетарской революции, но в то же время успел усвоить себе достижения современного естествознания, подняться до самостоятельности в обсуждении и философской оценке гигантских результатов за последние десятилетия в этой области.

Никто, как Ленин, не сумел увидеть так ясно и выразить так убедительно социальные корни самых разнообразных явлений человеческой культуры, всякого достижения в области философии и естествознания. В своем сочинении «Материализм и эмпириокритицизм» он выясняет с удивительной ясностью, доказывает с помощью бесчисленных примеров, что во всем ходе развития философии существовало только и только два коренных направления: материализм и идеализм. Он беспощадно обрушивается на буржуазных профессоров за их реакционные проповеди и на всех, кто вертит им, попав на их удочку. Он всячески высмеивает всех, провозглашающих новые и новые «направления», «системы» и «системки». Ленин нагляднейшим образом доказывает совершеннейшую тщетность, беспочвенность этих устремлений. Он разоблачает всякие попытки избежать выбора между единственно реальными направлениями, между материализмом и идеализмом. Имеется еще немало профессоров, представителей

буржуазии, утверждающих, что материализм и идеализм одинаково несостоятельны, не «научны». Но, — говорит Ленин, — они, несмотря на профессорское важничание, стараются только увильнуть, избавиться пустыми словами от первой обязанности всякого последовательного мыслителя: сказать ясно, недвусмысленно, хочет ли он быть материалистом или идеалистом. Утверждение, что признание только двух последовательных направлений в философии, материалистического и идеалистического, устарело — есть ничто иное, как крикливая фраза. Это различие, коренное размежевание двух линий развития философии, никогда не может устареть, оно единственное. Конечно, Ленин несколько не оспаривает, что как материализм, так и идеализм проходили длинный путь развития и что оба направления содержат в себе ряд видоизменений, разветвлений, оттенков. Но это несколько не противоречит той основной истине, что кроме этих двух коренных направлений никакого иного направления не существует. Тот, кто воображает себе, что он изобрел «новую» систему, не являющуюся ни идеализмом, ни материализмом, изобрел только эклектическую похлебку, хотя он и не сознает этого.

«Гениальность Маркса и Энгельса, — говорит Ленин, — и проявилась, между прочим, в том, что они презирали геллертерскую игру в новые словечки, мудреные термины, хитрые «измы», а просто и прямо говорили, есть материалистическая и идеалистическая линия в философии, а между ними разные оттенки агностицизма. Потуги найти «новую» точку зрения в философии характеризует такое же нищенство духом, как потуги создать «новую» теорию стоимости, «новую» теорию ренты и т.п.» (Ленин. Собр. соч. Т. 10. С. 118). *«О человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его. О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают («позитивизм», философия «чистого опыта», «монизм» или «эмпириомонизм», «философия естествознания» и т.п.), а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука-об-руку, чему учат и чему они научили своих учеников и последователей»* (Т. 10. С. 180).

Маркс и Энгельс ясно сознавали, что существуют только два направления, и благодаря этому они сумели развить материализм XVIII века, и развить его именно в диалектический материализм. Старый материализм был

антидиалектичен. Маркс, изучив диалектику Гегеля, этого великого идеалиста XIX столетия, преобразовал ее в диалектику материалистическую и создал наиболее глубокий вид материализма, когда-либо существовавший — диалектический материализм. Он же создал теорию исторического материализма и таким образом превратил историю в действительную науку. Но Маркс и Энгельс, пишет Ленин, беспощадно отметили... бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т.д. *Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений, — вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности»* (Т. 10. С. 284).

Цель автора настоящей книги заключается в том, чтобы дать общепонятное изложение философии марксизма в том виде, в котором ее развивал Ленин, и подчеркнуть то новое, что он ввел в нее, обогатив Марксово учение о философии. Автор постарался представить это учение в конкретной форме, т.е. на основании конкретного материала, а именно на основании тех классических применений, которые имеются в сочинениях Ленина. Философия большей частью излагается абстрактно. Абстрактные положения часто отрываются от живой жизни, в которой они должны обнаруживаться и воплощаться. Автор поставил себе задачу изложить диалектическое учение, марксистскую диалектику, конкретно, на основании проблем истории и естествознания, на основании тех проблем, которые разработал Ленин.

Поэтому целью книжки является изложение учения Ленина в разрезе его диалектического строения. Конечно, охватить полностью это огромное учение в небольшой книжке совершенно невозможно. Автор взял только основные линии, наиболее актуальные проблемы и постарался на основании этого материала дать характеристику материалистической диалектики и представить ее в действии.

I.

НАУКА И РЕВОЛЮЦИЯ

Что такое наука?

История человечества представляет собой постоянную и все более развертывающуюся борьбу за овладение природой и своими общественными отношениями. В этой борьбе человечество постоянно приобретало и накапливало все новые и новые знания. Без такого накопления знаний, необходимых для успешной борьбы за существование, человечество не могло бы достичь теперешнего уровня своего развития и вообще не могло бы продержаться.

Этот тысячелетний путь совершался зигзагообразно, не по прямой восходящей линии. Во все времена люди стихийно устремлялись как можно лучше обеспечить свои жизненные потребности, а это и принуждало их к приобретению все новых знаний. Немудрено, что эти знания, возникавшие из стремления удовлетворять жизненные потребности, относились к тем явлениям окружающей действительности, которые больше всего затрагивали их жизненные условия. Первоначальными знаниями явились опыты по добыванию пищи, по лечению болезней, по определению времен года и накоплению средств самозащиты от зверей и нашествия врагов.

В течение тысячелетий человечество действительно приобретало огромную кучу отдельных знаний. Но отдельные знания годятся для действительного удовлетворения жизненных потребностей только на низкой ступени развития человечества. Приблизительно три с половиной тысячи лет тому назад начинается период истории, явившийся коренным переломом в развитии знаний. Этот перелом произошел среди народов, живших на берегах восточной части Средиземного моря: у египтян и, несколько позже, у финикийцев и греков. Куча несвязанных между собой отдельных знаний начинает все больше организовываться в более или менее стройные системы. Таким образом возникли отдельные науки.

Однако тогдашние науки еще не представляли собой действительных научных областей в современном смысле этого слова. Они еще не обособлялись в сознательной форме друг от друга, а являлись отдельными отраслями единой науки

— философии. Философия во время первой стадии своего развития означает не то, что сегодня. Древнейшая философия представляла собой совокупность всех важных знаний. Философия, это — и арифметика, и геометрия, и астрономия, и медицина, и т.д. Но уже древние народы не могли удовлетвориться отдельными, разрозненными, положительными знаниями. На основании уже приобретенных опытных истин они стали задавать себе вопросы общего характера, касающиеся окружающей природы, с одной стороны, и своей собственной природы, с другой. Одним из первых вопросов общего характера явился вопрос: из чего состоит мир? Позже к нему присоединились вопросы: что означает жизнь и что такое мышление? У древних мыслителей (Фалес, Анаксимандр, Гераклит, Пифагор, Зенон, Демокрит, Анаксагор и т.д.) мы находим уже более или менее отчетливые ответы на эти вопросы.

История развития человеческой мысли показывает нам, что естественная установка человеческого мышления – это материализм. Исходя из непосредственного наблюдения происходящих перед их глазами явлений, люди пришли к тому выводу, что все наблюдаемые ими явления являются материальными явлениями, т.е. явлениями материи. Наблюдение и изучение материальных процессов дали им повод для выработки первых естественных понятий, каковыми являются движение и изменение. Фалес ставил себе вопрос: из чего возник мир? И он не удовольствовался одним указанием, что природа материальна, а постарался ближе определить сущность материи и сказал, что мир возник из воды. Другие мыслители, непосредственные продолжатели философской мысли Фалеса, выдвинули другие решения. Одни предполагали, что мир возник из воздуха, другие – что он произошел из огня, еще другие – что он берет свое начало из земли. Анаксимандр пришел к идее, что мир возник из неопределенного хаоса. Как бы ни расходились мнения этих древних мыслителей, мы можем заметить, что всем им природа представлялась материальной.

Наблюдения постоянных изменений как в природе, так и в быстро меняющихся общественных и государственных отношениях также нашли своего выразителя в лице Гераклита. Он – первый диалектик. Он высказал, что в природе нет ничего неизменного, неподвижного и застывшего, а все течет, все изменяется. Нельзя войти два раза в одну и ту же реку, ибо

река течет и в каждый следующий момент состоит уже из другой воды.

Завершителем первоначальной, материалистической философии является Демокрит. Он жил в V столетии до н.э., т.е. в то время, когда уже существовало другое направление в философии: идеализм Пифагора и Платона. Поэтому его уже нельзя назвать стихийным материалистом, ибо он противопоставил свой материализм идеализму. Демокрит учил, что видимый мир состоит из отдельных, невидимых, чрезвычайно малых, дальше уже неделимых частиц, атомов, которые материально однородны, а различаются друг от друга только по своим формам. Некоторые из них кубические, другие – шарообразные, некоторые – гладкие, другие – шероховатые. Они соединяются при помощи крючков, которые имеются на их поверхности. Демокрит провел последовательно эту материалистическую идею и провозгласил, что, кроме атомов и их соединения и движения в пустом пространстве, ничего не существует. Он старался объяснить также и духовные процессы, возникновение ощущений, представлений, даже человеческих страстей на основании своей теории атомов. Так, например, страх, любовь и ненависть объяснялись им тем, что особые гладкие, мелкие и шарообразные атомы, соединяясь, проявляют названные психические явления.

Мы уже указали на то, что философия, хотя и обнимала в себе в то время все достояние человеческих знаний, но не удовлетворилась одним их накоплением, а старалась делать из них общие выводы, т.е. обобщать их.

Благодаря возникновению и росту торговли между племенами Средиземного моря, также и внутри отдельных стран, и благодаря развитию земледелия начали сильно развиваться две науки, представляющие собой жизненно важное орудие в торговле и земледелии: арифметика и элементарная геометрия. Как раз Фалес был первым, которому, по преданию, удалось доказать некоторые основные теоремы геометрии плоскости (планиметрии). Пифагор открыл свою теорему об отношении сторон прямоугольного треугольника. Получив это отношение первоначально, несомненно, путем опыта, при помощи непосредственного измерения сторон треугольника, он доказал эту истину в общей форме. Таким образом возникли первые зачатки особого метода, отличающегося от простого опытного

констатирования: метода строгого доказательства. Этот успех произвел как на самого Пифагора, так и его учеников и вообще техников, архитекторов и т.д. его времени огромное впечатление. На основании своего успеха Пифагор сделал смелое обобщение, высказав, что сущность мира состоит из чисел, что числа представляют собой фундамент мира. Философия Пифагора представляет собой коренной разрыв с предыдущими стихийно-материалистическими направлениями: за первооснову он принял не материю, а числа. Так начинается развитие того направления греческой философской мысли, которое называется идеализмом.

Другой толчок к возникновению идеализма дали недостатки тогдашнего материализма. *«Он не способен был разобраться во взаимоотношениях мышления и материи. Необходимость выяснить этот вопрос привела к учению об отделимой от тела душе, затем к утверждению бессмертия этой души и, наконец, к монотеизму. Таким образом древний материализм подвергся отрицанию в идеализме, но в дальнейшем развитии философии этот идеализм оказался также несостоятельным и отрицается современным материализмом»* (Энгельс, Анти-Дюринг).

Мы увидим, что современный материализм, т.е. марксизм, вовсе не есть только «восстановление древнего, но прибавляет к оставшимся основам последнего все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, также самой этой двухтысячелетней истории» (там же)...

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОРНИ ФИЛОСОФСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

Естественно возникает вопрос, почему наблюдается такое замечательное явление, которое Энгельс назвал отрицанием, с одной стороны, но и в то же время до известной степени и сохранением старых философских мыслей в возникшем новом учении? На этот вопрос дает нам ответ только та философия, которая, по словам Энгельса, представляет собой синтез всего двухтысячелетнего развития философии и естествознания, а именно – марксизм. Как известно, для объяснения возникновения и содержания общественной надстройки Маркс исходил из тщательного анализа структуры основы всего общественного бытия, на которой надстройка возвышается, т.е. из анализа экономических отношений. Под

настройкой марксизм понимает совокупность всех политических, юридических, этических, эстетических и вообще духовных явлений общества. Идеалистическая же философия, наоборот, исходит из предположения самостоятельного существования последних. С точки зрения идеализма, человеческий разум обладает с самого начала, независимо от всякой исторической стадии общественного развития, некоторыми вечными идеями, и объяснить нужно не их возникновение (ибо они вообще не возникли), а возникновение из них форм общественного, экономического и государственного строя. Поэтому идеализм, поскольку он не отрицает исторической преемственности общественных форм вообще, утверждает, что их преемственность еще далеко не означает, что общественные формации выросли на почве каких-нибудь материальных, общественных условий, в последнем счете экономического порядка. Развитие идейных явлений, с точки зрения идеализма, достаточно полно объясняется, если предположить, что хотя наши вечные, умозрительные понятия никаким внешним условиям не обязаны своим возникновением, они не всегда были нами осознаны. Следовательно, по мере того, как человеческий разум все больше и больше продвигается в осознании своего умозрительного, идеального, априорного, вечного достояния, — и общественные формации, сменяющие друг друга, все больше и больше усложняются и совершенствуются. Не экономика определяет общественные отношения и государственные учреждения, а, наоборот, вечные идеи определяют государственный строй и экономические отношения. Последние, таким образом, развиваются по мере внутреннего развития сознания людей.

Эти идеи были господствующими до выступления Маркса на историческую арену. Они представляли собой то идейное орудие, с которым и во имя которого боролись французские просветители, в том числе и материалисты и политические вожди Великой французской революции. Этому идеалистическому учению об обществе Маркс противопоставил свою материалистическую теорию. Основой общественной жизни является исторически данный уровень производительных сил. Уровень техники людей, наличие природных условий производства и возникшие на этой почве производственные отношения определяют сознание людей. На языке юристов — это отношения имущества, которые

соответствуют данной ступени развития материальных производительных сил. Совокупность производственных отношений Маркс называл экономической структурой общества, его реальным основанием. Маркс нашел гениальное выражение того коренного различия, которое отделяет его учение от учения идеалистов всех мастей: **«Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание»**. Исходя из этого принципа исторической жизни человечества, Маркс сумел дать удивительно точный анализ всех общественных процессов. При изучении истории человечества бросается в глаза, что народы время от времени переживают огромные внутренние общественные потрясения, называемые революциями. Откуда они? Почему отдельные народы не живут в какой-нибудь постоянной общественной формации? Маркс отвечает на этот вопрос так: **«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним»**. А что представляет собой надстройка? Она есть совокупность **«идеологических форм, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются»**.

Вот точный ответ на этот вопрос об отношении между надстройкой и экономической основой или базисом. Надстройка обнимает все идеологические формы, в том числе и науки и философию. Последние тоже не выскочили из человеческой головы или из умственной деятельности отдельных гениальных личностей, независимо от реальной связи с той материальной основой, о которой говорит Маркс. Мы попытаемся показать эту истину на примере развития науки, т.е. мы покажем, что это развитие обусловлено уровнем общества, противоречиями данного общественного строя, заставляющими людей приобретать знание. Историки-идеалисты не в состоянии понять это. Но спрашивается, почему вышло так, что человечество, нуждаясь в решении общественных конфликтов, находит путь к

открытию истин, приводящих к удовлетворению этой потребности? Маркс дает на это это исчерпывающий ответ: *«Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они по крайней мере находятся в процессе возникновения».*

Надстройка есть совокупность идеологических форм, в которых люди воспринимают в своем сознании конфликт между производительными силами и производственными отношениями и во имя которых они борются. Это определение Маркса дает научное объяснение возникновения и — часто весьма опосредствованной — зависимости идеологии от экономического базиса. Наука и философия представляют собой часть идеологии. Но из определения идеологии как будто следует, что она не может быть правильным, точным отражением действительности. Разве наука является только орудием осознания и решения общественных конфликтов? Маркс понимает идеологию двояко: с одной стороны, широко, а с другой стороны, узко.

В широком понимании идеология, зависимость ее возникновения и содержания, в конечном счете, от экономических основ, означает, что наука в своем развитии определена общественно-экономическими отношениями. Проблемы науки возникают не зря, не случайно, а ставятся человечеством во главу угла своего устремления только в том случае, если оно может решить их, т.е. когда уже существуют материальные условия, необходимые для решения, или по крайней мере, когда эти условия находятся в процессе возникновения. Из этого следует, что наука не только может верно отражать действительность, но из основных положений марксизма с необходимостью вытекает, что она всегда бывает более или менее точным, соответствующим самой действительности отражением. Иначе человечество вообще не могло бы использовать ее в целях решения своих исторических задач.

Но идеология имеет и другой смысл. Современное человечество (по крайней мере культурная часть его) живет в классовом обществе. Во всяком классовом обществе есть класс господствующий и класс угнетенный. Классовое господство означает монопольное распоряжение

определенного класса решающими естественными богатствами природы, орудиями производства и умением использовать их. Поэтому ему нужна наука, как правильное руководство производством. С другой стороны, в классовом обществе никогда не бывает мира, ибо господствующему классу никогда не удалось и не удастся добиться полного смирения угнетаемых классов. Иными словами, в классовом обществе всегда бывает классовая борьба. Господствующий класс в целях укрепления и поддержания своей власти вынужден использовать в этой суровой борьбе все имеющиеся в его распоряжении средства. Такими средствами являются орудия физического принуждения, а именно — армия, бюрократия, полиция, тюрьмы и т.д., а также средства, подходящие для более тонких форм и методов угнетения и эксплуатации, как то: религии, юридические и этические нормы и т.д.

Совершенно естественно, что такая наука, как философия, не в состоянии и не может быть в состоянии избавиться от того могущественного давления, которое оказывает на нее то обстоятельство, что она развивалась в классовом обществе и в руках представителей господствующего класса. Господствующие идеи (т.е. господствующая совокупная идеология), как великолепно выразился Маркс, всегда были идеями господствующего класса. Нет ничего удивительного в том, что такая философия, занимающаяся наиболее общими вопросами, вопросами, тесно затрагивающими жизненные интересы господствующего класса-эксплуататора, не может отражать точно и верно действительность еще потому, что этот класс вынужден пользоваться ею в своих классовых целях, в целях эксплуатации.

Но из этого далеко не следует, что все содержание философии является ложью. В истории человеческой культуры господствующие классы неоднократно сменялись. Бывшие господа общественного строя неоднократно были вынуждены отказаться от своей господствующей роли в производстве и от государственной власти. Но эта смена вовсе не происходила безболезненно, а путем громадных, длительных и кровавых, революционных процессов, наполняющих большие и как раз наиболее важные эпохи истории человечества. Выступивший класс-победитель, ставший передовым и поэтому выразивший интересы развития всего человечества, вынужден был вести длительную борьбу, длительную подготовку за овладение

властью, за отнятие власти от отжившего, разложившегося господствующего класса. Эта борьба опять происходила всегда путем использования всех средств как физического принуждения, так и идеологического приготовления. Последнее происходило путем выдвижения своего собственного, противоположного старому, мировоззрения. Таким образом, сменяющиеся идеологии хотя и являются искаженными отражениями конфликтов, но все же самые интересы успеха борьбы заставляли идеологов революционного класса уточнять новые принципы и, по мере классовой важности, прилагать к самой действительности.

Поэтому необходимо строго различать идеологию нового класса, революционного, от идеологии старого, уже отжившего свой век, господствующего класса. Идеология французской буржуазии во время подготовки своей революции (с середины XVIII столетия) была революционна, материалистична. Она провозгласила беспощадную войну против устарелой, поповской, идеалистической идеологии, против теологии, отражающей взгляды и интересы загнившего феодального класса. Поэтому она была враждебна всякой метафизике и теологии. Но, с другой стороны, она сама была метафизична, потому что признавала материализм только в области природы, но осталась идеалистичной в области политических и вообще общественных вопросов. Она, по словам Энгельса, была материалистична внизу и идеалистична вверху.

Раз это так, то спрашивается, что из содержания предшествующих философских систем нужно нам отбросить и что можно сохранить и впитать в наше собственное мировоззрение? Энгельс так отвечает на этот вопрос: *«Диалектический материализм — это вообще уже не философия, а просто мировоззрение, которое подтверждается и проявляется не в особой науке, а в действительных науках. Следовательно, философия здесь отменена, т.е. она в одно и то же время “превзойдена и сохранена”;* она превзойдена во всей своей форме, но сохранена по своему действительному содержанию». Из философии остается только формальная логика (так называемое формальное учение о мышлении) и диалектика. Знаменитый немецкий марксист Меринг характеризует этот процесс следующими словами: *«Философия представляет собой обуславливающееся классовой борьбой*

идеологическое явление, одну из тех идеологических форм, в которой люди достигают сознания этой борьбы, в которой они ее разрешают. Философии не было, пока не было классовых антагонизмов. Точно так же не будет философии в историческом смысле этого слова, как только будут устранены классовые противоречия. Только история классовой борьбы вносит различия и разграничения в кажущийся необозримым хаос философских систем».

Классовый характер всякой идеологии, в том числе и философии, становятся нагляднее всего, если присмотреться к той связи, которая имеется между идеализмом и религией. Философия выросла из классовой борьбы, является ее идейным продуктом. Поэтому нечего и говорить о том, чтобы она могла быть объективной в вопросах, касающихся господства угнетающего класса. Выражаясь правильнее, она не может быть внеклассовой и беспартийной. Философия всегда была, есть и будет до коммунизма одним из орудий классовой борьбы, борьбы партий. Поэтому, пока существуют партии, она не может не быть партийной. Вот что Ленин пишет об этом вопросе (речь идет о критике эмпириокритицизма, как реакционного мировоззрения). «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая, в последнем счете, выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелетерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная, классовая роль эмпириокритицизма сводится к прислужничеству фидеистам²) в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности» (Собр. соч. Т. 10. «Материализм и эмпириокритицизм» С. 303). В другом месте Ленин так пишет о беспартийности в философии: «Беспартийные люди в

² Фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере (там же, стр. 6).

философии — такие же безнадежные тупицы, как и в политике» (там же. С. 240).

ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

Из слов Ленина мы понимаем, что партийность не только не предосудительна, но прямо обязательна для человека, желающего быть последовательным. А это так потому, что, как мы увидим, кроме двух коренных направлений, идеализма и материализма, другого вообще не существует. Все промежуточные «направления» являются лишь шатаниями между этими. *«Маркс и Энгельс, — говорит Ленин, — от начала до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих “новейших” направлениях... Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провел материализма до конца, — за то, что он отрекался от материализма из-за ошибок отдельных материалистов, — за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии, — за то, что он не умел в социологии отделаться от идеалистической фразы и стать материалистом»* (там же. С. 287).

Спрашивается, почему обязательна партийность и в философии? Вот как мотивирует это Ленин: *«“Реалисты” и т.п., — все это жалкая каша, презренная партия середины в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направления. Попытки выскочить из этих двух коренных направлений не содержит в себе ничего, кроме “примиренческого шарлатанства”»* (там же. С. 288). Ленин, ссылаясь на Энгельса, дает объяснение, откуда это шатание. Он объявляет такой половинчатый подход к проблемам философии *«в лучшем случае филистерским приемом тайком протаскивать материализм, публично разнося его и отрекаясь от него»* (там же. С. 287). Многие естествоиспытатели принадлежат к «партии середины». Почему это так? Потому, что они по роду своей специальности, как естествоиспытатели, не могут не признать существования внешнего, материального мира независимым от человеческого сознания, ибо было бы нелепо отрицать материю тому, кто занимается исследованием ее свойств и законов. С другой стороны, естествоиспытатели в

громадном своем большинстве являются членами буржуазного общества. Они получают свои кафедры и чины от этого общества. Поэтому для них затруднительно признаться материалистами, и многие ищут выхода из этого тупика при помощи жалких оговорок. Ленин вполне прав, требуя от всякого мыслителя, чтобы он определил вполне ясно и недвусмысленно свое отношение к двум коренным философским направлениям. В настоящую эпоху обостренной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией буржуазия, естественно, отбросила свое революционное прошлое и вместе с тем и свое бывшее материалистическое мировоззрение. Она не может не способствовать эклектическим, половинчатым философским «направлениям» или прямо переходить в лагерь фидеизма и теологии. Поэтому каждый последовательный мыслитель может и должен выбирать между последовательным материализмом и последовательным идеализмом. Никакой третьей возможности нет. Выбор между ними обязателен.

Ленин беспощадно ополчается против философских эклектиков и клеймит идеализм, как прикрытие поповщины и мракобесия. Но он, как марксист, вовсе не забывает и об известной исторической правомерности и общественной обусловленности идеализма. *«У поповщины (философского идеализма), — писал Ленин, — конечно, есть гносеологические корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»* («Под знаменем марксизма». 1925 г. №5-6).

Ленин, величайший из революционеров, не зря боролся со всем своим огромным темпераментом против всяких идеологических уклонов, против всякой попытки подделки единого цельного марксистского мировоззрения. На опыте пролетарского революционного движения выверил он величайшее значение правильной теории в руководстве классовой борьбой. Точно так же на опыте убедился он во вредности, а в настоящее время и в контрреволюционности всяких немарксистских философских направлений. Идеализм ведет к поповщине. Поповщина же способна отвести пролетариат от его исторической миссии и парализовать его классовую энергию, необходимую ему для борьбы с бесчисленными врагами. Ленин дает себе полный отчет о том,

что никакая теория не могла бы быть действительно в борьбе за освобождение рабочего класса, если бы она не была верна. *«Учение Маркса всесильно, — говорит он, — потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мировоззрение, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»* (Собр. соч. Т. 12. Ч. 2. С. 55). Теория Маркса дала то руководство, в котором нуждался пролетариат для успешного разрешения своей великой задачи, ибо она насквозь революционна. *«Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, — говорит Ленин, — самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать; она сама вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория выросла со второй половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным с-д., не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории»* («Против течения». С. 274).

Такая высокая оценка правильной теории становится вполне ясной, если мы подумаем, что революционный марксизм отличается от половинчатого «марксизма» II Интернационала именно тем, что он дает научно точный, объективный анализ всех сложных общественных процессов, выявляет законы их эволюции. В то же время эта оценка не упускает из виду того, что освобождение пролетариата не является каким-то механическим следствием действия общественно-экономических законов. Она требует и предполагает революционную инициативу наиболее организованной части пролетариата, самой пролетарской партии, как руководительницы эксплуатируемых масс в их классовой борьбе. Идеологические представители социал-демократии преобразовали марксизм — это насквозь революционное и действенное мировоззрение — в буржуазный либерализм и реформизм и всячески старались и стараются теперь больше, чем когда бы то ни было, переделать его из теории революции в теорию эволюции. Каутский и Бауэр рассматривают ныне марксизм почти только как теорию, доказывающую, что гибель капитализма «рано или

поздно» неминуема. Из этого они выводят то нелепое следствие, будто нам не нужно добиваться революции, ибо окончательная победа все равно обеспечена и без вооруженного восстания. Однако ни одна общественная, основанная на классовом разделении формация сама от себя не сошла и никогда не сойдет с исторической сцены. Следовательно, и капитализм не исчезнет, если пролетариат не свергнет его. Вот почему Ленин считает таким жизненным вопросом насыщение масс марксистским мировоззрением.

Тут возникает вопрос, почему этот процесс революционирования пролетарских масс идет так медленно, как будто черепашьими шагами? Почему классовое сознание значительных слоев пролетариата так сильно отстает от революционной действительности? Мы живем в эпоху монополистического капитализма, т.е. империализма, в период после первой мировой войны, когда одному отряду пролетариата удалось свергнуть капиталистическое иго. Но мы видим, что пролетариат во всех передовых странах Западной Европы все еще не совершил своей революции. Мы видим, что в Германии, в классической стране классовой организации пролетариата, революция не удалась. Решающую роль в этом длительном и мучительном процессе классовой борьбы играли и играют, конечно, объективные, общественные обстоятельства. В Германии, так же как и в Англии и во Франции, уровень развития производительных сил уже вполне созрел для коренного преобразования экономического строя. Однако немецкий капитализм после поражения спасло то обстоятельство, что ему удалось заключить перемирие еще до окончательного разгрома кайзерской армии. Другая важная причина неудачи немецкой революции состоит в том, что классовая организация пролетариата в лице социал-демократической партии уже с самого начала войны переживает процесс коренного вырождения в лице своих вождей, перешедших целиком в лагерь империалистической буржуазии. Эти вожди отступили от социализма к оппортунизму и дошли до социал-шовинизма. Таким образом, в решающий момент пролетариат оказался обезоруженным своими собственными вождями. Революция утонула в братоубийственной борьбе между революционными, сознательными пролетариями и социал-демократическим «своим правительством».

Для успеха пролетарской революции требуется, чтобы в момент решительной борьбы на решающих местах большинство населения шло с революционным пролетариатом. Но это невозможно без партии, руководящей борьбой. Большинство угнетенного, забитого, истощенного вековой эксплуатацией народа нуждается в руководстве. *«Люди, — говорит Маркс, — хотя и делают свою историю, но далеко не свободны. Им не приходится самим выбирать и комбинировать условия. Наследие мертвого прошлого, как кошмар, давит мозги живых»* (Маркс. 18 брюмера). Освободить их от этого кошмара является одной из важнейших задач сознательной части пролетариата. Но для этого нужно владеть правильной революционной теорией. Такая теория была дана Марксом и Энгельсом и была дальше развита Лениным.

Маркс и Энгельс, действуя с 40-х годов прошлого столетия, могли опираться в своих обобщениях только на опыты борьбы пролетариата во Франции в 1848 году, на опыты революционно-освободительных войн в Германии и Италии и на опыт Парижской коммуны 1871 года. Этот период был периодом формирования национальных, капиталистических государств и массового промышленного пролетариата. Это — фаза классической эпохи капитализма. С конца XIX и начала XX столетий капитализм перешел в другую — последнюю — фазу своего развития, в фазу империалистическую. Маркс и Энгельс, конечно, не могли предвидеть всех особенностей этой новой фазы, хотя в главных чертах они совершенно правильно предвидели и предсказали необходимое наступление ее.

Ленин является возродителем революционного учения Маркса, т.е. именно того учения, которое замалчивалось теоретиками II Интернационала. Но Ленин является не только восстановителем подлинного Марксова учения. Он и завершитель его, ибо он сделал те выводы, которые оказались правильными в новой фазе капитализма. Поэтому ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Это особенно важно учесть, потому что Маркс и Энгельс могли наблюдать революционное движение пролетариата, свержение им власти буржуазии и начало организации им своего собственного государства только на опыте Парижской коммуны. Этот опыт дал Марксу возможность указать на особенность этой новой организации. Он правильно характеризовал ее как диктатуру пролетариата.

Но действительная эпоха пролетарской революции неизбежно совпадает с последним этапом капитализма, т.е. империализмом. Поэтому Маркс и Энгельс еще не могли дать разработку стратегии и тактики пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Это дал именно Ленин. Следовательно, он дал дальнейшее развитие Марксова учения.

II.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ. БОРЬБА ЛЕНИНА ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА И ЭКЛЕКТИЗМА

Мы помним определение Энгельса, по которому из философии остается только формальная логика и диалектика. Все остальное растворяется положительной науке о природе и истории. Логика и диалектика представляют собой методологию наук. Они не отделены от последних китайской стеной, их связь диалектична. Никакой стоящей над другими положительными науками отдельной философии нет. Но это не означает, что нет философии. Наоборот, только благодаря этой диалектической связи, она становится действительной, плодотворной наукой. Но она становится действительной наукой только как диалектика. Диалектика есть *«наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления»* (Энгельс. Л. Фейербах; Ленин. Карл Маркс. Собр. Соч. Т. 20. Ч. 1. С. 474).

С точки зрения марксизма, стало быть, предмет философии — это и учение о законах внешней природы и учение о законах человеческого мышления. Что такое мышление? Идеалисты убеждены, что мышление есть особая сущность, стоящая вне и независимо от остальной материальной природы. Они убеждены, что законы логики представляют собой вечный, неразрушимый фундамент самого мира. Не мышление представляет собой частичку этого мира, а, наоборот, мир, как предмет познания, является, так или иначе продуктом творческой деятельности абсолютных, вечных логических законов — законов духа. В этом лежит коренной пункт борьбы между материализмом и идеализмом. С точки зрения материализма, мышление не есть нечто самодовлеющее, а является производным особенно организованной, высшей формы материи. Материальный мир, природа, первичен, мышление вторично. Такова точка зрения материализма.

Каким образом решить, кто прав? Само собой разумеется, что раз в самой основе мировоззрения лежит такое коренное разногласие — и критерий правильности решения для идеализма и материализма не может быть один и тот же. Идеалист ищет этот критерий в самом мышлении. Он утверждает, что поскольку какое-нибудь понятие или

суждение удовлетворяет определенным условиям, оно должно быть правильно. Эти условия следующие: 1) ясность данных представлений; 2) их отчетливость; 3) их непротиворечивость друг другу. Под ясностью они понимают то свойство какого-нибудь представления или суждения, которое делает возможным их строго различать друг от друга. Под отчетливостью они понимают, что недостаточно отличать два представления друг от друга, т.е. избежать их смешения, но, поскольку представление сложно, т.е. состоит из нескольких частей, то необходимо строго различать также и части каждого сложного представления. Необходимо заметить, что требование ясности и отчетливости есть, конечно, совершенно правомерное требование. Очевидно, что с неясными и неотчетливыми понятиями никакой серьезной научной работы не сделаешь. Идеалистичность в требовании ясности и отчетливости понятий заключается не в самом этом требовании, а в том, что оно представляется идеалистам вместе с третьим условием не только необходимой, но и достаточной гарантией истинности наших понятий. Условие третье говорит о требовании непротиворечивости научных понятий. Естественно, что в определенном смысле этого слова и непротиворечивость наших понятий и теорий безусловно необходима. Однако ни один из этих критериев, а также и все они вместе взятые не могут быть достаточными условиями истинности наших знаний. **Действительный критерий истинности не может лежать в самой природе мышления, ибо это означало бы контроль этого мышления посредством самого себя.** Однако идеалисты рассматривают как раз этот пункт как преимущество их философии. Ленин совершенно правильно указывает на основную тенденцию идеализма. Идеалисты стараются вывести законы природы, все учение о материи из некоторых «априорных» понятий. Материализм же добивается понятий науки при помощи их абстрагирования из реальных отношений самого материального мира. *«Идеалисты, — пишет Ленин, — требовали последовательного выведения из чистой мысли не только априорных форм содержания, а всего мира вообще, растягивая мышление человека до абстрактного Я (Фихте. А.В.) или до абсолютной идеи (Гегель. А.В.), или до универсальной воли (Шопенгауэр. А.В.) и т.д.»* (Т. 10. С. 163–164).

Материализм идет по противоположному пути. Критерий истинности нашей мысли не может лежать окончательно в ней

самой. Нельзя проверить длину какого-нибудь стержня без отличного от него мерила, например, метра или аршина и т.д., или испытать работоспособность какого-нибудь инструмента без точного учета того действия, которое он производит на других объектах. Таким же образом нельзя найти мерила правильной работы нашего мышления без основательного учета того практического результата, который получается благодаря этой работе.

Поэтому естественно, что материализм, и тем более диалектический материализм, не может довольствоваться этими критериями правильности нашего мышления, а ищет другого, не зависящего от самого мышления, критерия его правильной работы. Этот критерий доставляет человеческая практика. *«Вне практики ставить вопрос о том, соответствует ли человеческому мышлению предметная истинность, есть чисто схоластический вопрос»,* — говорит Маркс во втором тезисе о Фейербахе. *«Вопрос о том, способно ли человеческое мышление познать предметы в том виде, как они существуют в действительности, вовсе не теоретический, а практический вопрос. Практикой должен доказать человек истину своего мышления, т.е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по сю сторону явлений»* (там же). Маркс справедливо упрекает философов в том, что они *«лишь объяснили мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы изменить его»*.

Ленин целиком стоит на точке зрения Маркса. *«Точка зрения жизни, практики, должна быть первой и основной точкой зрения познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики»* (Собр. Соч. Т. 10. С. 115). Однако Ленин, как великий представитель революционной практики, хорошо знает и то, что и практика не может быть абсолютным критерием истинности какого-нибудь знания. *«Не надо забывать, — говорит он, — что критерий практики никогда не может по самой своей сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления»*. Нельзя превратить его в «абсолют». Однако, спрашивается, если этот критерий и по признанию Ленина не вполне определен, то в чем же заключается гарантия, что он не может ввести нас в заблуждение? Ленин дает и на этот вопрос настоящий диалектический ответ. Критерий истины должен быть

«настолько определен, чтобы вести беспощадную войну со всеми разновидностями идеализма и агностицизма». Существует ли «абсолютная» гарантия истинности какого-нибудь знания? Такой гарантии в готовой форме у нас нет. Таковая существует только в головах идеалистов, но не в действительности. А вместо абсолютной гарантии существует объективная гарантия. Она заключается во всей нашей практике. *«Критерий практики, — пишет Ленин, — т.е. ход развития всех капиталистических стран за последние десятилетия, доказывает только объективную истину всей общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той или иной части, формулировки и т.п.»* (там же). В этих словах Ленина имеется прекрасный ответ на данный вопрос. Всякая человеческая деятельность в отдельности, конечно, может впоследствии обнаружить те или иные недостатки, неточности или ошибки. Только вся практика, т.е. совокупность всей исторической деятельности человечества, может представить объективный критерий правильности тех теоретических взглядов, которыми оно руководствовалось. Поэтому Ленин так настоятельно требует от каждого желающего быть марксистом, чтобы он серьезно занимался и усваивал себе всю Марксову теорию в целом, а не ту или иную часть ее. Он был ортодоксальным марксистом и ставил это требование по отношению ко всем марксистам. Он презрительно относился к упрекам со стороны всякого рода ревизионистов-полумарксистов, которым, с одной стороны, хотелось бы быть марксистами, а с другой — хотелось «дополнить и подправить» марксизм всякого рода заимствованиями от других, совершенно несовместимых с марксизмом, систем. Некоторые из таких «марксистов» принимают исторический материализм, но не принимают диалектического материализма в целом, как цельного мировоззрения. Такие эклектики еще гордятся своим преимуществом, «широтой» своего философского кругозора по сравнению с «узким», марксистским взглядом на мир. Ленин превосходно доказывает, что этот «либерализм» мировоззрения означает фактически только требование свободы быть эклектиком, собирать из двух коренных, противоположных философских направлений то, что им нравится, независимо от того, укладываются ли эти эклектические крошечки в целое учение или нет.

Из сказанного ясно, что как идеализм, так и половинчатые, эклектические «системы» не могут соединить теорию и практику. Согласно их взглядам теория не может приспособляться к действительности, потому что сама действительность есть результат нашего мышления. По определению Маха, критерий истины — это успех нашего познания. Этот успех отделяет познание от заблуждения. Такое определение как будто соответствует марксистскому критерию практики. Но это только по видимости. Мах не признает внешнего мира, существующего вне и независимо от нашего сознания. Объекты суть только комплексы наших ощущений. Познание же есть биологически полезное, психическое переживание. Идеалистичность, закостенелость и антидиалектичность такого определения познания заключается в том, что оно принимает «биологически полезное», так же, как и «психическое переживание» (т.е. ощущение), за последние, дальше не анализируемые данные. Такое определение познания эмпириокритицизмом обязано тому основному положению его, что все наше познание основывается на принципе экономии мышления или, как выразился Авенариус, на принципе наименьшей траты сил. Что наше мышление стремится к экономии, это бесспорно. Но этот «принцип» экономии лишен всякого смысла, поскольку он принимается за критерий истинности познания. «Экономия» сама нуждается в критерии, ибо ни о какой объективной экономии не может быть и речи, если мы ограничимся сравнением одних только наших теорий безотносительно к тем реальным процессам, о которых они говорят. Ленин правильно ставит вопрос: *«"Экономнее" ли "мыслить" атом неделимым или состоящим из положительных и отрицательных электронов? "Экономнее" ли мыслить русскую буржуазную революцию проводимой либералами или проводимой против либералов? Достаточно поставить вопрос, чтобы видеть нелепость, субъективизм применения здесь категории "экономии мышления". Мышление человека тогда "экономно", когда оно правильно отражает объективную истину и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия»* (Т. 10. С. 138). С точки зрения материализма критерий практики незаменим никаким другим критерием. Он один в состоянии отвести иллюзию от действительности. Между тем Мах пренебрегает как раз этим критерием. *«Критерий практики, — пишет Ленин, —*

отделяющий для всех и каждого иллюзию от действительности, выносятся Э. Махом за пределы науки, за пределы теории познания». Вместо критерия практики ставится Махом принцип биологической полезности нашего познания в борьбе за существование. Ленин совершенно справедливо отвечает Маху: «Познание может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида лишь тогда, если оно отражает объективную истину, не зависящую от человека. Для материалиста “успех” человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем. Для солипсиста “успех” есть все то, что мне нужно на практике, которую можно рассматривать отдельно от теории познания. Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм, — говорит марксист» (Т. 10. С. 112. Курсив наш. А.В.). На странице 156 в том же томе Ленин, ссылаясь на Энгельса, продолжает свою мысль и связывает ее с другими чрезвычайно важным вопросом об отношении свободы и необходимости. «У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самую теорию познания, давая объективный критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий... независимо от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов в природе, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина».

В этих словах Ленин дает решение чрезвычайно важного вопроса, связывая его с вопросом о критерии практики: это решение вопроса о свободе и необходимости. «Слепа необходимость, — цитирует Ленин Энгельса, — лишь поскольку она не понята. Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей» (Там же. С. 154). Это относится как к законам природы, так и к законам общества и человеческого

духа. «Свобода воли, — учат Энгельс и Ленин, — означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела» (там же). Спрашивается: как связывается проблема свободы и необходимости с проблемой критерия истины? Они связаны через основное положение марксизма: природа — первичное, сознание — вторичное. Это означает, что и воля человека — вторичное, ибо она есть явление сознания. Что такое свобода с точки зрения Ленина? Она — «необходимость для нас». «Развитие сознания, — пишет Ленин, — ...показывает нам превращение “непознанной вещи в себе” в познанную “вещь для нас”, превращение слепой, непознанной необходимости, “необходимость в себе” в познанную “необходимость для нас”»... Основная точка зрения тут и там одна — именно: материалистическая, признание «объективной реальности внешнего мира и законов внешней природы, причем и этот мир и эти законы вполне познаваемы для человека, но никогда не могут быть им познаны до конца. Мы не знаем необходимости природы в явлениях погоды и постольку мы неизбежно рабы погоды». Но, — спрашивает Ленин, — откуда знание, что вещи существуют вне нашего сознания, т.е. и тогда, если мы не знаем о них? «Незнание сменяется знанием, — отвечает Ленин, — когда предмет действует на наши органы чувств, и наоборот: знание превращается в незнание, когда возможность такого действия устранена» (Т. 10. С. 156).

Однако погода действует на наши органы чувств, и мы все-таки не знаем ее законов! Ответ прост. Мы можем познавать законы какого-нибудь процесса в природе и обществе, если нам дан или весь процесс, или, по крайней мере, достаточно много данных об условиях этого процесса. Этого-то и не хватает нам в примере с погодой.

Идеализм объясняет необходимость в природе необходимостью законов мышления. Материализм объясняет необходимость, т.е. истинность, мышления тем, что она есть отражение объективных, необходимых законов самой природы.

В итоге мы можем сказать: идеализм стремится объяснить единство мира из единства мышления (например, из принципа экономии мышления). Этому идеалистическому взгляду Ленин противопоставляет взгляд материализма. Он указывает на решение вопроса Энгельсом.

«Действительное единство мира состоит в его материальности, а последняя доказана не парой хитроумных фраз, но посредством данных, добытых в ходе долгого и постепенного развития философии и естествознания» (Энгельс. Анти-Дюринг. С. 35).

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ

Такое разногласие в вопросе о критерии истинности естественно между материализмом и идеализмом. Материализм исходит из независимого от нашего сознания существования внешнего мира, природы, материи. Мышление же является функцией особо организованной, высшей формы материи. В идеализме — наоборот: мышление первично, а материя является низшей формой мышления. Эмпириокритицизм есть разновидность идеализма, ибо по этому учению последние, далее неделимые элементы мира — это ощущения. Отдельные, готовые вещи являются сложными сочетаниями, комплексами ощущений. Для материалиста Ленина, наоборот, *«ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания... Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира, — не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за единственно сущее» (Т. 10. С. 35. Курсив наш).*

«Суть идеализма, — пишет Ленин в другом месте, — в том, что первоисходным пунктом берется психическое; из него выводится природа и потом уже из природы обыкновенное человеческое сознание. Это первоисходное “психическое” всегда оказывается поэтому мертвой абстракцией, прикрывающей разжиженную теологию. Например, всякий знает, что такое человеческая идея, но идея без человека и до человека, идея в абстракции, идея абсолютная есть теологическая выдумка идеалиста Гегеля» (Т. 10. С. 188).

Естественно возникает вопрос, откуда такое поразительное заблуждение (идеализм). Нет ни малейшего сомнения, что теория эмпириокритиков, также как и другие теории идеализма (кантианство, юмизм и т.д.), представляют собой идеологическое извращение действительного хода

нашего познавательного процесса. Такое искажение в обществе, основанном на классовом разделении населения, неизбежно. Ведь в чем заключается суть идеологии? *«Идеология, — говорит Энгельс, — это — процесс, который проделывает так называемый мыслящий человек, хотя и с сознанием, но с сознанием неправильным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Человек создает себе, следовательно, представление о ложных и призрачных побудительных силах. Так как это процесс мысли, то человек и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления своих предшественников. Этот человек имеет дело исключительно с материалом мыслительным, без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого процесса, более отдаленного и от мышления независимого. Такой подход к делу ему кажется само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие основано в последнем счете на мышлении, потому что совершается посредством мышления»* (Письмо Мерингу 14 июля 1893 г.).

В этих словах Энгельса имеется ясный ответ на вопрос, почему мышление было вознесено на ранг первоосновы. Условия классового общества, все дальше идущее разделение и раздробление труда, превращение человека в носителя и органа дифференциации трудового процесса влекут за собой возникновение особой группы людей, имеющих своим главным, почти исключительным занятием исследование какого-нибудь узкого круга явлений. Связи этого круга своего собственного действия со всеми остальными отраслями человеческой практики эти люди не видят, о ней не мыслят. Таким образом в их голове твердо укладывается идея, что мышление есть нечто самостоятельное от бытия, и они допускают ту ошибку, которую Энгельс так превосходно характеризовал. Для такого мыслителя всякое человеческое действие основано в последнем счете на мышлении, потому что совершается посредством мышления. Что мышление исходит из ощущения, представляющего собой связь между нашим органом мышления и внешним миром, об этом они охотно забывают. Конечно, такое «забвение» совсем не случайно. Оно необходимо возникает на почве классового

общества. *«Объективная классовая роль эмпириокритицизма, говорит Ленин; всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности»* (Т. 10. С. 303). Верно, что мышление является одним из условий нашего действия, но оно не есть единственное условие последнего. Мышление с тем или иным содержанием само возникает на основании материальных условий, т.е. в конечном счете на основании человеческой практической деятельности. Такая связь между деятельностью и мышлением для идеализма кажется противоречием, но она на самом деле диалектична. (Об этом мы еще поговорим.)

Материализм исходит из того, что природа, или внешний мир, предшествует нашему сознанию. Наши ощущения возникают от действия внешнего мира на наши органы чувств. Ошибка эмпириокритиков заключается не в том, что они признают ощущение, а в том, что они возводят его в абсолюте. Ощущение принимается ими не как связь сознания с внешним миром, а как перегородка от внешнего мира. Что означает связь? В каком отношении стоит ощущение с внешним миром? Ленин вслед за Энгельсом характеризует это отношение как отражение. Это означает, что ощущения отражают в нашей голове внешние, независимо от этих ощущений происходящие процессы. Ощущение (также и восприятие) не есть нечто чуждое материи и ее процессам. Оно «связано только с высшими формами материи».

Идеалисты в этом пункте и думают найти «основную ошибку», «прыжок», в ходе материалистического мышления. Откуда берет материя, — спрашивают они, — способность мышления и как связывается материя не ощущающая с материей ощущающей? Ведь последняя состоит из тех же атомов, которые мы находим и вне живой природы. Как может материя обладать таким неуловимым свойством, каково ощущение? Ленин открыто признает, что этот вопрос еще не решен полностью, и указывает на необходимость дальнейших экспериментальных исследований. Вот что говорит Ленин: «Мах как бы ставит в вину материализму... нерешенность вопроса о том, откуда «возникает» ощущение. Это — образчик «опровержений» материализма фидеистами и их прихвостнями. Разве какая-нибудь другая философская точка зрения «решает» вопрос, для решения которого собрано еще недостаточно данных? Разве сам Мах не говорит в том же

самом параграфе: *«покуда эта задача... не разрешена ни в одном специальном случае, решить этот вопрос невозможно»* (Т. 10. С. 30). Значит, Мах признает, что вопрос пока не разрешился на данном уровне науки и все же требует от материализма решения. Однако никакие хитроумные выдумки или порожденные «чистым мышлением» гипотезы не могут заменить этих кропотливых, медленных, но верных исследований. Марксизм и в этом пункте стоит неизмеримо выше всяких идеалистических умственных изощрений. Он прямо признает, что это еще далеко недостаточно расследованный вопрос, и вовсе не стремится избежать ответа при помощи голых слов вроде того, что ощущение — это последний элемент. Таким вывертом старается отделаться от этого важнейшего вопроса эмпириокритицизм. Кто утверждает, что ощущение является последним элементом мира, и что никакие исследования дальше этого утверждения идти не могут, тот не решает основного вопроса гносеологии (теории познания), а уклоняется от него. Эмпириокритицизм даже не ищет решения этого вопроса, потому что считает свой ответ исчерпывающим. А на самом деле, его ответ представляет собой голое утверждение, что ощущение есть последний элемент, и поэтому ему вообще нельзя дать никакого объяснения. Эмпириокритицизм указывает на невозможность выведения ощущения из движения — этого основного свойства и живой и неживой материи. Идеалист полагает, что такое выведение для материалиста обязательно. Он рассуждает так: идеализм старается вывести из мышления бытие. Поэтому, умозаключает он, материалист должен вывести мышление а, в первую очередь, его элемент: ощущение — из движения материи. Однако для материализма вовсе не обязательно «вывести» ощущение. Материализм признает ощущение *«одним из свойств движущейся материи»*. (Ленин. Т. 10. С. 32). *«Материя, продолжает Ленин несколько дальше (С. 38), — действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т.д., т.е. от определенным образом организованной материи. Существование материи независимо от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи. Таковы взгляды материализма вообще и Маркса — Энгельса в частности»* (Курсив наш. — А.В.).

Вульгарные материалисты (Фохт, Бюхнер, Молешотт) ошибались не в том, что они признали эту азбучную истину всякого материализма, а в том, что они представляли себе задачу до смешного просто и нелепо, именно потому, что они не имели и представления о диалектике. Они воображали себе, что мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь. Диалектический материализм очень далек от такого рода вульгарного понимания мышления. Он настаивает на том, что ощущение есть отражение или снимок нашим мышлением внешней действительности. Он строго различает представления и ощущения от отображаемых ими внешних предметов. Свет, падая на сетчатку, производит ощущение света. Это означает, что свет представляет собой внешнюю действительность, волны эфира, т.е. движущуюся материю. Ощущение же света представляет собой не эти эфирные волны, а результат их действия на наши органы чувств и на наш мозг.

Идеалист Беркли задал в свое время вопрос: похоже ли наше ощущение на внешние причины, принимаемые материалистами за действительность? Если, аргументировал он, — ты, материалист, утверждаешь что ощущение похоже на действительность, то тем самым ты признаешь, что и внешняя причина похожа на ощущение, т.е., по существу, она — ощущение. Если же принимать, что внешняя причина непохожа на вызываемое ею ощущение, тогда с каким правом можно утверждать, что наши ощущения в состоянии познавать внешний мир? Ведь они вовсе не похожи на него. Ответ материализма гласит: ощущение является следствием действия внешних причин на наши органы, и поэтому познавательный процесс представляет собой частный случай универсального закона причинности.

По этому закону никакой процесс в мире не происходит без достаточных причин. Если даны определенные условия, то они определяют необходимым и достаточным образом свое следствие. Этот закон универсален, т.е. нет исключения из него. Поэтому мыслительный процесс также подпадает под принцип причинности. Вопрос, похожи ли наши восприятия и представления на их внешние причины (и если нет, тогда последние — по Беркли — не могут быть их действительными причинами), есть частный случай вопроса: похожа ли причина вообще на ее следствие? Нужно только ставить вопрос в такой общей форме, чтобы сразу видеть всю нелепость подхода к

данному вопросу. Ответ на вопрос о сходстве или несходстве наших ощущений с внешними причинами может быть только диалектичен. Мышление похоже на отражаемое им внешнее явление в том смысле, что оно является следствием взаимодействия внешнего мира и нашего тела. На вопрос Беркли можно было бы ответить другим вопросом: похожи ли водород и кислород отдельно или вместе взятые за воду? Вода есть продукт их соединения, т.е. взаимодействия. Однако свойства водорода отличаются от свойств кислорода и от свойств воды. Эту аналогию, конечно, нельзя принимать за объяснение мышления. Превосходство диалектического материализма над всеми и всякими идеалистическими ухищрениями заключается в том, что он старается дать свои ответы на великие вопросы философии, не выдумывая их, но опираясь на установленные результаты положительных исследований. Не-диалектику, конечно, непонятно, каким образом материя может мыслить, даже если она и является наиболее высокоорганизованной материей. Он только забывает о том, что, будь он последователен, он должен был бы признать, что ему должно быть непонятно и то, каким образом создают воду водород и кислород, которые вовсе не похожи друг на друга или на продукт их взаимодействия. Основной пробел всякого недиалектического мышления заключается в том, что оно не в состоянии понимать вообще, каким образом определенная совокупность реальных условий, т.е. частичные процессы, может в своем взаимодействии вызывать результат, совсем «непохожий» или весьма мало похожий на эти условия в вульгарном смысле сходства. Вопрос о возникновении новых качеств (каковым является и возникновение мышления) имеет громадное значение, и мы займемся им в главе: «Взгляды Ленина на диалектику». Тут же необходимо подчеркнуть, что принцип причинности может быть реальным, плодотворным средством объяснения только в том случае, если он представляет собой не какое-нибудь априорно выдуманное определение, но абстрагируется из самой действительности. Причинность высказывает не только то голое утверждение, что всякое следствие вызывается причиной, но и то, что следствие не должно отождествляться со своими причинами. Неотождествление следствий и причин, конечно, не означает, что они могут существовать одни без других. В действительности существуют не причина и следствие, как

самостоятельные вещи, а существует только их взаимное проникновение, в котором причина переходит в следствие. Никакая отдельная причинная связь не может быть оторвана от всего совокупного мирового процесса без начала и без конца. В нем всякая причина представляет собой переходящий момент между прошлым, настоящим и будущим. Она является со стороны прошлого следствием, а со стороны будущего причиной.

Такое понимание причинной зависимости единственно приемлемо с точки зрения диалектического материализма. Формальное понимание причинности по существу ведет к ее уничтожению. Непризнание или непонимание того, что причинное взаимодействие означает именно возникновение качественно новых процессов в недрах старой системы, приводит к тому, что между причиной и следствием нет никакого реального различия. Но это и означает отрицание самой причинной связи.

И в самом деле, Беркли, будучи последовательным идеалистом, смело подошел к такому выводу. Он отрицал не только существование материи, но и объективное значение принципа причинности. Недаром Ленин выставляет его в качестве последовательного идеалиста. Отказавшись от реальности материи, Беркли последовательно отказался и от принципа причинности. Его ядовитый вопрос о сходстве или несходстве наших ощущений с внешними причинами как раз преследует цель показать неразумность материализма, показать, к каким «нелепым» следствиям приводит признание материи за реальность. Говоря о сходстве или несходстве, он подошел к вопросу чисто формально, понимая под этим геометрическое сходство или несходство. Он явно рассчитывал на то, что материалисты окажутся не в состоянии выбраться из подготовленного им тупика. Но он не думал о том, что понимает понятие сходства слишком узко, что причина, переходящая в новое состояние, т.е. переставая быть причиной и становясь уже следствием, не уничтожается на пути этого перехода, а сохраняется. В этом более общем и более глубоком смысле можно говорить о сходствах причины и следствия, понимая под ним сохранение причины при переходе в следствие.

Беркли, дальше, забыл и о том, что наш глаз подчиняется и законам оптики чечевиц, и, таким образом, правомерно говорить о сходстве возникающих в глазах образов с их

причиной, ибо их возникновение подчиняется также и законам стеклянных чечевиц.

Эмпириокритики, — непоследовательные преемники Беркли, равно как и Юм, — оказались в этом пункте последовательными. Мах и Авенариус не принимают объективного значения принципа причинности. На место него они старались поставить «принцип функциональной зависимости» элементов. Они последовательны в этом пункте в том отношении, что раз элементы, ощущения являются последними кирпичами мироздания, то их нельзя вывести ни из чего другого, в том числе, конечно, и один элемент из другого элемента. Ибо, если бы это было возможно, то выводимый элемент уже перестал бы быть элементом. Вследствие этого они говорят только о «функциональной» зависимости этих элементов друг от друга. Мах указывает на то, что такая функциональная зависимость осуществляется тогда, когда мы в состоянии выразить зависимость в математической форме. Этим путем он старался заменить причинную связь функциональной зависимостью в смысле математических уравнений, дающих точное количественное соотношение между величинами элементов.

Но и эта попытка крайне неудачна. Математические выражения не могут заменить причинной связи. Они являются только выражениями по преимуществу количественной стороны как раз причинной связи, но никак не чем-нибудь самостоятельным и независимым от совокупного материального процесса. Точной математической формулировки мы не всегда в состоянии дать, но из этого не следует, что в таком случае уже вообще нет объективной закономерности. Взаимодействие материальных элементов никогда неисчерпаемо. Тут можно достичь большей или меньшей степени строгости формулировок, но никогда нельзя сказать, что мы достигли максимума точности. Поэтому совершенно справедливо отвечает Ленин Маху: *«Действительно, важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, — а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины»* (Т. 10.

С. 129). Признание такой способности нашего разума и признание априорных истин и является важной составной частью идеализма в его последовательном виде.

Эмпириокритицизм как разновидность агностицизма смотрит на материализм как на «метафизику» Он, исходя из «единственно» достоверного существования ощущений, не желает признать ничего за их пределами. Эмпириокритик гордится тем, что он эмпирик, т.е. что он принимает только данные опыта за исходный пункт. Все наши знания происходят из опыта, т.е. из ощущений и восприятий, и более непосредственных умственных данных, чем последние, вообще для нас не существует. Из этого эмпириокритики делают тот абсурдный вывод, что говорить о существующей независимо от нашего опыта (ощущений, восприятий и т.д.) материи и природе не имеет никакого смысла. Знаменитый философ Кант различал вещи, как они существуют в самих себе независимо от нашего сознания, и явления, доступные нам при помощи наших органов чувств и логических категорий. Первый мир он называл вещь в себе, второй — миром явлений. Первый не поддается познанию. Это означает, что мы ничего не можем знать о нем, ибо мы не можем знать, отражают ли явления, которые нам даны путем восприятий, какие-нибудь свойства вещей в себе. Это направление марксисты всегда называли агностицизмом (а — означает не, гносис означает знание, агностицизм есть теория, утверждающая, что мы не знаем как вещи суть сами в себе).

На первый взгляд очевидно, что кантовская философия является агностицизмом, ибо она отрицает познаваемость действительности как она есть: Притом она последовательна, потому что все-таки принимает существование этой непознаваемой действительности. Кант даже исходит из того, что мы получаем свои ощущения от воздействия этого независимого от нас и недоступного нам мира. Поскольку Кант допускает, что существует вне нас нечто соответствующее нашим представлениям, то тут, по признанию Ленина, Кант — материалист. Но *«когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, Кант выступает как идеалист»* (Т. 10. С. 163).

Существует ли действительно такая непреодолимая преграда между вещь в себе и явлением, о которой говорит Кант? Нет, не существует. Сам Кант нарушает свой принцип

невозможности перехода от вещи в себе к явлениям, когда он исходит из того, что наши ощущения возникают под действием вещи в себе на нас. Как можно утверждать, что мы ничего не можем познать об этом таинственном мире вещи в себе, если, по признанию самого Канта, мы уже знаем о нем ту важную истину, что вещь в себе влияет на нас, изменяет состояние нашего тела, наши органы чувств? На самом деле такой преграды вообще нет. *«На деле каждый человек, — говорит Ленин, — миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение «вещи в себе» в явление, — «вещь для нас».* Это превращение и есть познание. Наиболее выпукло мы найдем выражение этой субъективной идеалистической точки зрения у Фихте. Он говорит: — мы видим, слышим и осязаем. Результат этих процессов: зрение, осязание и слух. Но все они суть только ощущения. Поэтому, когда мы ощущаем что-нибудь, то мы ощущаем свое ощущение и ничего другого. **Ощущаются не какие-нибудь несуществующие внешние предметы (Фихте отрицал существование вещи в себе), а сами ощущения.** В этой формулировке нагляднее всего видна основная ошибка идеализма. Фихте утверждает, что ощущать — это означает не то, что каждый неискушенный в философских хитросплетениях человек думает под этим, т.е. иметь в себе ощущение чего-то. Фихте и вслед за ним все или почти все идеалисты исходят из ложного отождествления выражений: **иметь в себе ощущение чего-то и ощущать свое ощущение.** Между тем эти два выражения далеко не означают одно и то же. Когда я наблюдаю дерево, то предмет моего восприятия — дерево, а не мое восприятие о нем. В большинстве наблюдений наблюдатель меньше всего думает о своих восприятиях и об их законах, а стремится воспринимать свойства наблюдаемой вещи, хотя бы для того, чтобы не отвлекаться от основного: Фейербах, под влиянием которого Маркс стал материалистом, замечает справедливо, что ошибка идеализма состоит в том, что он надеется разрешать вопрос о существовании или несуществовании внешнего мира на теоретической плоскости. Но это есть чистейшая спекуляция. Идеализм исходит из совершенно ложного предположения, что ощущение есть последний элемент, независящий дальше ни от чего другого и не связанный ни с чем другим. Однако в действительности ощущение представляет собой сложный процесс и далеко не нечто последнее и недоступное анализу.

Оно предполагает целый ряд опять сложных условий, как, например, дыхание, принятие пищи и т.д. Конечно, — продолжает Фейербах, — такая постановка вопроса, что проблемы ощущения, познаваемости и реальности мира решаются в связи и зависимости с вопросом о дыхании и пищеварении, идеалистам кажется чем-то ужасным. В действительности же в этом нет ничего ужасного. Фейербах высказал истину, ибо не только материалист, но и идеалист великолепно знает в своей практике, которую он теоретически «снимает», что, если он заболевает или если его тело истощено от голодовки, то его размышлениям о сущности ощущения, действительности или недействительности мира должен скоро настать конец, Поэтому Маркс правильно определяет в цитированном уже втором тезисе о Фейербахе, что «спор о действительности и недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос». Диалектическую связь между вещь в себе и явлением превосходно определил Ленин, говоря, что превращение вещи в себе в явление и есть познание. Поэтому признание ощущения за источник наших знаний еще далеко не означает материализм. *«Исходя из ощущений, — говорит Ленин, — можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму («тела суть комплексы или комбинации ощущений»), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел внешнего мира). Для первой точки зрения — агностицизма или, немного далее: субъективного идеализма — объективной истины быть не может. Для второй точки зрения, т.е. материализма, существенно признание объективной истины»* (Т. 10. С. 100–101).

Совершенно понятно, что, отвергая вещь в себе, агностики должны отвергать и материю. Они называют материалистов догматиками за их признание материи. Они утверждают, что результаты новейшего естествознания ликвидируют понятие материи. Подробнее о том, опровергает ли современное естествознание материю и материализм или не опровергает, мы будем говорить в предпоследней (V) главе. Сейчас нужно только несколько уточнить понятие материи в целях уточнения понятия отражения. *«Материя, — определяет Ленин, — есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется,*

отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может “устареть”, есть младенческий лепет, есть бессмысленное повторение доводов модной реакционной философии. Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма?.. Борьба религии и науки?» (Т. 10. С. 103).

Ленин таким образом подытоживает результаты своего анализа:

1. «Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас, ибо несомненно, что ализарин существовал вчера в каменноугольном дегте, и также несомненно, что мы вчера ничего не знали об этом существовании, никаких ощущений от этого ализарина не получали».

2. «Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной частн, но существующем вне нас мире (Юм), — все это пустой вздор, выверт, выдумка».

3. «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т.е. не предполагать готовым и неизменным пане познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» (Т. 10. С. 80).

Это определение познания: превращение вещи в себе в явление, в вещь для нас лучше всего обнаруживает то огромное расстояние, которое отделяет диалектический материализмы от всякого рода агностицизма и субъективного идеализма. Это определение конкретно, ибо оно указывает, каким образом незнание переходит в знание. Знание, так же как и все другие вещи в мире, не представляет собой чего-то готового, застывшего, раз навсегда данного, — оно есть результат действительных, длительных, кропотливых исследований, экспериментов, наблюдений и их обобщений. Никакие остроумные, априорные построения не могут

заменить эти менее «возвышенные», прозаичные, но зато верные, миллионы раз проверенные, способы познания. Только диалектический материализм Маркса мог дать удовлетворительный и действительно научный ответ на вопрос о развитии познания и резком различии от всяких априорных построений идеализма. Марксизм дал трезвую теорию познания, верно отражающую действительность. Он смог дать ее благодаря тому, что он не дал себе оторваться от действительности, а смотрел на науку и на весь исторический процесс развития человеческих знаний в их живой связи с той общественной действительностью, на основе которой они (наука и весь исторический процесс) развивались и из почвы которой они выросли. Только понимание постоянного взаимодействия природы и человечества в форме его жизненной практики могло привести Маркса на правильный путь осознания этой великой связи. Ему удалось достичь такого понимания, потому что он смотрел на теорию не как на пассивную, созерцательную деятельность, а как на часть революционной человеческой практики. Как мы видели, Ленин шел по тому же пути. Как настоящий революционный практик, он смог во многом дополнить и развить революционное учение Маркса.

Подытоживая мы можем сказать следующее. Материализм признает внешний мир существующим вне и независимо от нашего сознания. Наши же ощущения являются образами или отражениями внешнего мира. *«Ощущение есть образ движущейся материи»* (Ленин. Т. 10. С. 254). Его следует понимать как **действительное отражение** и не в смысле условных знаков, как понимают их эмпириокритики. Условный знак в понимании эмпириокритиков не есть отражение самой действительности, а только знак наших представлений. При этом вопрос о том, являются ли эти представления отражениями самой действительности или нет, с точки зрения махизма совершенно отпадает, и отпадает потому, что для эмпириокритиков и эмпириосимволистов вообще не существует никакой внешней по отношению к нашим символам действительности. *«Энгельс, — подчеркивает Ленин, — не говорит им о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей»* (Т. 10. С. 193). Некоторые русские махисты попытались заменить термин «элемент» Маха другим словом: «символ»

или «иероглиф». Но дело этим ничуть не меняется, так как они усиленно подчеркивают как раз то, что символы или иероглифы не являются отображениями самих вещей. Ленин же вслед за Энгельсом понимает отображение как копию реальных внешних процессов в нашем мозгу, вопреки всем порицаниям со стороны путаников, кричащих о «грубом» материализме. Под копией, однако, Ленин понимает вполне определенную вещь, именно — результат действия, вызываемый внешними процессами в нашей мозговой субстанции. Никакие вопли о вульгарном материализме не могут затемнить коренное различие между последовательным материализмом и путаным идеализмом Маха и его русских сторонников, ибо отречение от ощущений в смысле копий внешней действительности означает отречение от материализма.

Уже Фейербах обрушился на знаменитого основателя новейшей физиологии Иогана Мюллера, который открыл закон специфической энергии органов чувств. Этот закон говорит о том, что наши органы чувств реагируют на внешний мир по-своему. Например, глаз реагирует на разные внешние воздействия только зрительными образами, ухо же — слухом. На основании этой особенности Мюллер вывел то совершенно ложное следствие, что наши ощущения не являются образами объективной действительности. Ведь действительность должна быть только одна, а изображения ее бывают разные, в зависимости от того, каким органом чувств мы воспринимаем ее. Это, конечно, верно, но отсюда вовсе не следует то, что говорил по этому поводу Мюллер. Внешние процессы в самом деле действуют на разные наши органы разным образом. Но это не только не есть опровержение теории отображения, а, наоборот, подтверждение ее. Нетрудно понять, что для всякого действия нужны по крайней мере две вещи, — в данном случае: внешний раздражитель и какой-нибудь орган, воспринимающий его. Поскольку орган другой, то и результат воздействия должен быть иным.

Идеалист принимает ощущение как фактически данное — и только. Он либо утверждает, что за пределами этих ощущений нет ничего, либо утверждает, что если и существует что-нибудь помимо ощущений, мы ничего не знаем и не можем знать о таких вещах. Этого второго положения придерживаются кантианцы. Ленин возражает им: если бы за пределами чувственных восприятий или ощущений ничего не

было, то весь мир растворился бы в этих ощущениях или разных комплексах из них. Но из этого следует, что мир не мог бы существовать раньше наших ощущений. Однако естествознание утверждает, что земля существовала и тогда, когда ни человека, ни какого бы то ни было другого животного еще на ней не было, ибо органическая материя появилась на земле сравнительно очень поздно. Из утверждения эмпириокритиков выходит то нелепое следствие, что азбучная истина о существовании мира раньше человека неверна. Правда, эмпириокритики определяют свои элементы как нечто независимое от человека, по крайней мере, от единичного человека. Но это есть только уклонение от признания своей ошибки, так как элементы означают ощущения, а без человека никакие ощущения невозможны. Ничье ощущение есть квадратный круг. Богданов старался избежать такого очевидно абсурдного следствия путем гипотезы теории организованного опыта. Она сводится к тому, что опыт не есть индивидуальное дело отдельных людей, а коллективный труд человечества, коллективно организованный труд. Опыт по этой теории совпадает с системой этих коллективных комплексов из ощущений. Ленин совершенно правильно указывает на то, что по такому определению и бог представляет собой «опыт» многих людей (верующих). *«Бог есть, несомненно, производное от социально-организованного опыта живых существ», «Несомненно, что католицизм есть социально-организованный опыт; только отражает он не объективную истину, а эксплуатацию народной слепоты определенными общественными классами»* (Ленин. Т. 10. С. 191). Богданов своим определением не в состоянии различить истину от фантазии. Нетрудно убедиться, что опыт понимается им в двояком смысле, Опыт означает, во-первых, исторический опыт человечества, т.е. организацию знания, и, во-вторых, означает предмет его, природу, являющуюся вовсе не творением человечества, а существующую до него и независимо от него. Космические тела притягивали друг друга и тогда, когда Ньютон еще не открыл закона всемирного тяготения. Истина же, что природа существовала раньше человека, конечно, не противоречит, а, наоборот, необходима для объяснения того, почему природа все больше приходит в зависимость от человека.

Следовательно, кто не хочет быть сторонником эклектизма, тот неизбежно должен признать, что ощущение есть действительный образ внешнего мира, что «движению представлений, восприятий и т.д. соответствует движение материи вне меня» (Т. 10. С. 224).

Как понимает Ленин слово образ или отражение, видно из следующего места его книги «Материализм и эмпириокритицизм»: «Ощущения вызываются действием движущейся материи на наши органы чувств. Так смотрит естествознание. Ощущение красного цвета отражает колебания эфира, происходящие приблизительно с быстротой 450 триллионов в секунду. Ощущение голубого цвета отражает колебание эфира быстротой около 620 триллионов в секунду. Колебания эфира существуют независимо от наших ощущений света. Наши ощущения света зависят от действия колебания эфира на человеческий орган зрения. Наши ощущения отражают объективную реальность, т.е. то, что существует независимо от человечества и от человеческих ощущений. Так смотрит естествознание» (Т. 10. С. 254).

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕНИНЫМ МАТЕРИАЛИЗМА И ИДЕАЛИЗМА

Ленин неустанно подчеркивает, что марксизм есть материализм. «Философия марксизма есть материализм. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т.п. Враги демократии старались поэтому всеми силами “опровергнуть”, подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии. Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонений от этой основы»³.

³ Ленин, Три источника и три составных части марксизма. Собр. соч., том XII, ч. 2, стр. 55.

Но материализм Маркса не есть материализм французских материалистов XVIII века. Ленин постоянно подчеркивает эту важную истину. В смешении этих двух видов материализма видит он одну из причин уклона части современных физиков и их философских приверженцев от материализма. Недостатки материализма XVIII века отчетливо характеризовал еще Энгельс, и Ленин полностью присоединяется к этой характеристике. Вслед за Энгельсом он перечисляет три основных недостатка французских материалистов XVIII века.

1. «Воззрение старых материалистов было «механическим» в том смысле, что они применяли исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы» (Ленин здесь цитирует слова Энгельса).

2. «Вторая ограниченность: метафизичность воззрений старых материалистов в смысле “антидиалектичности их философии”. Эту ограниченность всецело разделяют с Бюхнером и К^о наши махисты, которые, как мы видели, ровнехонько ничего не поняли насчет применения Энгельсом диалектики к гносеологии».

3. «Третья ограниченность: сохранение идеализма “вверху”, в области общественной науки». Махисты и эмпириокритики, да и не только они, понимали энгельсовскую критику французского материализма XVIII века не как критику его недостатков, а как критику материализма, т.е. не механического материализма, а материализма вообще (как критику материалистического объяснения отношения духа к материи). Но Ленин настойчиво подчеркивает, что исключительно за эти три вещи, исключительно в этих пределах отвергает Энгельс и материализм XVIII века и учение Бюхнера и К^о! По всем остальным вопросам материализма (извращенным махистами) никакой разницы между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и всеми этими старыми материалистами — с другой, нет и быть не может» (Т. 10. С. 200).

Маркс и Энгельс критиковали механический материализм с точки зрения более высокого типа материализма, с точки зрения диалектического материализма. Они критиковали Бюхнера и т.п. как плохих материалистов, но критиковали с целью исправить их недостатки и ошибки.

Но Ленин огонь своей критики направил главным образом против эмпириокритиков, против русских махистов, желавших быть марксистами. Эмпириомонисты и эмпириосимволисты не считали себя идеалистами. Ленин боролся против них по-товарищески, надеясь уяснить⁴ им их заблуждения. Но он счел нужным выступить против них, чтоб, разоблачив их, оградить тех марксистов, которые могли пойти за ними и тем самым разойтись с ортодоксальным марксизмом. Вместе с тем, как истинный ученик Маркса и Энгельса, Ленин критиковал ошибки механического материализма. Но с особенным ожесточением боролся он против идеализма и против идеалистических извращений материализма в частности. Он рассматривал идеализм, и не только тот или другой вид, ту или другую разновидность идеализма, подсобником и сотрудником религии. *«За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма, — говорит он, — нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела... являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма»* (Т. 10. С. 303).

Эмпириокритики старались показать истинность своей философии на примере достижений современного естествознания. Они пытались «вывести» из этих достижений нелепейший вывод, будто новые открытия естествознания подтверждают их предположение, что физика не нуждается больше в понятии объективно, независимо от нашего сознания, существующей материи. Об этом мы будем говорить в главе V. Там мы покажем, как блестяще опроверг Ленин этот вывод эмпириокритиков и доказал, что современная теория материи оправдывает не эмпириокритицизм, а диалектический материализм.

Но Ленин боролся не только против эмпириокритицизма, но также и против всех разновидностей идеализма. Он различает простой идеализм от сложного. Первый вариант берет за основу индивидуальное ощущение, ту мысль, что абсолютно достоверно только существование собственных ощущений и, тем самым, только существование собственного

⁴ Лексика автора - прим. ред.

Я. Это направление идеализма, если оно последовательно, ведет к солипсизму. Солипсизм означает, что мы абсолютно уверены можем быть только в своем личном существовании, и это существование понимается не как существование нашего тела, а как существование нашего «бестелесного» Я. Вторым вариантом, сложным идеализмом, стремясь отмахнуться от солипсизма, как от неприятного следствия своей теории, провозглашает «другой» вид ощущений. Ощущение «очищается» от Я и становится ничьим ощущением, ощущением вообще. Таким же образом и более сложные психические явления, как представления, понятия и т.д., обособляются от нашего тела, от процессов нашего мозга и принимаются за абсолют (абсолютная идея или абсолютный дух). Так возникла знаменитая теория подстановки, заключающаяся в том, что «ощущение, как определенный «элемент», «психическое», подставляется под всю физическую природу». Однако Ленин хотя и признает эти и еще большее количество других оттенков между разными идеалистическими системами, справедливо говорит, что эти различия с точки зрения материализма не существенны. Существенно то, что все они отрицают или познаваемость внешнего мира, или даже существование его.

Такой разновидностью идеализма является и натурфилософия Оствальда. Оствальд, знаменитый немецкий химик, старался избежать выбора между материализмом и идеализмом, — этой единственной коренной философской альтернативой, — с помощью расширения понятия энергии. Материя и дух одинаково подводятся им под энергию. Но дело таким сведением ничего не выигрывает. Ленин справедливо замечает, что Оствальд только передвигает «трудность с подлежащего на сказуемое». Суть вопроса в том: материальна ли энергия, происходит ли превращение энергии вне моего сознания, или это только идеи, символы, условные знаки? (Т. 10. С. 227). Стремление Оствальда сводится к тому, чтобы мыслить движение без материи. Что энергетика Оствальда кроме путаницы ни к чему иному привести не может, это совершенно очевидно, Ленин правильно указывает на то, что тайной основой стремления Оствальда служит желание «подвести» обе основные категории — материю и дух — под общее понятие энергии. Но нетрудно видеть, что такая точка зрения абстрактна. Ибо надо было бы объяснить, чем

отличаются психические процессы от физических. Оствальд только уклонился от решения.

Энгельс критиковал и механический материализм и разные типы идеализма. Но он критиковал их, оценивая их по-разному⁵. Механический материализм он критиковал не в целях опровержения материализма, а в целях развития материализма. Механические материалисты были материалистами снизу и идеалистами сверху. Маркс и Энгельс считали своей главной задачей применение материализма и в истории, т.е. «достраивание здания материалистической философии доверху». Они успели совершить эту задачу при помощи превращения механического материализма в диалектический материализм. Они сумели достичь такой важной перестройки материализма путем усвоения и переработки гегелевской, идеалистической диалектики, которая с 50-х годов стала забываться, которую эпигоны французских материалистов (Бюхнер, Фохт, Моленотт и т.д.) не сумели оценить. Они выбросили ее за борт вместе с «навозной кучей абсолютного идеализма» Гегеля (Т. 10. С. 202), или, вернее, вообще не изучили ее. Идеализм же во всех его разновидностях Маркс и Энгельс и Ленин критиковали с целью его опровержения, его искоренения из головы пролетариата.

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ИСТИНЫ

Из коренного различия между материализмом и идеализмом уже следует различие взглядов обоих направлений на смысл понятия истины. Материализм, признавая независимое существование природы, материи от нашего сознания, тем самым признает и объективную истину. Это означает, что наши ощущения, восприятия, а также и создаваемые на их основании суждения отражают объективный мир. Так надо понимать объективность наших знаний. Они объективны или истинны, потому что они отражают внешний мир. Такое очевидное и необходимое следствие, вытекающее из основного положения материализма, ожесточенно оспаривается агностицизмом, и том числе и эмпириокритицизмом, Их сторонники не признают истины в смысле объективного отображения внешнего по отношению к сознанию мира. Они гордятся тем,

⁵ Синтаксис автора - прим ред.

что они релятивисты. Релятивизм есть направление, утверждающее, что всякая человеческая истина относительна, что нет абсолютной истины. Настаивание на субъективной относительности всяких человеческих истин является результатом путаницы в вопросе об отношении между абсолютной и относительной истиной. Релятивисты считают, что истина или относительна, или абсолютна, но не может быть и той и другой. В этом пункте-они не релятивисты, а «абсолютисты»⁶). Ленин, вслед за Энгельсом, дает блестящую критику такого формально-антисоциалистического подхода к данному вопросу. В действительности истина так же относительна, как и не относительна. Это означает, что наши знания никогда не могут завершиться, никогда не скажут «последнего слова». Науки развиваются и вширь, и вглубь, и этому процессу, пока человечество живет, не будет конца. Тем не менее наши относительные истины в то же время объективны, объективны в том смысле, что они отражают более или менее точно самую действительность. Верно только то, что отражение природы нашими понятиями никогда не может быть абсолютно точно, оно только более или менее приближается к идеально точному отображению действительности. Таким образом, истина все-таки будет объективна, потому что она есть отражение, хотя и исторически обусловленное отражение, действительности. Всякое познание зависит от исторически данного уровня всей культуры, от измерительных инструментов и вообще условий точности наблюдения.

На основании этого определения объективности истины Ленин совершенно последовательно указывает, что истина объективна благодаря тому, что она не зависит от воли человека. Эта независимость истины от нашей воли вытекает в первую очередь из того, что истина есть отражение мира.

Из такого понимания объективности истины вытекает еще одно важное следствие. Кто признает объективность истины, тот не может отрицать и существование абсолютной истины. Абсолютная истина отличается от объективной тем, что она является наиболее совершенной объективной истиной. Но, спрашивается, существует ли наиболее совершенная объективная истина? Что абсолютная, т.е.

⁶ Они «абсолютисты» в том смысле, что альтернатива: **истина или абсолютна или относительна**, для них есть абсолютная истина, между тем как это утверждение не только не является абсолютной истиной, а оно прямо неверно.

наиболее совершенная, объективная истина представляет собой вид объективной истины вообще, это для каждого ясно. Вопрос состоит только в том, существует ли она, можем ли мы овладеть ею, или, иными словами, владеет ли человечество такими истинами, которые абсолютно точно (адекватно) отражают действительность? «Признавать объективную, т.е. не зависящую от человека и от человечества истину, — говорит Ленин, — значит так или иначе признавать абсолютную истину. Вот это «так или иначе» разделяет материалиста-метафизика Дюринга от материалиста-диалектика Энгельса... Для диалектического материализма не существует непроходимой грани между относительной и абсолютной истиной... С точки зрения современного материализма, т.е. марксизм, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, Но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед “безусловно объективного познания”. Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечаю вам: оно как раз настолько “неопределенно”, чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закоренелое, но оно в то же время как раз настолько “определенно”, чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта. Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной философии. Это — грань между диалектическим материализмом и релятивизмом» (Т. 10. С. 106. 109).

Беда релятивизма состоит не только в том, что он признает лишь относительные истины, но и в том, что он отрицает объективность этой относительной истины, ее

независимость от человеческой воли, ее приближение к независимой от нас действительности. С точки зрения релятивизма условно будет, например, утверждение, что Наполеон умер 5 мая 1821 года.

«Человеческое мышление, — говорит Ленин, — по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» (Т. 10. С. 108).

Итак, диалектический материализм не отвергает полностью релятивизм, но ограничивает его. *«Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т.е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»*, (Там же. С. 110).

Богданов писал, что такая точка зрения немарксистская, потому что марксизм не допускает статики вечных истин. Ленин справедливо возражает: при чем тут статика? Марксизм несовместим с неизменностью сущности вещей и нашего сознания. **Неизменно только одно.**

Это — соответствие отражающего природу нашего сознания и отражаемой им природы. Если бы и это соответствие упразднилось, то объективной истины вообще не могло бы существовать.

Как возникла теория агностицизма? На что она опирается? Она опирается на тот исторический факт, что, по мере развития отдельных наук, объяснение явлений изменяется. Одни законы уступают место другим законам, более годным для объяснения.

Этот факт укрепляет сторонников агностицизма в убеждении, что законы только относительны. И по их мнению выходит, что законы скорее отражают уровень нашего познания, историческую условность наших знаний, чем объективную действительность. Но мы видели то блестящее решение взаимоотношения абсолютной и релятивной (относительной) истины, которое дал Энгельс и которое так остро формулировал и развил Ленин. Для релятивистов истины только относительны. Об абсолютной истине они и

слышать не хотят. Диалектическое решение, как читатель помнит, заключается в том (мы повторяем это место ввиду его важности), что *«человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»* (Ленин. Т. 10. С. 108).

Таким образом понимание истины, как только относительной, недиалектично. Неверно то, что истина объективна только в пределах известной эпохи (Богданов). Верно только то, что каждый этап в развитии науки исторически условен, что ни одна эпоха не может исчерпать всю истину. Как прекрасно формулирует Ленин, пределы истины каждого научного положения относительны, исторически условны контуры картины мира, но безусловно то, что эта картина изображает самый мир. Это означает, что наши понятия не есть только символы. Наши теории не есть подстановка психического под физическое, ничего не отображающая кроме субъективных законов мышления. Законы мышления, по смыслу теории подстановки, отрываются от остальной части действительности, маленькую часть которой они собой представляют. Абсолютная истина, конечно, не есть нечто готовое, а складывается из относительных истин. Таким образом абсолютная истина является тем реальным пределом, к которому человеческое мышление все больше и больше приближается, хотя этого предела никакая эпоха в истории человечества не достигла и не достигнет. Но неверно то, что вследствие беспредельности процесса познания абсолютная истина представляет собой мнимый предел. Она была бы мнимым пределом только в том случае, если бы человек со своим разумом единственно существовал в мире. Мышление имеет перед собой объективную природу, существующую независимо от него, со всеми своими объективными законами. Правда, что наше мышление ни в какой исторической фазе не будет исчерпывать до конца этих объективных законов. Но они существуют и существовали уже тогда, когда еще не было ни человека, ни его мышления. Поэтому наше мышление, отражающая деятельность сознания человека, имеет в

объективных законах природы свой совершенно реальный, а вовсе не только мнимый, подставленный нами предел.

Совершенно ошибочно предположение, будто развитие науки состоит в том, что «подставляемые» нами законы через определенное время, когда выясняется их негодность, уступают место другим, опять-таки нами подставленным, более годным законам. А эти, в свою очередь, будут заменены новыми, как и прежние. Это означало бы, что развитие науки представляет собой бесконечный процесс не познания, а заблуждения и только это. **Вообще неверно, что игравшие значительную роль законы могут потерять свое значение в дальнейшем ходе истории вследствие их совершенной негодности.** Никакой закон, оказавшийся способным объяснить большую группу явлений, никогда окончательно не упраздняется. Его «негодность» всегда условна. Вместо слова негодность правильнее говорить «неточность». В самом деле, никакие познанные нами законы не являются абсолютно точными. Чередование законов, объясняющих определенную область явлений, правильнее сравнивать, по примеру Ленина, со спиральной линией, одновременно вращающейся и поднимающейся вверх, чем с рядом кругов, лежащих друг возле друга на одной плоскости.

КОНКРЕТНОСТЬ ИСТИНЫ

Чрезвычайно важную роль играет у Ленина, как и у Маркса и Энгельса, понятие конкретности истины. Немало из марксистов полагали, что достаточно знать основные положения марксизма, и тогда уже мы имеем все, что нужно для их применения к конкретным случаям. Это неверно. Марксизм требует учитывания особенностей каждого отдельного явления, будь оно явление природы или общества. Без такого учета нельзя дать действительного анализа, а получается в лучшем случае мертвое, неподвижное повторение, «шаблонизация» основных истин диалектического материализма. Уже Плеханов подчеркивал, что абстрактных истин нет, истина всегда конкретна. Несмотря на это, Ленин справедливо упрекает Плеханова в том, что и он нередко забывал об этой истине, главным образом со времени перехода его в лагерь оборончества. *«Стремление искать ответа на конкретные вопросы, — пишет Ленин, — в простом логическом развитии общей истины об*

основном характере нашей революции есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» (Т. 3. С. 10). В другом месте он опять возвращается к этой же идее. «Выводить конкретное положение об определенной тактике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей фразы, об “общем характере” революции, вместо того, чтобы этот “общий характер русской революции” выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции, разве же это не подделка? Разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса? Да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого! Либо буржуазная, либо социалистическая революция, а остальное можно “вывести” из основного “решения” посредством простых силлогизмов!» (Т. 8. С. 82). Только изучение конкретных исторических особенностей рабочего движения в определенных странах может дать желаемый результат, способный руководить нашим действием. С особенной энергией настаивает Ленин на таком подходе к вопросам революции. Революцию «надо оценить как борьбу живых общественных сил, поставленных в какие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с больших или меньшим успехом такие-то формы борьбы» (Т. 11. Ч. 1 С. 77).

Таким образом необходимо поставить каждый отдельный вопрос общественной жизни в определенные исторические рамки и учитывать конкретные особенности, отличающие одну страну от другой, даже тогда, когда речь идет о той же исторической эпохе. Ленин дает много образцовых примеров такой постановки вопроса. Возьмем пример. Он анализирует фазы развития капитализма. Первая фаза — эпоха краха феодализма и абсолютизма. Буржуазное общество только начинает складываться. Под руководством буржуазии все классы населения медленно втягиваются в политическую борьбу. Вторая фаза — эпоха победившего буржуазного государства, эпоха конституционного, демократического строя, когда рука об руку с развитием капитализма в лоне нового общественного строя все больше и больше развивается новый класс — пролетариат. Борьба пролетариата с буржуазией является решающим политическим и экономическим моментом этой фазы. Внутренние противоречия всей системы ведут к дальнейшему развитию

формы буржуазного общества, к третьей фазе его, к фазе монополистического и империалистического капитализма. Эту фазу марксисты справедливо называют кануном краха капитализма, эпохой пролетарских революций.

Но таким же образом как в природе нет абсолютной грани, отделяющей разные процессы (механические, физические, химические, биологические), так же и исторические эпохи не отделены друг от друга пропастью. Наоборот, они связаны многочисленными переходными этапами. Из этого следует, что нельзя отделить китайской стеной также и буржуазные и пролетарские революции. Уже в 1848 году,⁷ три месяца после вспышки буржуазной революции, покончившей с июльской монархией, вспыхнуло первое пролетарское действительно массовое восстание во Франции. После поражения второй империи, империи Наполеона III, в 1871 году, в самом разгаре войны произошло восстание парижского пролетариата, создавшего первую пролетарскую диктатуру, продолжавшуюся 72 дня. Еще нагляднее можно проверить эту истину на ходе событий русской революции 1917 года, когда буржуазная революция через девять месяцев переросла в пролетарскую революцию, свергнувшую буржуазное иго. Она же довела буржуазную революцию до конца.

Все исторические примеры доказывают, что к сложной конкретности возможно подходить с успехом только посредством таких же сложных и конкретных анализов. Всякий конкретный анализ предполагает учет всех особенностей и опосредствований исторического момента. Такого рода подход требуется далеко не только в интересах теоретического объяснения, но еще больше в интересах реального успеха действительно массового революционного движения. Без правильного, многостороннего анализа всех условий, всех сложных опосредствований, теория не может идти на помощь практике. Об огромном значении правильной революционной теории для революционного движения мы уже говорили, и повторяться по этому пункту не приходится.

Конкретный анализ требует конкретных понятий, поэтому сама собой напрашивается потребность в точном определении конкретности понятий. Понятие конкретно тогда, когда оно является по возможности точным

⁷ Скорее всего, в данном месте должно быть слово "через". Прим. ред.

отражением не только элементов действительности, но и отражением их всесторонних связей. Конкретное понятие является сгустком длинной цепи правильных, абстрагируемых из действительности понятий и их разнообразных связей. Из этого следует, что конкретное понятие всегда сложно, т.е. состоит из синтеза других понятий. Конкретное понятие должно дать точное указание, каким образом совершается данный процесс. Мерилом точности и мощности такого понятия является тот случай, когда мы по его указанию умеем не только проанализировать уже созданный процесс, но и воссоздать его, т.е. произвести не только анализ, но и синтез. Как известно, кроме аналитической химии существует и синтетическая химия, занимающаяся вопросами создания химических соединений в лаборатории. Довершением синтетической химии является составление белка. Хотя до этого химия еще не добралась, но химики уже в течение многих десятилетий занимаются этой проблемой, и нет никакого сомнения в том, что в конце концов удастся создать живое существо.

Мы знаем, что отдельные положительные науки стоят на весьма разнообразных ступенях развития. Механика и физика более развиты, чем химия, последняя более развита, чем биология. Политическая экономия, в свою очередь, стала строго научной и опередила в своем развитии биологию благодаря гениальным работам Маркса. Маркс и Энгельс были те, которые обосновали историю как науку и вместе с тем и научную политику. Последняя наряду с экономикой получала дальнейшее развитие у Ленина, который, как руководитель революции огромной страны, впервые в истории дал пример применения научных принципов марксизма к проблемам государства не только теоретически, но и практически в государственном и всемирном масштабе. И естественно возникает вопрос: почему отдельные науки развивались до сих пор так неравномерно? Геометрия и механика стали точными науками еще на закате древнегреческой культуры (Эвклид, Аполлоний, Герон, Архимед т.д.). Начало нового времени опять характеризуется неслыханным до тех пор подъемом механических открытий. Коперник открывает вращение земли вокруг солнца; Кеплер находит законы вращения планет; Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Тот же Ньютон и Лейбниц нашли тот новый метод исчисления, который содействовал этому быстрому развитию механики:

метод исчисления бесконечно-малых, или дифференциальное и интегральное исчисление. Однако потребовалось почти два столетия для того, чтобы и физика вступила на путь такого же быстрого развития, какое показала механика. Спрашивается, в чем заключается причина такого неравномерного развития отдельных наук. Для марксиста нет ни малейшего сомнения, что причина в конечном счете лежит в тех общественных условиях, которые определяют общественную надстройку, в том числе и развитие науки. Научные проблемы возникают не зря, не сваливаются с неба, а являются следствиями и выражениями исторических задач человечества, великими орудиями в борьбе за овладение своими историческими задачами. Они не «выдумываются» отдельными людьми, а ставятся им историей и ставятся тогда, когда общественные условия начинают требовать их решения, когда дальнейшее развитие производительных сил без их решения не может успешно продвигаться.

Спрашивается, благодаря каким особенностям научного порядка куча разрозненных знаний преобразуется и перерастает в положительную науку? Нетрудно понять, что эта революция становится возможной именно благодаря тому, что старые, еще относительно абстрактные понятия в ходе исследований превращаются в конкретные. Если мы сравним понятия описательной ботаники или зоологии с понятиями геометрии, физики или экономики, то мы сразу увидим то огромное расстояние, которое отделяет их в отношении конкретности. Определения описательных наук и по сей день ограничиваются указанием на два момента понятия. Во всяком определении фигурирует так называемый ближайший род и особенный вид, характеризующие определяемое явление. «Человек есть мыслящее и двуногое животное» — это положение дает пример такого формального определения. Оно указывает на род, которому принадлежит человек (животное), и на особенный вид, представляющий собой один из всех видов, подпадающих под данный род (двуногий, мыслящий). Но возьмем пример хотя бы из элементарной геометрии. Что такое круг? Круг есть множество таких точек, которые стоят на равном расстоянии от одной точки. Этот маленький пример уже дает нам возможность разбираться в данном вопросе. Каждый, даже никогда не занимавшийся геометрией сразу понимает, что по определению круга каждый может создать круг (более или менее точный). Но

было бы смешно и думать о том, что возможно понять сущность человека из данного формального определения. Однако на это можно было бы возразить, что, конечно, круг можно создать, но нельзя же создать материальные вещества ни по каким указаниям. Если под этим понимают создание материи из ничего, то это, конечно, верно, потому, что уже давно стало истиной, что из ничего ничего не делается. Но, если мы имеем химические элементы, — а они на самом деле имеются в нашей власти — то мы можем создавать самые разнообразные соединения их, даже можем составлять в лаборатории такие соединения, которые в природе до сих пор не наблюдались. По законам химии теоретически возможно открыть — и химики действительно открывают — такие соединения, свойства которых мы никогда не испытывали, но которые на основании этих законов мы могли заранее вычислить. Мы можем превращать любой вид энергии в другой вид ее и использовать их в наших практических целях.

Не иначе обстоит дело и в области общественных явлений. Как Энгельс прекрасно формулировал, и здесь правильная теория является руководством к действию. Что это означает? Это означает, что марксизм — это единственно правильная общественная теория, которая дает нам указания, каким образом можно не только объяснить общество, но и изменить его. Маркс в своем глубоком анализе прибавочной стоимости раскрыл движущий закон капиталистической эксплуатации. Вооруженный знанием этого закона, пролетариат владеет могучим орудием избавиться от эксплуатации и создать такое общество, где ее не будет, т.е. не будет господствующего и угнетаемого классов. Тот же Маркс открыл сущность государства. Государство есть организация насилия господствующего класса для угнетения подчиненных классов в целях их эксплуатации. Тщательное изучение строения государственной власти, на основе миллионов фактов современного капиталистического общества, дало Марксу в руки объяснение функционирования этого громадного аппарата. Какова должна быть структура нового пролетарского государства, предугадать во всех подробностях было, конечно, невозможно. Но уже в 1852 году Маркс на основании опытов революционных годов⁸ сумел предвидеть, что это государство может быть только революционная

⁸ Орфография автора. Прим. ред.

диктатура пролетариата. Непосредственное подтверждение этого гениального предвидения было дано Парижской Коммуной, послужившей Марксу не только подтверждением его мысли, но и основой для расширения обобщения своей теории. Окончательное подтверждение предвидения Маркса уже в огромном масштабе дала русская пролетарская революция. Передовой отряд русского пролетариата в лице коммунистической партий под руководством Ленина мог уже осуществить на деле эту предсказанную Марксом форму нового государственного строя, и все успехи десятилетнего существования его являются доказательством правильности этой теории.

Из всего сказанного очевидно, что правильная теория должна быть конкретна, т.е. обладать теми основными свойствами, которые мы указали данными примерами. Это — все те свойства, на основании которых можно создать или воссоздать предмет. Эти же примеры показывают гигантское значение такой теории в руководстве практикой и раскрывают истину тезиса Маркса о Фейербахе, согласно которому задача философии заключается не только в том, чтобы объяснить мир так или иначе, но и изменить его.

Само собой разумеется, что Маркс, неизменно настаивая на необходимости проверки теории практикой (изменением мира), тем самым вовсе не говорил, что для теории необязательно, чтобы она объясняла мир. Наоборот, изменить мир возможно только при помощи такой теории, которая способна, прежде всего, объяснить изменяемый мир. Отрыв теории от практики как по линии пренебрежения практикой ради теории, так и по линии жертвования теорией ради практики одинаково неприемлем для марксизма. Марксизм является наиболее правильным синтезом теории и практики.

В своих тезисах о Фейербахе Маркс указывает на большой пробел, имевшийся решительно во всех старых системах материализма. Он указывает на то, что в этом отношении идеализм больше дал, чем материализм. «Главный недостаток материализма, — говорит он, — до фейербаховского включительно, — состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, восприимчивый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме чувственной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно. Поэтому деятельную сторону, в

противоположность материализму, развивал до сих пор идеализм, но развивал отвлеченно, так как идеализм, естественно, не признает чувственной деятельности, как таковой... Фейербах рассматривает как истинно человеческую только деятельность теоретическую, между тем как практика понимается и изображается там лишь в грязно-жидовской форме своего проявления. Вот почему также он не понимает значения “революционной”, практически-критической деятельности».

Из этих слов Маркса ясно, как он понимает значение теории. Теория теснейшим образом связывается с революционной практически-критической деятельностью. Эту особенность действительно плодотворной теории Ленин глубоко понимал и превосходно использовал как в теории, так и в практике.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИ-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Что такое опыт?

Усвоив себе основное положение материализма: материя — первична, мышление о ней — вторично, или материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение, представление и т.д., — нетрудно понять смысл и другой важной категории теории познания, это — понятие опыта.

Совершенно естественно, что идеализм и материализм, как основные философские направления, определяют и это понятие по-разному. Материализм, признавая движущуюся материю за первооснову, необходимо должен признать и независимость от нашего сознания объективных закономерностей движения материи. Идеализм, в свою очередь, исходя из противоположного начала, из сознания, силой необходимости обязан вывести все материальные явления из сознания. Так понимает задачу идеализма Ленин. *«Идеалисты, — говорит он, — требовали последовательного выведения из чистой мысли не только априорных форм созерцания (как это сделал Кант. — А.В.), а всего мира вообще (растягивая мышление человека до абстрактного Я или до “абсолютной идеи” или до универсальной воли и т.д.)»* (Т. 10. С. 163 — 164. Курсив наш. А.В.). Само собой разумеется, что разные

идеалистические системы, оставаясь в рамках основного принципа (первичность духа, мышления), по-разному разрешают вытекающие из этого основного положения отдельные проблемы, ибо иначе они не были бы разными системами. Но расхождения их не могут быть существенны, потому что основное стремление обязательно должно заключаться в попытке вывести природу из мышления. Таким образом они могут расходиться и действительно расходятся только в способе «выведения», но не в его результате. При этом надо подчеркнуть, что старые системы идеализма являются более последовательными, чем новейшие (после смерти Гегеля).

Лейбниц, например, пытался вывести материальные явления из так называемых чистых логических категорий (из принципов противоречия, достаточного основания и из понятия непрерывности). Но уже он натолкнулся на чрезвычайно большую трудность в вопросе о происхождении наших ощущений, восприятий и вообще опытных представлений. О логических категориях он еще мог предполагать, что они не берут своего начала из опыта, а представляют собой «вечное» достояние человеческого разума. Такое предположение прямо вытекает из основ идеализма. Но дело обстоит иначе с ощущениями. Никто не может решиться, и Лейбниц не решился, утверждать, что и наши ощущения являются не результатом опыта, а априорными идеями. Ощущения возникают независимо от человеческой воли, их произвольно вызывать в сознании невозможно, между тем как логические принципы имеются в постоянном распоряжении мыслящего субъекта. Как выкарабкаться из такой трудности? Лейбниц дал следующее решение. Наша душа представляет собой организм, развивающийся исключительно по своим внутренним законам и не нуждающийся ни в каком воздействии со стороны внешней природы. Весь мир представляет собой бесконечную совокупность внутренних, органических сил, которые он называл монадами (дословно: единицами). Они духовны, непротяженны, «метафизические» точки. Монады живут и развертываются совершенно независимо друг от друга, или, как Лейбниц образно выразился, монады не имеют окон по отношению друг к другу. Между ними нет никакого взаимодействия. Монады находятся на разной ступени совершенства. Некоторые из них мы называем «неживыми»

телами, другие же представляют собой живые существа. Но абсолютно неживого в природе не существует. Наивысший тип монад — душа. Каждая монада обладает ощущениями и представлениями, кроме последних в монадах ничего не происходит. Монада имеет ощущение, и оно ощущается сознательной монадой, как протяжение, непроницаемость. Даже наиболее высокий тип монад, человеческая душа, не знает с точностью, что происходит в ней.

Она знает только о результате своего внутреннего движения, заключающегося исключительно в переходе одного представления к другому. Этот переход Лейбниц называл стремлением. Всякий внутренний процесс в монаде включает в себе настоящую бесконечность и бесконечную связь разных состояний. Но она этого не ощущает, об этом не знает. Она знает только о готовом результате, т.е. о готовом ощущении. Что каждое ощущение представляет собой бесконечный внутренний процесс, она не знает.

Таким образом у Лейбница, как последовательного идеалиста, получилось, да и не могло не получиться, совершенно обратное тому, чему учит материализм. Материализм рассматривает ощущения как наиболее простые элементы мышления. Этот наиболее простой вид мышления возникает вследствие воздействия внешних процессов на наши органы чувств. Но, с другой стороны, наш мозговой аппарат представляет собой сложный вид естественных процессов. С точки зрения последовательного идеализма, дело обстоит обратно. Исходным пунктом являются чистые логические принципы и результатом их деятельности в виде бесконечно сложного процесса выходит ощущение.

При таком решении вопроса, конечно, остается нерешенным, откуда происходит та согласованность между действиями разных монад, благодаря которой мы как раз тогда испытываем ощущения, когда перед нами стоит внешний предмет, являющийся также монадой, или, правильнее, агрегатом монад, хотя и может быть монадой низшего ранга (например камень, дерево и т.д.). На этот вопрос Лейбниц никак не мог дать удовлетворительного ответа. В этом пункте он был принужден прибегнуть за поддержкой к богу, обнаруживая этим ту несомненную истину, подчеркнутую особенно энергично Лениным, что идеализм ведет к богу и религии, т.е. к фидеизму.

Нетрудно понять, что такое «объяснение» возникновения опытного знания решительно никуда не годится, ибо оно не решает вопроса, а просто отрицает его. Выходит, что опыта вообще нет. Опыт означает результат воздействия внешнего предмета на наше сознание. Но Лейбниц принципиально отвергает всякое воздействие вещей друг на друга. Ясно, что при таких условиях Лейбниц не мог принять внешний мир за реальность.

Такого рода решение на продолжительное время не могло удовлетворить даже философов идеалистической ориентации. Одновременно с возникновением лейбницевой системы уже существовало другое направление в Англии. Оно называется эмпиризмом и сенсуализмом. Основоположник его Локк. Но Локк еще не создал последовательной сенсуалистической системы, а остановился на полпути, остался еще полуматериалистом. Сенсуалистические элементы его учения находили дальнейшее и уже чисто идеалистическое развитие у Беркли, английского епископа, и у Юма, английского статс-секретаря королевского министра. Ленин, посвящая целое сочинение опровержению идеалистических извращений марксизма новейшего времени со стороны русских эмпириокритиков, дал исчерпывающую критику эмпириокритицизма Маха и Авенариуса и вместе с тем справедливо указал на источник этого направления. Их источником является философия Беркли и Юма. Поэтому и посвятил Ленин первую часть первой главы своего «Материализма и эмпириокритицизма» основательному разбору и критике двух последних.

Сенсуализм, в противовес Лейбницу, исходит из ощущений, как из первичных, ни к чему другому не сводимых элементов сознания. Мы уже указали на аргументацию Беркли, почему ничего за пределами ощущений не может быть. Беркли не признает существующей независимо от наших ощущений материи и природы вообще. Когда у нас имеется ощущение, мы ощущаем не внешний мир, чего нет, а свои собственные ощущения. За пределами их ничего не может быть по той причине, что ощущения не могут быть похожи ни на что, что не есть ощущение. Поэтому, даже если бы существовал независимый от нашего сознания внешний мир, наши ощущения, будучи не похожи ни в чем на него, ничего не могли бы сказать о нем. Раз они не похожи ни на что внешнее, то совершенно излишне предположение о

существовании чего-нибудь другого кроме ощущений, ибо это означало бы только излишнее удвоение мира. Но даже, если мы предположим, — продолжает Беркли, — что ощущение похоже на нечто другое, и то материализм остался бы несостоятельным, потому что то, что похоже на ощущение, опять может быть только ощущение, а не нечто внешнее по отношению к нему. Юм принимал эту аргументацию Беркли, но умозаключал на этом основании о непознаваемости и сомнительности существования внешней природы. От был скептиком.

Эмпириокритик Мах вовсе не пытается затушевать родство своей собственной философии с этим взглядом. Он неоднократно ссылается на Юма. Русские махисты в этом отношении солидарны с Махом, хотя они старались быть в то же время и марксистами. Они хотели только «углубить» марксизм при помощи махизма. Но от такого «углубления» марксизм совершенно перестал бы быть марксизмом, т.е. материализмом, ибо они направляли свою «критику» как раз на самую основу не только марксизма, но и всякого материализма: на определение материи как первоосновы. Энгельс в своем «Л. Фейербахе» дал точное определение двух основных философских направлений, материализма и идеализма. Для материалистов материя есть первичное, дух — вторичное; для идеалистов всех оттенков выходит наоборот. Махисты возражали против этого определения. Что это за определение, спрашивали они? Это же есть простое повторение. Но Ленин совершенно справедливо указывает, что *«по сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии (теории познания. — А.В.), кроме как указания на то, которое из них берется за первичное. Что значит дать “определение”? Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие “осел” под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это — предельно-широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела... не пошла до сих пор гносеология»* (Т. 10. С. 118). Ленин справедливо указывает и на то, что и у Маха и Авенариуса нет

иного определения основных понятий, кроме указания направления их философской линии.

Основная фальшь этой линии заключается в том, что ее сторонники, с этой стороны, исходят из явно идеалистического определения отношения между материей и психикой, а с другой стороны, желают остаться на почве опыта. Но никакие словесные ухищрения не могут изменить той основной истины, что опыт понимается эмпириокритиками не как взаимодействие внешней природы и человеческого сознания, или, как принято выражаться в теории познания, объекта и субъекта (а это является единственно материалистическим определенном опыта). Опыт понимается ими как самостоятельная деятельность сознания. То обстоятельство, что Мах проводил иногда свое определение опыта не последовательно и говорил о природе, наблюдение которой запечатлевается в наших представлениях, доказывает лишь то, что он не был в состоянии последовательно провести свою основную идеалистическую линию. Путаница в вопросе об опыте, как и в целом ряде других теоретико-познавательных вопросов, произошла от того, что Авенариус и Мах не принимали никакой существующей независимо от нашего Я природы. Они настаивали на своем основном положении, согласно которому исходным пунктом является неразрывная связь нашего Я и внешней среды, или, что без сознания нет мира. Правда, употребляемые эмпириокритиками термины иногда способны ввести в заблуждение читателя, ибо они говорят об опыте, как о предмете исследования, а не как о средстве познания. Но эти слова, по справедливому указанию Ленина, не меняют дела, потому что они понимают под этими выражениями не независимый от нашего сознания внешний объект, могущий быть при определенных условиях объектом нашего познания, а понимают те же самые ощущения, или «элементы», рассматривая их то со стороны объективной, то со стороны субъективной. Внешний объект и наше ощущение у них все же означает не две вещи, а одну вещь. Между тем как материализм отрицает тождество мысли и бытия внешнего мира, ибо он настаивает на том, что мышление представляет собой высший продукт особо организованной, а не всякой материи. Мышление и бытие находятся в единстве в человеке, как мыслящем организме.

На это читатель мог бы возразить, что и с точки зрения материализма мышление и бытие не могут означать по существу две вещи. Ибо материализм понимает мышление, как процесс, происходящий в материи. Кроме материи, находящейся вечно в простом или сложном движении, ничего иного не существует. Это верно. Но тем не менее верно и то, что мышление, как отражение, и его предмет, как отражаемое, представляют собой с точки зрения гносеологии два процесса, а не один процесс. При этом нельзя забыть, что в природе все процессы неразрывно связаны, в том числе и мышление и внешние процессы. Диалектический материализм учит, что бытие определяет сознание. Значит, они не тождественны, ибо для всякой причинной связи необходимо иметь два момента. Поэтому нельзя сказать, что и мышление есть материя, или что оно состоит из материальных частиц. Противоположность материи и мышления, — говорит Ленин, — поэтому имеется, но она относительна, не чрезмерна. Мышление не есть материя, а функция, результат работы материи (мозга). *«Противоположность материи и сознания, — говорит Ленин, — имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что — вторичным. За этими пределами относительность данного положения несомненна»* (Т. 10. С. 119. курсив наш. — А.В.).

Как определяет Энгельс основную проблему, отношение мышления к бытию в «Л. Фейербахе»? Он говорит следующее: «Общие законы движения внешнего мира и человеческого мышления — это два ряда законов, которые по форме различны, а по сути дела тождественны. Человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе и до сих пор большей частью и в человеческой истории они действуют бессознательно в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей». Из этих слов Энгельса видно, что он отнюдь не отрывает мышления от бытия, а считает подчиненным случаем последнего, т.е. результатом материальных процессов.

ПРИЧИННОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ

Мы видели, что из того обстоятельства, каким образом определяется отношение мышления к бытию, вытекает необходимость дальнейшего продвижения философской мысли или в материалистическом или в идеалистическом направлении. Материализм исходит из бытия как первого начала, т.е. независимого от нас существования природы. Идеализм же, наоборот, исходит из мышления. Эта противоположность исходного пункта при условии последовательности влечет за собой дальнейшее расхождение во всех вопросах гносеологии. Какими вопросами занимается гносеология? Она занимается изысканием тех законов, о которых говорит Энгельс. Она исследует основные законы мышления и бытия, понимая под ними не два ряда законов, не имеющих ничего общего между собой, а два ряда законов, хоть и являющихся по форме различными, но по существу тождественными. Материалист не говорит, что без субъекта нет объекта, а настаивает на том, что природа существовала раньше человека и его сознания, и поэтому она проделывала неизмеримо длинный путь развития по строго определенным законам еще до возникновения человека. Возникновение последнего является в свою очередь необходимым результатом развития мировой материи. Это означает, что бытие человека, так же как и деятельность его сознания неизбежно протекают между прочим также и по тем самым законам, которые действовали до его возникновения. С точки зрения недиалектика человеческий род по законам природы никогда не должен был бы возникать, ибо раз законы природы вечны, вообще ничего нового не может возникать. Природа должна вечно повторять сама себя. Естественные процессы представляют собой в таком случае вечный круговорот, где ничего нового не возникает. Имеется всегда только то, что уже было, и оно вечно повторяется. Однако такое нелепое и явно противоречащее опыту следствие получается благодаря недиалектическому мышлению, благодаря ложному пониманию смысла закономерности вообще.

Для материалиста не может быть сомнения в том, что закономерность природы так же объективна и существует так же независимо от нашего сознания, как и сама природа, материальная действительность. Материя есть движущаяся материя, ибо совершенно невозможно отделить материю от

движения. Движение материи происходит не произвольно, а по строгим законам. Движущаяся материя есть закономерно движущаяся материя. Поскольку человек весьма часто не в состоянии уловить, большей частью, чрезвычайно сложные законы движения материи, ему легко напасть на идею, что в природе самой по себе вообще нет никакой закономерности, Природа сама по себе по этому взгляду представляет собой совершенно беспорядочный хаос, и только мы, люди, привносим в нее свои логические принципы, приводящие хоть сколько-нибудь в порядок этот объективный хаос. Совершенно очевидно, что при таком взгляде на закономерность остается необъяснимым, почему наш разум обладает способностью «привести хаос в порядок». Идеалисты дали на этот важнейший вопрос самые разнообразные ответы, но все они сходятся или в том, что именно мы привносим этот порядок в природу, а не сама природа обладает им. Но идеалисты не могли не признать, что при таком «привнесении» порядка из нашего сознания в мир обнаруживается «удивительная» согласованность, или, как они любят выражаться, «гармония», между законами нашего мышления и свойствами этого «хаоса», каковым, по их мнению, является природа.

Кант, основоположник одной разновидности идеализма, так называемой трансцендентального идеализма, в своем знаменитом сочинении «Критика чистого разума» дал следующее объяснение: *«Человеческий разум обладает априорными принципами. Они априорны, потому что не возникли из опыта, а представляют собой вечное достояние всякого возможного сознания, вообще достояние всех существ, умеющих мыслить. Каковы эти законы? Все основные понятия, встречающиеся как в науке, так и в человеческой практике: пространство, время, величина, всеобщность, единичность, качество, субстанция, причинность свобода и т.д. — вот самые важные из этих понятий».*

Кант в доказательство своей теории об априорных истинах указывает на такую науку как математика, состоящую, по его мнению, исключительно из априорных истин, т.е. таких, которые стоят над опытом. А почему возможна такая наука? — спрашивает Кант. Да потому, что она пользуется упомянутыми категориями. Другой вопрос, каким образом такое априорное построение, каковым является, по убеждению Канта,

математика, может отражать свойства действительных предметов, которые (свойства) по объяснению Канта мы узнаем только из опыта. (Беда только в том, что опыт у Канта означает не то, что для нас.) Кант объясняет применимость математики к действительности тем, что действительность сама зависит от упомянутых категорий и является синтезом их, т.е. он дает идеалистическое объяснение отношения мышления к бытию. Отсюда ясно, что и Кант стоит на точке зрения, что опыт является результатом функций наших умозрительных понятий. В одном пункте он все же делает уступку материализму, поскольку признает, что наши ощущения возникают вследствие воздействия внешних предметов на наш разум. Но это материалистическое положение никак не вяжется с его идеалистической теорией об априорных категориях. Таким образом Кант не отрицает существования внешнего мира, он отрицает «только» его познаваемость, так как ясно, что наши априорные категории могут создавать предметы опыта только по своему собственному закону и не могут дать никакой гарантии, что вещи действительно похожи на наши явления. Ибо явления представляют собой результат построения из ощущений с помощью наших априорных понятий.

Имеет ли, например, причинность, одна из важнейших категорий, объективное значение, независимое от нашего разума? Ответ Канта: нет, она такого значения не имеет. Когда мы приступаем к исследованию, говорит Кант, то мы уже предполагаем значение причинности и вовсе не абстрагируем ее из своих наблюдений. Ведь без ее руководства мы не могли бы вообще приступить к исследованию. Поскольку понятие причинности черпало бы свое значение из опыта, мы не имели бы права применять его ко всякому исследованию, прежде чем убедились бы, что она имеет место в нем. Однако наше убеждение в абсолютном значении закона причинности так велико, что даже если нам не удастся открыть причинную связь в течение определенного исследования (что весьма возможно и очень часто бывает), мы все равно не отказываемся от незыблемости ее значения, предпочитаем предполагать, что допускали в своих исследованиях какую-нибудь ошибку. Это и есть «трансцендентальное» доказательство надопытного, т.е. независимого от опыта, значения принципа причинности.

Объяснение опыта по Канту, как мы видим, сводится по существу если и не к полному упразднению опыта, то во всяком случае к коренной переработке этого важного понятия. Кант сохранил чувственные данные в смысле дологических предпосылок познания. Однако чувственные данные у него ничего не могут сказать о том мире, от воздействия которого они возникают. Чувственные данные у Канта означают не действительные образы, более или менее верные отражения вызывающих их внешних причин, а последние данные нашего сознания. Из всего этого следует, что Кант вынужден решительно отрицать познаваемость вещей таковыми, каковы они есть на самом деле, или, как он выражается, познаваемость вещи в себе.

Философия трансцендентального идеализма оказала огромное влияние на современников. Она быстро распространилась почти во всем цивилизованном мире. О причинах этого влияния тут нет места говорить. Я хочу только заметить, что кантианство представляло собой подходящую для немецкой буржуазии идеологию в восходящей фазе ее развития. Кантианство не умерло и по сие время. Имеются разные школы, представляющие собой дальнейшие разветвления первоначальной формы системы Канта. Неокантианцы, т.е. сторонники этих разных разветвлений, и по сию пору называют себя сторонниками критической философии.

По форме другую, а по существу также идеалистическую линию представляет собой философия эмпириокритицизма и в вопросе о причинности. Эмпириокритики очень энергично настаивают на эмпирическом характере своего направления. Кант исходит из двух источников, из двух априорных условий опытного знания: из пространства и времени как априорных форм нашей чувственности и из априорных категорий чистого разума. Опыт слагается при помощи обработки чувственных данных этими априорными понятиями обоих источников. Эмпириокритицизм принимает за основу ощущения, как последние данные опыта, и определяет «внешние» объекты, как комплексы ощущений. Идеалистическая сущность эмпириокритицизма и его разновидностей — эмпириомонизма и эмпириосимволизма, которые были развиты русскими сторонниками Маха и Авенариуса, обнаруживается прежде всего в отождествлении внешнего мира с этими комплексами ощущений. Допуская в самом

начале основную ошибку, они строят на этой ошибке целую систему. Закономерность, существования которой не отрицают и эмпириокритики, представляется им как результат организационной деятельности нашего разума в хаосе ощущений. Ощущения сочетаются или могут сочетаться совершенно произвольно. Но в опыте мы наблюдаем известный порядок вещей. Вещи здесь означают ощущения. Наблюдаемый порядок является неприсущим вещам (ощущениям) свойством, а привносится в них нами. Спрашивается, по какому правилу поступаем мы по привнесению порядка в хаос ощущений? Принципом упорядочения служит правило экономии мышления, или принцип наименьшей траты сил. Когда перед нами имеется ряд возможностей в выборе условий, то, зная, что условия и следствия являются чем-то объективным, мы выбираем такую их связь, которая с точки зрения траты умственной силы наиболее экономна. Совершенно очевидно, что объяснение опыта эмпириокритицизмом ни чуточку не лучше, чем объяснение Канта. Причинная связь, таким образом, рассматривается обеими школами идеализма как закон сознания, а не как закон независимого от нас внешнего мира.

Против обоих направлений боролся Ленин, опираясь на Энгельса. Правда, говорит он, Энгельсу не приходилось *«специально по вопросу о причинности противопоставлять свою материалистическую точку зрения иным направлениям. В этом для него не было надобности, раз он по более коренному вопросу об объективной реальности внешнего мира вообще отмежевал себя вполне определенно от всех агностиков... Но Энгельс не допускал и тени сомнения насчет существования объективной закономерности, причинности, необходимости природы»* (Т. 10. С. 126. Впоследствии выяснилось, что Энгельс занимался и этим вопросом в недавно появившемся труде: «Диалектика природы»). Ленин, как ясно из приведенного места, считает, что объективная закономерность причинности является следствием коренного вопроса об объективной реальности внешнего мира. Закономерность, с точки зрения материализма, означает причинную связь. Она состоит в том, что в совокупном мировом процессе, состоящем из бесконечной цепи событий, каждое звено представляет собой причину другого звена и следствие предыдущих звеньев. Процессы происходят в пространстве и во времени. В них ничего случайного нет,

каждая, хоть и самая маленькая, частичка любого процесса вполне определена теми условиями, которые вызывают ее и которые называются ее причинами. Такая связь явлений природы является не результатом какого-нибудь умственного построения, привнесенным нами в природу, а строго объективна, от нас независима. Конечно, говорит Ленин, объективная причинность отражается в нашей голове и отражается только приблизительно посредством наших представлений о порядке и законе. Но относительная отражаемость в каждом отдельном случае не означает, что сам отражаемый порядок не объективен. Ленин указывает на то значительное развитие, которое испытал закон причинности у Энгельса, ибо Энгельс дал **диалектическое определение причинности**. В первой фазе исследования мы вынуждены мысленно обособлять разные переплетающиеся процессы и исследовать их в отдельности, т.е. по их особым причинам и следствиям. Но это только первый этап. Мировое целое не состоит из сочетания отдельных самостоятельных процессов. Оно представляет собой целостность. В каждом отдельном случае приходится вырывать из естественной или исторической связи отдельные моменты, как причины, и другие, как следствия. *«Но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь теперь является причиной, становится там или тогда следствием, и наоборот»* (Энгельс). Следовательно, выделение причины и следствия является искусственной изоляцией той или иной стороны единого мирового процесса. Но без такой изоляции, без анализа нельзя восстановить объективную связь явлений, нельзя перейти от анализа к синтезу.

Но спрашивается, откуда мы знаем, что законы мышления соответствуют законам природы? Откуда мы знаем, например, что наш принцип причинности правильно отражает объективную закономерность внешних процессов? Это становится вполне понятным, — говорит Энгельс, — если принять во внимание, что мышление и сознание суть *«продукт человеческого мозга и человек сам продукт природы»*. *«Продукты мозга, будучи сами в конечном счете продуктами природы, не противоречат остальной природной связи, а*

соответствуют ей». Как мы видим, Энгельс дает совершенно естественное, материалистическое объяснение соответствия законов сознания законам природы, чего ни кантианство, ни эмпириокритицизм дать не могли. Это объяснение есть образцово диалектически-материалистическое объяснение, ибо, не в пример идеализму, оно не уничтожает внешнего мира и его закономерности и в то же время в состоянии дать точный ответ на вопрос о соответствии нашего мышления внешнему миру. Объяснение Энгельса даже сравнивать нельзя с объяснением Юма или эмпириокритиков. Согласно Юму и его современным приверженцам, причинной связи объективно не существует. Только мы, люди, привыкли к тому, чтобы ожидать повторения двух явлений в их последовательности, если мы в прошлом наблюдали их последовательность. Но мы не имеем никаких данных для доказательства, что эта последовательность сохранится и в будущем. Таким образом ожидание сохранения последовательности событий, наблюдаемой в прошлом, вовсе не означает, что она необходима, объективна. Необходимо только наше ожидание ее и та психическая привычка, на которой оно основано. Правда, Мах признает, что в подавляющем большинстве случаев это ожидание оправдывается. Но это, говорит Мах, «только» оттого, что наша среда достаточно единообразна. Мах не замечает, что это объяснение, т.е. предположение единообразия природы, противоречит его основным идеалистическим посылкам. На самом же деле это единообразие представляет собой как раз факт объективной закономерности хода процессов природы, без которой никакое единообразие невозможно.

Не лучше обстоит дело и с теориями русских махистов. Вместо объективной закономерности они видят только социальную согласованность, причем закон есть не что иное, как признание большинством людей их соглашения в том или другом понятии. Вся суть этого взгляда сводится к тому, что порядок существует только в головах людей, стремящихся так или иначе внести разум в хаос мира. Справедливо замечает Л.И. Аксельрод в своей критике махизма, что как раз наоборот: в мире самом по себе имеется порядок, а в головах философов очень часто бывает хаос. Таким образом Ленин приходит к окончательному следствию: *«что существует природная, объективная связь явлений мира, в этом нет и сомнения»* (Т. 10. С. 126). *«Идея, будто познание может “создавать” всеобщие*

формы, заменять первичный хаос порядком и т.п. есть идея империалистической философии. Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только отражать эту закономерность» (Т. 10. С. 137).

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

«Признавая существование объективной реальности, т.е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства, в отличие, прежде всего, от кантианства, которое в этом вопросе стоит на стороне идеализма, считает время и пространство не объективной реальностью, а формами человеческого созерцания» (Т. 10. С. 142). Согласно Канту, предметы опыта, т.е. явления, являются продуктами обработки чувственных данных априорными понятиями как нашей чувственности, так и разума. У Канта выходит, что мир не находится в пространстве, что пространство само по себе вообще не есть нечто внешнее, а является способом связывания чувственных данных. В этом же духе говорит Мах. *«Пространство и время суть упорядоченные системы рядов ощущений»*. Выходит, что *«не человек по своим ощущениям существует в пространстве и времени, а пространство и время существуют в человеке, зависят от человека, порождаются человеком»*. Так оценивает Ленин теорию пространства Маха: Но Мах сам чувствует шаткость своего учения и делает оговорку, что наши понятия пространства и времени изменчивы, что новые открытия принуждают нас изменять эти понятия, что наши представления времени и пространства служат для ориентировки в мире. Однако, спрашивается, если мы действительно умеем ориентироваться при помощи этих представлений, то разве это не следствие того, что они отражают действительные пространство и время? Ясно, что ошибочная теория пространства и времени Маха является необходимым следствием той основной ошибки, которая заключается в утверждении, что наши ощущения не являются образами внешних вещей.

Мах критикует теорию Ньютона об абсолютном времени и пространстве. Что теория Ньютона об абсолютном пространстве и времени с точностью не отражает последних,

это, конечно, возможно. Философский материализм не настаивает на абсолютной точности той или другой теории. Он настаивает только на том, что пространство и время должны реально существовать вне человеческого сознания. Наши понятия о пространстве и времени, конечно, развиваются. Но они отражают реальное время и пространство, отражают их разной степенью точности и все больше приближаются к объективной истине. *«Человеческие представления о пространстве и времени, — пишет Ленин, — относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней»* (Т. 10. С. 143). Изменчивость наших понятий о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность последних, как изменчивость наших понятий о строении атома не опровергает объективной реальности ни самого атома, ни природы вообще.

Мах высказывает сомнение и по поводу пространственности атомов с тремя измерениями. Что такой взгляд годится только для упразднения материализма — это совершенно очевидно. Мах хочет «преодолеть» как идеализм, так и материализм. Однако в действительности он «упраздняет» материализм и тем поневоле открывает дверь для идеализма и поповщины.

Русские махисты этот идеалистический взгляд на пространство и время выразили так: пространство и время являются формами социального согласования опыта различных людей. Говоря об объективности пространства и времени, они под этим понимают, что представления пространства и времени у всех людей одинаковы. В этом и заключается, по их мнению, объективность пространства и времени. **Объективность у них означает только общезначимость.** У идеалистов выходит все наоборот. Вместо того чтобы объяснять общезначимость, т.е. одинаковость человеческих представлений о пространстве и времени, тем, что люди получают свои впечатления от того же предмета, идеалисты, наоборот, принимают общезначимость за исходный, дальше неподдающийся анализу пункт и «выводят» из нее «объективность». Поэтому не следует смешивать исторически все развивающиеся человеческие понятия о пространстве и времени, равно как и о материи, с объективностью самих времени, пространства и материи.

«Может устареть, — говорит Ленин, — и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроны, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви» (Т. 10. С. 152).

Учение о пространстве и времени, как нетрудно убедиться, неразрывно связано с основным вопросом: являются ли наши ощущения отражениями природы, или природа является комплексом наших ощущений. Кто признает реальность внешнего мира, тот не может не признать и реальность пространства и времени. Наши понятия о пространстве и времени в ходе развития естествознания действительно изменялись и изменялись в особенности под влиянием расширяющейся практической деятельности человека, овладевшего все большим и большим пространством. Развитие астрономии, изобретение телескопов-гигантов, несомненно, расширили и будут расширять еще. не один раз наше понятие о пространстве. Поэтому, как и всякое научное понятие, понятие пространства все больше приспособляется к объективному пространству и все богаче отражает сего.

III.

ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА НА ДИАЛЕКТИКУ

В полном согласии с Марксом и Энгельсом, Ленин повсюду проводит последовательно диалектическую и материалистическую линию, показывая на деле, что только она дает метод для действительного решения тысячелетних принципиальных вопросов познания. Диалектический материализм везде дает трезвые научные ответы на вопросы познания, везде разоблачает мистику и выгоняет поповщину отовсюду, куда бы она ни пряталась.

Диалектический материализм не претендует на высказывание «вечных», окончательных и последних истин. Материализм настаивает на том, что первичным является материя, и что мышление вторично, что оно есть продукт наиболее высокоорганизованной материи. Диалектический материализм отличается от прежних форм материализма тем, что процессы мира представляют собой вечное движение вперед, развитие, и что это развитие происходит путем взаимодействия, взаимного проникновения противоположных сил. Но диалектический материализм вовсе не утверждает, что какая бы то ни было исторически возникшая картина мира является абсолютным отражением действительности. Вчера химия знала только об атомах и считала их однородными, неразложимыми. Сегодня мы знаем, что и атом разложим, что он представляет собой маленький, но сложный мир, и что элементами этого мира являются электроны. Но это только сегодня. Возможно, что и электрон рано или поздно обнаружится как сложная система, ибо он так же неисчерпаем, как и космические тела. Диалектический материализм не только не возражает против такого постоянного изменения и углубления нашей научной картины мира, но прямо предполагает его и в известном смысле предвидит путь дальнейшего развития. Таким образом, *«материализм, подобно идеализму, прошел различные ступени развития. Ему приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием, составляющим эпоху в естествознании»* (Энгельс. Л. Фейербах. С. 36).

Прежде чем говорить о законах диалектики, приходится сказать несколько слов о законах формальной логики. С торжеством диалектического материализма, как общего

учения о методе как естествознания, так и общественных наук (т.е. учения об общих законах развития природы и общества), философия в старом смысле этого слова прекращает свое существование. Она не будет наукой, стоящей над другими науками. Из философии остается только формальная логика и диалектика.

Что такое формальная логика? Она обыкновенно определяется как учение о законах мышления. Логическое мышление — по этому взгляду — обязательно для того, кто хочет мыслить правильно, т.е. приходиться к таким результатам, которые соответствуют действительности. Раньше думали, что старая, т.е. недиалектическая, или, как ее обыкновенно называют ее, формальная, логика действительно дает все руководство, необходимое для правильного мышления. Но мы убедимся ниже, что это далеко не так, что формальная логика очень далека от исчерпания всех законов правильного мышления. Она, наоборот, дает такие правила, которые действительны лишь в очень узком круге применения, а именно, когда речь заходит о вещах, находящихся в покое, или, выражаясь точнее, когда речь заходит о готовых, «законченных» вещах.

Каковы те законы, которые служат принципами так называемого формального мышления, и что такое формальное мышление?

Прежде чем ответить на этот вопрос, надо еще заметить, что формальная логика одна не в состоянии дать подходящего руководства к изучению процессов. Она необходима, но недостаточна. Так как она рассматривает вещи не в процессе их становления, а в готовом виде, то из этого следует, что она может быть только частью более могучего орудия исследовательской работы. Однако в той ограниченной области, которую можно называть областью готовых вещей, формальная логика остается в силе. Это нужно понять в условном смысле, ибо вещи нельзя отделять от тех процессов, которым они обязаны своим возникновением. Но так как готовые вещи можно и должно рассматривать как результат процессов, как относительный предел их, то отношение формальной логики к диалектике можно характеризовать так, что формальная логика представляет собой предельно-упрощенный случай диалектической логики. Совершенно справедливо говорит Плеханов: «Как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам

формальной логики есть частный случай диалектического мышления».

Сейчас мы перейдем к краткому изложению трех так называемых «основных законов мышления». Они следующие: 1) закон тождества; 2) закон противоречия; 3) закон исключенного третьего.

Закон тождества гласит: всякая вещь тождественна самой себе, или, выражаясь символически, $A = A$. Здесь A означает: всякая вещь. Каждый умеющий хоть немного диалектически мыслить легко убедится, что этот закон хотя и правилен, но только в рамках той узкой области, о которой я говорил. Он действителен для явления, находящегося в покое. Само собой разумеется, что никакое явление никогда не находится в абсолютном покое, что о покое можно говорить только условно, поскольку законно предполагать, что оно не изменится заметно через очень короткий промежуток времени. Но мы имеем и более точную формулировку закона тождества (как и двух остальных законов) у Энгельса, гласящую: «как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для домашнего употребления, где рассматриваются малые отношения, или короткие промежутки времени».

Закон противоречия утверждает, что два предложения, противоречащие друг другу, не могут быть вместе правильными. Например, «человек смертен» и «человек несмертен» — противоречащие предложения. Одно предложение противоречит другому предложению, если оно отрицает его. Нетрудно понять, что и этот закон правилен только постольку, поскольку вещи рассматриваются как готовые. Ибо коль скоро речь идет о движении, закон противоречия не сохраняет своего прежнего значения. Под движением понимается, что тело постоянно меняет свое место, и поэтому оно не останавливается ни на одном из этих мест, оно и находится на данном месте и не находится там. Поэтому движение является с точки зрения этого второго закона формальной логики противоречием. Противоречивость движения уже сравнительно очень рано привлекала к себе внимание мыслителей. Уже в старой Греции возникла школа так называемых элеатов, которая открыла, что движение противоречит основному закону мышления (поскольку они считали, что кроме той логики, которую мы называем формальной, никакой другой не существует). Зенон, один из

выдающихся представителей этой школы, создал на основании противоречивости движения ряд противоречащих существованию движения умозаключений, т.е. разрушающих возможность движения. Зенон составил их для доказательства того, что нужно выбирать между опытным явлением, т.е. движением, и законом формальной логики, ибо они одновременно не могут быть верны. И хотя в то время уже существовали зачатки более общей, именно диалектической, логики (логики Гераклита), Зенон предпочел отвергнуть движение, нежели отказаться от такого ясного, элементарного принципа разума, каковым, по его мнению, является принцип противоречия. Но противоречие, имеющееся в проблеме движения, Зеноном, таким образом, конечно, не разрешается. Простое отрицание, отбрасывание движения — самого общего явления природы — не может считаться решением.

Закон исключенного третьего гласит: два противоположные суждения не могут быть вместе ошибочны. Обыкновенно принято соединять законы противоречия и исключенного третьего в одно предложение, которое гласит: **из двух противоположных или противоречащих предложений только одно может быть верно; если одно верно, то другое не верно, и наоборот.**

Эти три закона формальной логики принято называть законами мышления. Но очевидно, что они вовсе не являются законами всего мышления, а только того, которое занимается явлениями покоя или незаметно малыми изменениями в течение короткого промежутка времени. С другой стороны, законы эти являются не только законами мышления о покое, но и основными законами самого покоя, т.е. объективными, хотя и ограниченными в своем значении, законами самой действительности. Они содержат высказывания о всех вещах, поскольку они считаются неизменяющимися, в том числе также и о результатах мышления. Законы формальной логики представляют собой, таким образом, также и законы представлений, понятий, суждений и умозаключений, поскольку они рассматриваются как готовые результаты мыслительных процессов.

Возникает вопрос, каковы те законы, которые высказывают основные свойства движения, и в чем заключается отношение между этими двумя рядами законов. Основные законы движения, понимая под движением также и всякое изменение, дают основные законы диалектики.

Таких законов мы знаем три: 1) закон перехода количества в качество и обратно; 2) закон взаимного проникновения противоположностей; 3) закон отрицания отрицания.

Все эти законы были развиты Гегелем. Но Гегель понимал их идеалистически. Гегель исходил из абстракции абсолютного понятия. Последнее он абстрагировал из обыкновенного человеческого понятия, но обособил его от человека и провозгласил под названием абсолютной идеи или абсолютного духа. Материя и дух оба являются формами существования и развития абсолютной идеи. Абсолютная идея существовала еще до сотворения мира и мир возник из нее путем ее саморазвития. В первой стадии этого развития идея не знает о себе, отчуждается от себя, и Гегель рассматривал природу как эту отчуждающуюся от себя идею. Но идея не останавливается на этой стадии развития, а развивается дальше, проявляется как организм, проходит этапы от растительной жизни до своего завершения в человеке в его мышлении. История человечества у Гегеля представляет собой как раз этот постоянный процесс подъема, возвращения к самому себе абсолютного духа. Все это развитие заканчивается осознанием всего длинного пути развития — в философии самого Гегеля, который осознал весь этот путь саморазвития идеи. Таким образом Гегель создал на идеалистической основе монистическое мировоззрение, ибо согласно ему и в природе и в истории происходит диалектический процесс развития по тем же законам. При этом тождество этих законов для природы и истории основано на том, что как природа, так и человеческая история представляют собой лишь разные фазы, низшие и высшие ступени саморазвития абсолютной идеи. Кроме нее в мире ничего не существует. Все явления, как естественные, так и исторические, представляют собой только разные фазы самодеятельности абсолютной идеи. Из этого следует, что законы этих фаз по существу тождественны. Пока идея движется в форме природы, или, как Гегель выразился, движется в своем инобытии, она не знает о себе. Формы ее движения в стадии инобытия менее сложны, чем в дальнейших этапах развития. Словом, Гегель, как последовательный идеалист, объясняет природу из абсолютного понятия, ее процессы как снимки с поступательного самодвижения понятия. Понятие у Гегеля означает не субъективное представление в человеческой

голове, а абсолютное, чистое понятие, понятие без сознания, без Я. Весь процесс его саморазвития происходит не в пространстве и времени, но неизвестно где, и во всяком случае независимо от человеческой воли и мысли. На основании своей основной идеи Гегель с поразительной последовательностью развил огромную философскую систему. Эта система является наиболее последовательной идеалистической системой во всей истории философии.

Когда Маркс учился в университете в Берлине, вскоре после смерти Гегеля, он познакомился с философией Гегеля, в то время господствовавшей в Германии. В немецких университетах действовал ряд учеников Гегеля. Часть его последователей осталась на старой линии Гегеля, это так называемые старогегельянцы. Но другая часть относилась критически к учению своего учителя — это младогегельянцы. Таким образом произошел раскол. Первая группа состояла из идеологов-реакционеров, принимавших всю систему Гегеля. Младогегельянцы придавали больше значения методу Гегеля, чем той системе, которую Гегель создал на основании своего диалектического метода. Борьба между двумя направлениями разгорелась на почве объяснения религии. С точки зрения ортодоксального гегельянства, религия означает одну из высших ступеней самосознания абсолютного духа. Только философию ставил Гегель выше религии. Вследствие такой тесной связи в системе Гегеля религии и философии, казалось, что вся система Гегеля представляет собой оправдание религии и в частности христианской религии. Молодые гегельянцы — левое крыло — были представители немецкой буржуазии, в то время политически еще мало сознательной. Феодално-монархическая реакция чрезвычайно сузила арену политической борьбы буржуазии за политическую власть. Вследствие жестокой цензуры выступать с открытой критикой против существующего государства было очень трудно.

В начале сороковых годов радикальная буржуазия основала газету под названием «Рейнская газета», которая, хотя и осторюжно, начала эту борьбу. То, что выступление молодых гегельянцев драпировалось в философскую, а не политическую форму, это *«служило им лишь для отвода глаз цензуре»* (Энгельс). Поэтому главная борьба была направлена против религии. Иоганн Штраус выпустил книгу «Жизнь Иисуса» (1835 г). Потом выступил Бруно Бауэр, и начался спор

между ним и Штраусом насчет возникновения евангельских рассказов о чудесах: образовались ли они путем бессознательного мифологического творчества в недрах христианской общины, или их придумали сами евангелисты? Огромное впечатление произвело появление сочинения Людвиг Фейербаха «Сущность христианства». Фейербах в своей книге объявил войну против идеализма, в том числе и гегелевского, в недрах которого он воспитывался. Фейербах смело провозгласил первенство природы по отношению к мышлению. Человек и его сознание являются частью природы. Бог и все «высшие существа» в религии созданы фантазией человека. Они лишь фантастические отражения и преувеличения собственной природы человека. Революционно-мыслящая молодежь сразу примкнула к Фейербаху, в том числе и Маркс и Энгельс. Таким образом школа Гегеля окончательно разложилась. Историческое значение Фейербаха в буржуазно-демократическом движении в Германии велико. Но у Фейербаха, критиковавшего Гегеля и вместе с ним и всякий вообще идеализм, оказался большой пробел. Он совершенно порвал с философией Гегеля, отбросив ее в сторону целиком. Но отбросить какую-нибудь большую систему, хотя и идеалистическую, еще не значит устранить ее. Это сугубо верно по отношению, к системе Гегеля, имевшей такое огромное влияние на всю немецкую нацию. Философия Гегеля помимо идеалистической, т.е. реакционной, системы заключала в себе еще другой чрезвычайно ценный элемент: его диалектику. Историческая задача использования диалектики Гегеля была осуществлена не Фейербахом, а Марксом.

Я рассказал, хотя и очень кратко, об участии гегелевской философии. Подробности читатель может найти в классическом сочинении Энгельса «Л. Фейербах». Это необходимо для того, чтобы читатель мог понять историю возникновения современного материализма, материализма Маркса и Энгельса, т.е. марксизма. Без такого, хотя и краткого, изложения развития немецкой философии у Гегеля и его школы невозможно понять и марксизма, ибо марксизм является синтезом старого материализма XVIII века и материалистически преобразованной гегелевской диалектики. Диалектика является душой метода наиболее высшего типа материализма — марксизма.

Теперь перейдем к тому, как Маркс преобразовал гегелевскую идеалистическую диалектику в диалектику материалистическую.

Я уже сказал, что диалектический метод, Гегеля идеалистичен, потому что исходным пунктом его философии является абсолютный дух, а природа вторична, являясь инобытием духа. Такое учение противоположно основному положению всякого материализма. Поэтому материализм должен был выкинуть абсолютный дух как совершенно праздную выдумку. Маркс опять поставил на место духа природу в ее материальном значении, т.е. не как нечто производное от духа, а как первооснову всего. Маркс сам характеризует свое расхождение с Гегелем в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» следующими словами: *«Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное. Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти тридцать лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я разрабатывал первый том “Капитала”, крикливые, претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной буржуазной Германии, с особенным удовольствием третировали Гегеля, как некогда, во время Лессинга, доблестный Моисей Мендельсон третировал Спинозу, а именно, как “мертвую собаку”. Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости дальше несколько кокетничал гегельянством, употребляя там и сям характерную для него терминологию. Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках у Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой. В своей мистифицированной форме диалектика стала модной в Германии, так как, по-видимому, давала возможность*

набросить покрывало на существующее положение вещей. В своей рациональной форме диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна».

Я дал эту несколько длинную цитату, потому что не существует лучшей характеристики отличия метода диалектики у Маркса и Гегеля. Из этой цитаты мы видим, в чем заключается основной смысл этого различия. По словам Маркса, именно, Гегель первый развил общие формы движения диалектики исчерпывающим и сознательным образом. Марксу же пришлось поставить ее на ноги, т.е. поставить на материалистические ноги, ибо у Гегеля диалектика, будучи идеалистической, стояла на голове.

ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО

Упомянутые три закона диалектики говорят об общих законах движения и развития. Закон перехода количества в качество и обратный переход качества в количество указывает на диалектическую связь между качеством и количеством. Всякое явление содержит в себе в единстве как количественные, так и качественные моменты. Все, что существует в пространстве и времени, обладает сложным переплетом разных качеств. Вещь, не обладающая качествами, не есть вещь, а только абстракция. При ближайшем рассмотрении оказывается, что ни одна вещь не находится в тождественном, неизменяющемся состоянии, а постоянно изменяется. Изменяясь, вещь переходит из одного состояния в другое, т.е. движется, и в этом движении обнаруживает свою сущность, свои реальные свойства. Но, строго говоря, природа вовсе не состоит из отдельных вещей. О последних можно говорить только условно в том смысле, что мы, люди, принуждены вырывать их из той всеобщей связи, в которой они находятся, представляя совокупный единственный

мировой процесс. Отдельные вещи только условно самостоятельны, поскольку мы в состоянии более или менее точно изолировать их друг от друга в наших лабораториях. Они самостоятельны только более или менее, а не полностью, потому что все части вселенной, даже если они отстоят друг от друга на космическом расстоянии, существуют только вместе, и без общей связи их вообще нет. Материальные части и частицы вселенной находятся в постоянном движении. Они постоянно изменяют свое соотношение. Все эти разные формы движения и изменения называются, одним словом, их качеством. Но никакое качество не существует без определенной количественной характеристики. Движения различаются друг от друга, во-первых, качественно, а затем две качественно одинаковые формы движения могут отличаться друг от друга количественно. Два тела, движущиеся равномерно и прямолинейно, могут иметь разные скорости по величине и по направлению. Таким образом они качественно одинаковы, а количественно неодинаковы. Возможно также, что два движения показывают одну и ту же скорость, но они качественно различны, как, например, когда одно тело движется равномерно, скажем, с 10-метровой скоростью по кругу, а другое тело с той же скоростью по прямой линии. Прямолинейное и вращательное движения представляют собой две качественно различных формы движения. Под скоростью надо понимать тот путь, который тело проделывает через единицу времени, например, через секунду, минуту, час и т.д. Если эти пройденные телом через единицу времени пути одинаковы во всем течении движения, то движение мы называем равномерным и его скорость постоянной.

Каким образом точнее определить, что такое качество и количество? Такие определения очень трудно дать, так как качество и количество являются чрезвычайно общими понятиями, и подвести их под еще более общие невозможно. Поэтому, поскольку под определением понимается подведение одного понятия под другое, более общее, то определений качества и количества дать нельзя. Но можно дать их отношение, или точнее определить количество через качество. **Количество представляет собой вид качества.** *«Число, — говорит Энгельс, — есть чистейшее известное нам количественное определение. Но оно полно качественных различий... Первичные числа (напр. 1, 2, 3, 5, 7, 11, 13 и т.д. — А.В.)*

сообщают числам, получившимся путем умножения их на другие числа, новые определенные качества» («Диалектика природы». Архив Маркса-Энгельса. Кн. 2 С. 83. Курсив наш. — А.В.). (Под первичным числом в арифметике понимают целые числа, делимые только на единицу и на самих себя.) Мы говорим о количестве определенного качества в том смысле, что качество одной вещи по сравнению с таким же качеством другой вещи больше или меньше, или равно. Два метра сукна определенного качества равны двум метрам другого куска сукна такого же качества. Но не трудно понять, что, говоря, о качественной тождественности двух кусков сукна, мы всегда понимаем под этим выражением только приблизительную одинаковость. Абсолютного тождества во всех отношениях между двумя сложными вещами вообще не бывает. Мы принимаем практически одинаковыми две сложные вещи, если они в своих физических и химических свойствах не показывают такого различия, которое может обнаружиться заметным образом в способе их воздействия на какую-нибудь третью вещь. Поэтому можно говорить о качественно-тождественных, а количественно-различных предметах. Такие предметы можно рассматривать как качественно одинаковые, но обладающие большим или меньшим количеством этого качества. Это означает, что мы можем вообще абстрагироваться от его качества и исследовать только количественно-разные величины его. Любое количество какого-нибудь качества может служить масштабом или мерилем для определения другого количества этого же качества. Если я куплю яблоки, поскольку яблоки будут одинаковы, скажем по весу и по вкусу, то я могу абстрагироваться от этих качеств и сравнивать одну кучу таких яблок с другой кучей и определить, какая из этих двух куч состоит из большего числа единиц. Таким образом мы переходим к понятию единицы, представляющей собой не что иное, как простейший масштаб для измерения величин. Поскольку мы отвлекаемся от того, что соизмеримые объекты качественно не точно одинаковые, то мы примем их как тождественные единицы, не отличающиеся ничем друг от друга. Это, конечно, будет только абстракция, потому что в действительности мы никогда не найдем двух таких сложных предметов, о которых мы могли бы с абсолютной уверенностью сказать, что они представляют собой абсолютно тождественное количество какого-нибудь тождественного

качества. Вещи представляют собой процессы, т.е. они постоянно изменяются. Поэтому когда я измеряю метром, изготовленным из какого-нибудь дерева, длину другой вещи, то, конечно, в течение измерения и масштаб и измеряемая вещь изменяются. Температура сама изменяется постоянно и изменяет и длину вещей. Но поскольку эти изменения весьма ничтожны, — мы пренебрегаем ими и говорим об их тождественности самим себе. Только путем такой длинной цепи абстракции можно мысленно отделить качество и количество друг от друга. Диалектическое понимание, допуская абстракцию, безусловно требует, чтобы при этом никогда не забывалось, что это только абстракция. В действительности нет качества без количества, как нет и количества без качества. Они взаимны.

Первый закон диалектики говорит о том, что качество переходит в количество и обратно. Качественно определенная вещь представляет собой процесс. Говоря о вещи, мы мысленно фиксируем какой-нибудь этап или какую-нибудь фазу этого процесса, мысленно приостанавливая этот процесс. Но мы знаем, что на самом деле он не останавливается. Процесс означает изменение состояния. Поскольку состояние изменяется только количественно, изменение может быть или уменьшением или увеличением этого количества. Температура изменяет длину стержня и вообще изменяет фигуру предметов. Если температура увеличивается, то одновременно увеличивается и расстояние между его молекулами; при определенной температуре вещество переходит из твердого состояния в жидкое. Если температура еще больше увеличится, то и жидкость перестанет быть жидкостью и перейдет в газ. Таким образом, мы видим, что количественное увеличение температуры вещества на известной стадии этого процесса влечет за собой качественное изменение его, изменяет его агрегатное состояние. Вот пример перехода постоянного количественного изменения одного качества в другое качество. Из приведенного примера видно еще и то, что переход одного качества в другое качество происходит не непрерывно. Он происходит не непрерывно потому, что между качеством, с которого процесс только начинается (в начале наблюдения), и качеством, в которое он переходит, или вообще нет других качеств, или лежит только их конечное число. (Например, твердое и жидкое состояние веществ.)

Возьмем еще один пример. Если мы бросим тело вверх, оно достигнет определенной точки своего подъема и оттуда упадет вниз и ударится, скажем, о землю. На языке механики это означает, что тело, обладавшее энергией движения, так называемой кинетической энергией, эту энергию передало земле. При этом кинетическая энергия проявилась в новой форме, как теплота. **Превращение энергии из одной формы в другую означает возникновение нового качества.** Формы энергии (механическое движение, теплота, электрическая энергия, химическая энергия) качественно отличаются друг от друга. Закон превращения энергии доставляет нам хороший пример диалектического соотношения качества и количества. Этот закон говорит о том, что сумма всей энергии какого-нибудь тела или системы тел постоянна, т.е. что энергии нельзя создать из ничего. Когда, скажем, энергия движения уменьшается, тогда за счет ее убавления увеличивается другая форма энергии, например энергия положения, так называемая потенциальная энергия и т.д. Знаменитый физик прошлого столетия, Джоуль, определил количественный закон, при котором происходит превращение кинетической энергии в тепловую. Оказалось, что та работа, которая нужна для того, чтобы поднять 427 килограммов веса на 1 метр высоты, равняется количеству теплоты, достаточной для того, чтобы увеличить температуру одного килограмма воды на 1 градус. Такое же диалектическое соотношение можно наблюдать и в области химии. Два атома водорода и один атом кислорода образуют молекулу вещества, воды, которая качественно отличается как от водорода, так и от кислорода. Если же возьмем вместо одного атома кислорода два атома, то получается другое вещество, пергидроль, H_2O_2 , обладающий совершенно другим, едким вкусом. Как видно из этого примера, количественное изменение этого числа тех же атомов, их убавление, обуславливает возникновение качественно другого вещества.

Еще более бросается в глаза большое значение закона перехода количества в качество у явлений возникновения живого вещества. Когда углерод входит в состав определенных элементов (водород, кислород и т.д.) при известных количественных соотношениях, возникают разные органические вещества, т.е. живые тела. Хотя химия еще не в состоянии дать количественно точное соотношение составных

частей белка, все же не может быть сомнения, что и белок представляет собой химическое, только очень сложное соединение определенных элементов. Те же элементы в других комбинациях и при других количественных отношениях составляют неживые тела. Переход из царства неживой материи в царство организмов представляет собой безусловно решительное изменение качества. И он подчиняется закону диалектики.

В еще более сложном виде показывает себя этот закон в области общественных явлений. Изменение общественной формы, т.е. ее смена организацией нового общественного строя, представляет собой наиболее важный, но и наиболее сложный тип перехода одного качества в другое. Такой переход совершается еще более постепенно, чем те изменения в области природы, о которых мы говорили. Свержение капитализма и победа социализма происходят путем революции. Но конечно эта революция происходит не в один день, а требует целой исторической эпохи. Происходит постепенное нарастание предпосылок нового общественного строя в недрах старого, которое созревает, наконец, до того, что на основе изменений в экономической структуре общества оболочка (политическая и вообще идеологическая надстройка) старого общественного строя должна лопнуть. Такой огромный переворот происходит в течение более или менее длительного периода. Маркс его называет переходным периодом от капитализма к социализму. В этом периоде и живет культурное человечество в данное время.

Из всего сказанного ясно, что без закона перехода одного качества (при постоянном изменении количественных соотношений его составных моментов) в новое качество было бы невозможно понять ни явления природы, ни явления общественных и их движения. Нетрудно понять и то, что переходы в разных областях явлений неодинаково сложны. Переход кинетической энергии в потенциальную менее сложен, чем переход той же энергии в теплоту. Все переходы в области природы менее сложны, чем переходы, наблюдаемые в области общественных явлений. Никто лучше Ленина не осознал необходимость тщательнейшего учета всех особенностей изучаемых переходов. Законы диалектики не представлялись ему какими-то трафаретами, мертвыми шаблонами. Некоторые марксисты (плохие) думают, что достаточно затвердить основные законы диалектики, и

понимание всех явлений уже заранее обеспечено, независимо от своеобразия, места и времени данных процессов. Такой взгляд Ленин называл не применением марксизма, а его опошлением. *«Если при оценке революционных периодов, — говорит Ленин, — мы ограничимся определением линии действия разных классов, не анализируя формы их борьбы, то наше рассуждение с научной стороны будет неполно, недиалектично, а с практически-политической стороны оно выродится в мертвое резонерство».* Несколькими строками выше он характеризует своеобразие революционных периодов в отличие от мирных. *«Революционные периоды тем и отличаются от периодов так называемого мирного развития, от периодов, когда экономические условия не вызывают глубоких кризисов, не порождают мощных массовых движений, что формы борьбы в периоды первого вида неизбежно бывают гораздо разнообразнее с преобладанием непосредственно-революционной борьбы масс над пропагандистско-агитационной деятельностью вожаков в парламенте, прессе и т.п.»* (Т. II. Ч. I. С. 77).

Специальные законы, действительные для определенных исторических фаз человечества (рабовладельческий строй, феодализм, капитализм) и даже для определенных этапов той же фазы, не «выводимы» из общих для всех явлений диалектических законов. Их можно абстрагировать только из самих исторических фактов. Специальные законы представляют собой не что иное, как объективные, независимые от отдельного человека, живые связи, весьма подвижные и изменчивые реальные отношения между живыми, развивающимися классами. Поэтому Ленин так неустанно настаивает на том, что марксистская диалектика — не мертвая догма, не какое-нибудь законченное, готовое неизменное учение, а живое «руководство к действию». Это важное положение, неоднократно подчеркнутое еще Энгельсом, нельзя никогда забывать тому, кто старается действительно понимать историю, борьбу классов, также и процессы природы. *«Стремление искать ответа на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции есть опошление марксизма»*, — говорит Ленин (Т. 3. С. 10).

ЗАКОН ВЗАИМНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ⁹

Прежде чем перейти к изложению второго закона диалектики, приходится говорить о той связи, которая имеется между им и первым законом. Диалектика, как учение об общих законах движения в природе и обществе, есть по своему существу учение историческое, т.е. учение об истории развития природы и общества. Она старается отыскивать всесторонние связи такого необозримо сложного переплета, каковым является действительность. Нетрудно понять, что она должна распространить свой обще-методологический принцип нахождения всесторонних связей и на свое собственное учение. Это означает, что и законы диалектики находятся в живой связи. Диалектика учит, что нет обособленных, механических, физических, химических и биологических явлений. Точно так же диалектические законы действуют в постоянной зависимости друг от друга. Точно так же и в природе законы механики, физики, химии и биологии действуют в единстве и неразрозненно друг от друга. Цель науки заключается в том, чтобы дать рациональное объяснение возникновения новых по качеству процессов в недрах качественно других явлений, изучать законы их развития, неизбежного изменения, их гибели. Все научное исследование имеет тот смысл, что только такое изучение дает возможность предвидеть то, что будет, и сознательно повлиять в том направлении, в котором процессы развиваются. Так оказывается возможным ускорить темп развития и на основании осознанных закономерностей заставить их измениться в этом желательном нам направлении. Первый закон диалектики говорит о качественном изменении, благодаря постепенным изменениям, происходившим в количественном отношении в данной системе. Но само собой разумеется, что говорить о какой-нибудь отдельной системе можно только весьма условно. Природа и общество представляют собой не кучу разрозненных систем, которые могли бы существовать одна без другой, а живое единство. В действительности в каждый данный момент времени все

⁹ Так называет Энгельс этот закон в своей книге: «Диалектика природы».

моменты необходимы. Хотя они постоянно и изменяются, но изменяются закономерным образом.

Системы находятся во взаимодействии, и их изменение обязано именно их взаимодействиям. Когда, например, кинетическая энергия переходит в потенциальную, необходимо существование и взаимодействие, по крайней мере, двух тел, или двух систем тел. Когда бросается тело вверх, его кинетическая энергия постоянно убывает, причем расстояние брошенного тела от земли все увеличивается. Тело приобретает все больше энергии положения по отношению к земле. Современное общество состоит из разных классов. Из них решающее значение имеют буржуазия и пролетариат. Ясно, что они взаимно предполагают друг друга, что они находятся в постоянном взаимодействии в форме их борьбы. Второй закон диалектики дает новое, несравненно более глубокое понимание закона причинности. Он дает диалектическое обобщение этого закона. Диалектика учит, что действительность соткана из противоречивых, борющихся друг с другом моментов. Единой целое развивается в силу своих противоречивых, антагонистических моментов. Анализ не может обойтись без ясного, мысленного разграничения последних. Но действительное понимание возникает только, если иметь в виду, что раздвоение целого есть только первый этап познания и что его целостность требует также и восстановления их единства. *«Раздвоение единого, - говорит Ленин, - и познание противоречивых частей его... есть суть, одна из "сущностей", одна из основных, если не основная, особенностей или черт диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель... Тожество противоположностей ("единство" их, вернее сказать...) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы, и духа, и общества в том числе»* (Ленин. «К вопросу о диалектике». «Большевик». №5-6. 1925 г.).

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ЗАКОН ДИАЛЕКТИКИ И КАТЕГОРИЯ СКАЧКА

Развитие есть «борьба» противоположностей. Ленин подчеркивает большое различие между так называемым эволюционным миропониманием и диалектикой. Эволюция

понимает развитие как уменьшение и увеличение, т.е. только как количественное изменение, как повторение одного и того же качества. Диалектика же понимает развитие как единство противоположностей. Это единство состоит из двух неотделимых друг от друга моментов: раздвоения единого на взаимоисключающие противоположности, с одной стороны, и взаимоотношения между ними, с другой. *«Эволюционная точка зрения мертва и бедна»*, — говорит Ленин. Она не в состоянии объяснить возникновение нового качества. Диалектика же дает ключ к пониманию самого существенного во всех процессах. Она дает ключ к возникновению нового качества в недрах старых качеств. Или, пользуясь принятым термином, диалектика дает ключ к скачкам, *«к перерыву постепенностей»* (Ленин). Таким образом единство противоположностей только условно, временно, оно постоянно прерывается, нарушается борьбой взаимно исключающих противоположностей. Только эта борьба, т.е. универсальное развитие всей действительности ввиду взаимно исключающих противоположностей в едином, — и является абсолютным. Диалектика Маркса объясняет развитие каждого явления из его взаимодействия со всей средой, а не при помощи некоего внешнего источника (как, например, бога). Развитие происходит благодаря собственным законам развивающегося. Поэтому всякое развитие есть *«самодвижение»*. Это означает, что природу следует понимать из самой себя, а не из действия какого-нибудь внешнего агента, (бога). Такого вообще не может существовать по смыслу законов природы.

Прекрасное изложение закона противоположностей Ленин сопровождает классическим примером из марксистской теории капиталистического производства. Ввиду его большой убедительности мы даем его в форме цитаты. *«У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного товарного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении, в этой «клеточке» буржуазного общества, все противоречия (зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в сумме его основных частей от его начала до его конца»*.

Этим примером Ленин объясняет, каким образом единство противоположностей скрывается даже в таком наиболее общем и простом явлении, каковым является обмен товаров в капиталистическом обществе. Уже это элементарнейшее явление буржуазного общества содержит в себе, — по крайней мере, в зародыше, — все гигантские противоречия, разъедающие капиталистический строй. Обмен товаров между кажущимися самостоятельными контрагентами обуславливает их конкуренцию на рынке. Конкуренция же ведёт к гибели одних предпринимателей и обогащению других. Таким образом происходит массовое обнищание, пролетаризация одних слоев населения и все растущая концентрация производительных сил в руках ничтожной кучки, в руках крупной буржуазии. Рост производства и обмена товаров все больше вырабатывает класс пролетариата, т.е. такой класс, который сам не владеет средствами производства и поэтому должен продавать единственное свое имущество: свою рабочую силу. Таким образом в капитализме все больше растет класс пролетариев. Но все больше растет и обнищание этого класса, с одной стороны, а с другой — все убывает класс капиталистов благодаря процессу концентрации всех средств производства в руках этого ничтожного меньшинства всего народа.

На еще более высоком уровне этого общественного процесса, продвигающегося в постоянных небывалых противоречиях, капитализм сам видоизменяет свою форму и переходит из своей классической формы, основанной на свободной конкуренции, в новую форму, в монополистический капитализм. Однако монополия вовсе не означает прекращение убийственной конкуренции. Наоборот, монополия воспроизводит конкуренцию еще в большем, уже в мировом масштабе. Оставшийся победителем в борьбе конкуренции капиталистический класс одной страны противостоит такому же классу другой страны. Высокоорганизованное капиталистическое производство не может существовать без внешних рынков, без колоний, представляющих собой одновременно источник сырья, рынок сбыта, дешевую рабочую силу колониальных рабов и источник сверхприбыли. Но ввиду того, что на определенной фазе развития капитализма все колонии уже разделены, борьба между наиболее сильными капиталистическими странами за новый раздел мира неизбежна. Эта борьба, возникающая на

основе экономической необходимости, неминуемо переходит в войну, на сей раз уже в всеобщую, затрагивающую население почти всего земного шара. Наступает эра мировых империалистических войн.

В этих кратких словах я постарался изложить взгляд Ленина на монополистическую фазу капитализма как результат развития в противоречиях капиталистической системы, По этому вопросу он написал глубокую по содержанию брошюру: «Империализм как новейший этап капитализма».

Во взятом примере классически выпукло стоят перед нами убийственные противоречия капиталистической системы. Нужна была гениальность Маркса и Ленина, чтобы вскрыть и выявить чреватые такими огромными последствиями зародыши противоречий, скрывающиеся в таком, на первый взгляд, безобидном и обыденном явлении, как обмен товаров в капиталистическом обществе.

Но Ленин выводит еще ряд важнейших следствий из закона единства или взаимного проникновения противоположностей. Первый вывод: диалектическое объяснение противоречивого, диалектического процесса есть верное отражение последнего. Диалектика объяснения и изложения представляет собой только отражение той объективной диалектики, которая обнаруживается в самих процессах. Она не выдумка, не «удобная» гипотеза, а точное отражение того, что есть и что существовало бы и в том случае, если бы мы не открыли законов этих процессов. Разумеется, еще нужно учитывать те изменения, весьма существенные, которые происходят благодаря тому, что мы знаем эти закономерности.

Дальше Ленин выводит то следствие, что отдельное явление, как, например, обмен товаров, не существует иначе, как в той связи, которая представляет собой их общее свойство. Это общее, говорит Ленин, как закон, разумеется существует лишь в отдельном, через отдельное, между отдельными явлениями. Поэтому общее, закон, есть сущность отдельного. Закон означает то общее, которое связывает отдельные кажущиеся самостоятельными явления. Закон, конечно, «только приблизительно охватывает все отдельные предметы», ибо он есть их общее свойство. Поэтому никакой отдельный закон не исчерпывает действительности. Отдельные объекты «тысячами переходов связаны с другого

рода отдельными вещами». Только совокупность всех связей, всех закономерностей охватывает действительное движение природы и общества. Поэтому с точки зрения одного закона ряд свойств всегда оказывается случайным, так как они не подчиняются как раз ему. Но эта случайность только кажущаяся, потому что то, что случайно с точки зрения одной закономерности, оказывается необходимым с точки зрения другой.

Как любое явление включает в себя элементы диалектики, таким же образом и любое высказывание о нем (т.е. любое предложение) уже включает в себя элементы диалектики познания. Диалектика познания есть не что иное, как отражение диалектики природы и общества; но так как и наше познание есть реальная часть действительности, диалектика познания, субъективная диалектика есть частный случай диалектики природы и общества.

Ленин сравнивает познание не с прямой линией, а со спиралью, т.е. постоянно восходящей кривой линией. Противники диалектики никак не могут понять, каким образом диалектика, может быть методологией наук, теорией познания, раз она исходит из отрицания абсолютного значения принципа противоречий. Можно-же сказать или да, или нет, но нельзя сказать одновременно и да и нет. Между тем диалектика как раз занимается такими высказываниями. Анти-диалектик полагает, что поскольку вещи противоречат друг другу, они не могут существовать вместе. Он исходит из того основного принципа (который он считает незыблемым), что действительность сама по себе не может быть противоречива. Приверженцы анти-диалектического направления, отрицая независимое от нас существование внешнего мира, воображают, что они способны объяснить, почему мир не может содержать в себе противоречий. А именно потому, что мир является продуктом творческой деятельности законов нашего разума. Последние же, по их мнению, не содержат никакого противоречия. Потому и результат их действия не может содержать противоречия. Поскольку мы в своем исследовании все же наталкиваемся на противоречия, это означает только то, что мы заблуждаемся. Противоречие есть заблуждение, вытекающее из ограниченности человеческого разума. Так рассуждает анти-диалектик. Но верно лишь то, что разум противников диалектики ограничен в том отношении, что они не могут или

не желают видеть реальные противоречия, существующие в мире. Непредубежденный, не испорченный идеалистическими кривотолкованиями человек безусловно способен воспринимать, объективные противоречия. *«Противоречие, — говорит Ленин, — ...есть живое противоречие живой жизни, т.е. диалектическое, несловесное, невыдуманное противоречие»* (Т. 9. Ч. 1. С. 254). Противоречие означает заблуждение только в том случае, если человек находит его там, где его нет. Но отрицать действительные противоречия могут только те, кто, из тех или других соображений классовой ослепленности, не хотят видеть их. Для таких диалектика остается, конечно, книгой за семью печатями.

Ленин уделяет исключительное внимание закону единства противоположностей. Он правильно указывает на то, что, излагая этот закон, марксисты брали его часто как сумму примеров, а не как закон познания и закон объективного мира. Ленин хочет сказать этим, что помимо изложения закона с помощью подходящих примеров необходимо еще показать, что он представляет собой именно закон диалектики. А это значит, что нужно обязательно показать, что единство противоположностей представляет собой необходимую составную часть общих законов движения. Законы диалектики тогда обнаруживают свой истинный смысл, когда мы берем их не отдельно, а в той действительной связи, в которой они находятся. Они взаимно предполагают друг друга. Самостоятельность, в полном смысле этого слова, принадлежит только мировому целому. Никакая часть, ни одна фаза развития вселенной не обладает полной самостоятельностью. Отдельные фазы являются только моментами универсального движения материи, и, оторванно, одна от другой, не могут существовать. Законы диалектики отражают свойства сложного движения вселенной. В действительности существует только это движение материи, как целое, а не его отдельные моменты, как некие самостоятельные процессы. Мысленно, конечно, можно и должно обособлять их. Но надо всегда помнить, что такое обособление есть результат абстракции. В действительности существует их целостность. Общие законы диалектики отражают разные стороны целостного мирового процесса и вследствие этого они предполагают друг друга. В этом заключается их необходимое значение. Переход количества в

качество невозможен без взаимодействия разных качеств. Взаимодействие же в его диалектическом понимании означает взаимное проникновение противоположностей. Качества, переходящие друг в друга, как раз в этом переходе обнаруживают свою противоположность. Если мы произвольно берем какие-нибудь два качества без всякой связи, то, конечно, их противоположность мало видна. С точки зрения формального мышления они часто не противоположны, а только безотносительны. Но их безотносительность оказывается мнимой. Коль скоро мы наблюдаем, что одно качество переходит в другое (сейчас безразлично, через какую длинную цепь промежуточных этапов), мы вправе говорить об их взаимном отношении и отрицать их мнимую безотносительность. Последнее мнится только тем, кто не видит их связи. Но поскольку они действительно переходят друг в друга, их мнимая безотносительность исчезает. Они предстоят перед нами, как источники реальных, борющихся между собой, т.е. противоположных, сил, и, поэтому, необходимо характеризовать их именно как противоположные.

Формальное мышление исходит из того предрассудка, будто противоположность означает только утверждение какого-нибудь явления с одной стороны и его огульное отрицание с другой стороны. Такой взгляд совершенно несостоятелен. Он противопоставляет какую-нибудь вещь всем другим, за исключением этой одной. Такое понимание противоположности крайне узко и ложно, потому что как раз в этом случае возможность перехода становится иллюзорной. Всякий процесс при определенных условиях может переходить только в определенный и не в любой другой процесс. Совершенно правомерно называть оба конца такого действительного перехода противоположными моментами, ибо переход происходит ценой борьбы между ними. Поэтому-то они и противоположны.

Первый закон диалектики говорит о переходе одного качества вследствие его количественного изменения в новое качество. Но он не говорит о тех условиях, при которых такой переход совершается, не говорит о способе перехода. Второй закон: взаимное проникновение противоположностей даст точный и ясный ответ на этот вопрос. Переход совершается потому, что каждая частичная система находится в непрерывном взаимодействии с другими системами мира,

относительно «самостоятельные» моменты которого они представляют. Вот в чем заключается их связь. Почему мы вправе утверждать, что понята таким образом всемирная зависимость всех систем друг от друга насквозь диалектична? Потому, что только такая концепция способна преодолеть безжизненность другого понимания развития: теорий эволюционизма. Эволюционизм прав, поскольку он понимает мир как постоянно развивающееся целое, не нуждающееся ни в каких внешних толчках, т.е. в вмешательстве бога. Но он безжизнен, мертв и сух, потому что не видит самого существенного момента всемирного развития. Этот момент заключается в том, что развитие фактически всегда означает не только количественное изменение (количественный рост или количественное свертывание), а знаменует возникновение чего-то качественно нового в недрах предыдущих этапов каждого процесса. Качественное изменение, как справедливо указал в приведенной цитате Ленин, означает развитие, совершающееся скачками в определенной фазе нарастания количественных изменений внутри одного качества, благодаря взаимодействию качественно разных систем. Переход из одного качества в другое, поэтому, совершается не постепенно, а как раз через перерыв постепенности. Количественное изменение может произойти непрерывно, но переход одного качества в другое всегда совершается путем скачка.

Ленин, изучая логику Гегеля, составлял для себя конспект этого чрезвычайно важного сочинения философской литературы; в своем конспекте он цитирует те места, которые ему казались важными. Он, конечно, ничего не принимает у Гегеля без тщательного разбора, без материалистической критики; он старался, как сам говорит об этом, истолковать Гегеля материалистически. Несомненно, что, материалистически истолковывая Гегеля, Ленин принял ряд положений последнего. Одна из цитат, занесенных в его конспект, гласит: *«Говорится, что в природе не бывает скачков; и обычное представление, если оно желает понять происхождение или уничтожение, полагает, как было упомянуто, что поймет их, представляя их как постепенное возникновение или исчезание. Но было уже сказано, что изменения бытия суть вообще не переход одной величины в другую, но переход от количественного в качественное и, наоборот, становление другим, перерыв постепенности и*

качественно иное в противоположность предшествовавшему существованию. Вода через охлаждение не становится постепенно твердою так, чтобы она делалась сначала студевиною и постепенно затвердевала до консистенции льда, но становится сразу твердою... Предположение о постепенности происхождения основывается на том представлении, будто происходящее, существуя уже чувственно или вообще в действительности, не может быть воспринимаемо лишь вследствие его малой величины, равно как при постепенности исчезания небытие или другое, выступающие вместо исчезающего, так-же существуют, но еще незаметны; и притом то и другое существуют, не в том смысле, что другое содержится в данном другом в себе, но в том, что имеет место как существование, только. незаметное. Тем самым происхождение и уничтожение вообще снимаются, или иначе сущее в себе, внутреннее, в котором нечто есть до своего существования, превращается в малую величину внешнего существования и существенное различие... во внешнее просто количественное различие».

Гегель совершенно справедливо отвергает в этом отрывке эволюционизм, состоящий в том, что происходящее новое качество мысленно вкладывается в его условия. Эволюционист полагает, что новое вначале только не воспринимаемо вами вследствие его малости. Словом, эволюционизм исходит из того основного положения, что всякое изменение является лишь изменением количественным, степенью большего или меньшего. При таком взгляде, конечно, можно обойтись без принятия скачкообразности развития. Но вместе с тем нужно отказаться от действительного объяснения развития. Возникновение нового, эволюционизмом не объясняется, а принимается, как данное; им объясняется только его рост. Эволюционизм уже предполагает, что существует то, что он собирается объяснить. Поэтому ясно, что объяснение качественно нового ни в коем случае не может обойтись без признания реальности скачков в развитии.

Почему и как мог сложиться эволюционистский взгляд? Ведь он явно не соответствует действительному ходу вещей. Непосредственный источник его нужно искать в истории развития естествознания. До конца XVIII столетия из естествознания, как строгая наука, существовала только механика. Химия и биология были еще в зачаточном

состоянии. Даже физика еще не нашла окончательно того великого пути, по которому она сейчас так победоносно продвигается. Механика же, в вопросе материи, исходит из определенной абстракции. Она предполагает, что изучаемые ею предметы материальны, но качественное своеобразие материальных тел механику не интересует. Это не означает, что механика обязательно должна отрицать, что всякое тело представляет собой качественно определенную вещь, отличающуюся от другого тела, как, например, железо от калия или натрия. Механика просто абстрагируется от своеобразия вещества, потому что она не занимается законами этого своеобразия. Механика, предполагая одну только материальность, т.е. протяженность, непроницаемость, инерцию и т.д., исследует разные формы движения тел независимо от того, из какого материала они состоят. Механика исследует качество в смысле разных форм движения (например движение прямолинейное, вращательное и т.д.), а не в смысле своеобразия того материала, который движется. Механика, таким образом, отвлекается от большого числа реальных материальных качеств и оставляет только некоторые (на часть которых мы указали).

Само собой разумеется, что одна форма движения, например прямолинейное, качественно отличается от другой его формы, например от вращения. Но механика, как точная наука, не довольствуется только одним перечислением и описанием этих разных форм движения, а точно изучает их количественное соотношение. Она исчисляет скорость и ускорение движения, время, необходимое для совершения его, и т.д. Эти исследования опираются на методы математики. Скорость, ускорение, время, форма пути (так называемая траектория) представляют собой реальные моменты, качественно отличные друг от друга. Они представляют необходимые моменты действительного движения. Механика потому-то и называется точной наукой, что она в состоянии исчислить величины упомянутых качеств в каждый данный момент движения. Астроном, например, на основании законов Кеплера и Ньютона, точно определяет скорость движения земли в любой точке ее пути вокруг Солнца. (так называемой земной орбиты). Мы называем какую-нибудь область естествознания точною в том случае, если она способна дать не только качественный анализ изучаемых ею явлений, но и

точное количественное соотношение между разными качествами в любой момент времени движения. При этом движение, по предположению механики, по крайней мере в известных пределах, происходит непрерывно. Камень, падая на землю, как известно, все увеличивает свою скорость. Путь свободного падения в конце первой секунды равняется приблизительно 5 метрам. В течение второй секунды камень проделывает уже путь, равный 15 метрам, в течение третьей секунды пройденный путь оказывается равным 25 метрам и т.д. Как видно, скорость падения, тем самым пройденный через секунду путь, увеличивается в каждую секунду на 10 метров. Это увеличение скорости происходит непрерывно. Если бы мы брали за единицу времени не секунду, а миллионную или миллиардную долю ее, изменение скорости все равно произошло бы при соответствующей указанному закону пропорции.

Конечно, механика имеет дело также и с качественными изменениями, когда изменяется форма движения под влиянием определенной силы, т.е. благодаря введению новой силы. Форма пути, например, из прямолинейной переходит в параболическую, если тело, движущееся прямолинейно и равномерно на какой-нибудь плоскости со скоростью, скажем, одной версты в секунду, достигает границы твердой плоскости (напр., совершенно гладкого мраморного стола). Падая с этой плоскости, тело прекращает свое прямолинейное движение и переходит в движение параболическое. Ясно, что при таком переходе происходит скачок, ибо между прямолинейным и параболическим движением нет промежуточных форм, которые были бы ближе к прямолинейному движению и непрерывно переводили бы прямолинейное движение через бесконечное число качественно различных не параболических звеньев (форм движения) в параболическое. Переход может быть непрерывным только в том случае, если между началом и концом движения находится бесконечный ряд промежуточных этапов, как бы путь ни был мал. Это и происходит тогда, когда тело движется по определенной непрерывной кривой. Нельзя перейти из одной точки пути в другую без того, чтобы не перейти все промежуточные точки. При этом и касательные к этим точкам также должны изменяться непрерывно. Как мы видим, механика вовсе не исчерпывается одним только исчислением непрерывных,

количественных изменений положения движущегося тела по определенной кривой. Она изучает и перерывы постепенности. Тем не менее очевидно, что главная задача механики состоит именно в количественно точном изучении всевозможных форм движения.

Это несколько подробное объяснение задач механики было необходимо для объяснения того, как возник и закрепился тот взгляд на природу в целом, согласно которому; все в ней происходит непрерывно. Взгляд этот обязан тому неправильному положению, что по законам механики все происходит непрерывно. Науки, как и все явления общества, развиваются неравномерно. Когда одна наука уже достигла значительно высокого уровня развития, другая еще находится в пеленках. Тут не место заниматься вопросом, какие общественные условия, жизненные потребности людей, вызывают такую неравномерность. Между прочим здесь играет известную роль и большая или меньшая сложность изучаемых данной наукой явлений. Несомненно, что механика начала развиваться раньше и развивалась быстрее, чем химия и биология, потому что господствующий класс имел в прошлом большую потребность в ее развитии. Но помимо этого безусловно верно и то, что абстрактно понятое и сформулированные геометрические формы движения и их законы представляют собой для изучения гораздо меньшую трудность, чем, например, необозримая сложность биологических процессов.

Вместе с тем, изучая историю естествознания, мы наталкиваемся на очень интересный и важный исторический факт. В начале своего развития новая наука, по большей части стихийно, стремится подражать методу уже более развитой науки, как бы рассчитывая, что метод, оправдавшись в одной области, даст нам хорошие результаты и в другой. Поэтому, за исключением последних десятилетий, предположение непрерывности всех процессов природы считалось чуть ли не аксиомой и было распространено даже на общество, получив в областях биологии и социологии название эволюционизма.

Таким образом возникла концепция механического материализма, суть которого заключается в том, что в природе и даже в обществе все происходит по существу механически. Это означает, что основные посылки механики имеют решающее значение во всех других областях науки. Естественно, что Маркс и Энгельс вели ожесточенную борьбу

против такой концепции, искажающей реальную картину как природы, так и общества. Механическая концепция, — это не трудно понять, — не могла последовательно выдержать своей линии. Выдержанная механическая точка зрения потребовала, например, сведения всех биологических процессов к законам механики. Достичь этого механистам, конечно, не удалось. Принципы биологии качественно отличаются от законов механики (например, принципов Ньютона). Остался только один выход: сохранить основной принцип механики о непрерывности форм движения. Но мы видели, что, не только в области химии, биологии и обществознания, но даже в области самой механики, одним принципом непрерывности обойтись нельзя.

В области общественных явлений имеется направление, старающееся объяснить общественные процессы по методу биологии; например, объяснить общественные категории, законы политической экономии при помощи их сведения к законам биологии. Так была сделана попытка объяснить общество путем применения понятия организма (так называемая органическая школа в социологии). Но смешно и думать о том, что можно вывести из биологических законов, категории стоимости и прибавочной стоимости. *«Вся эта попытка, — справедливо говорит Ленин, — от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий «подбора», «ассимиляции и диссимиляции» энергии, энергетического баланса и пр. и т.п. в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революции, борьбы классов и т.п., но нет ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»* (Т. 10. С. 277).

Эти слова Ленина представляют собой блестящее опровержение не только «энергетической» социологии, но и вообще механического метода, поскольку он понимается не как метод механики, а как метод универсальный.

Ошибка механического метода заключается вовсе не в том, что он не годится для механики. Об этом смешно было бы говорить. Пользуясь своим методом, механика достигла блестящих результатов. Его ошибка состоит в том, что метод

механики, один, не в состоянии дать объяснения всех явлений природы и еще меньше, конечно, явлений общества.

Каждая наука должна найти и выработать сама свой собственный метод. Тут никакой шаблон не поможет, так как отождествление закономерностей одной области с законами другой ничего дать не может. Механическое применение метода механики к явлениям других, более сложных областей наук может привести только к путанице. Необходимо изучать всякое явление, всякую область явлений в ее своеобразии. Это одинаково относится к изучению природы и общества. *«Нельзя ничего понять, — пишет Ленин, — если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство — меньшинством»* (Т. 5. С. 479). *«Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»* (Там же. С. 480).

Говоря о праве наций на самоопределение, Ленин анализирует две фазы развития капитализма: 1) крах феодализма, образование буржуазно-демократического общества, 2) сложившееся капиталистическое общество с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии. *«Конечно, — говорит Ленин, — та и другая эпоха не отделена друг от друга стеной, а связана многочисленными переходными звеньями»* (Т. 19. С. 95). Учет этих переходных звеньев и является одной из весьма важных особенностей материалистической диалектики. Без него нельзя себя предостеречь от упрощения, от формализма, от абстрактности. Переходы реальны, ибо в мире нет тех граней, которые устанавливает человеческий разум при анализе действительности; все такие грани условны. Поэтому необходим синтез того, что было разграничено разумом. *«Основное положение марксистской диалектики состоит в том, — пишет Ленин, — что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло при известных условиях превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистическую и обратно. Пример: войны Великой французской революции начались как национальные и были таковыми»* (Т. 13. С. 438). Наполеон превратил эти национальные войны в империалистические, поработив целый ряд национальных государств.

Из этих примеров Ленина видно, какое значение имеют категории перехода, взаимного превращения и проникновения противоположных сторон, составляющих разные фазы одного и единого исторического процесса. Незнание этого закона превращает диалектику в софистику. Без переходов, отдельные эпохи противостоят друг другу без всякой связи, представляются «чистыми». *«Однако, — говорит Ленин, — «чистых» явлений ни в природе ни в обществе нет и быть не может — об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что само понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть примеси то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь. Поэтому вспоминать о том, что война (первая империалистическая война. — А.В.) не «чисто империалистическая», есть обман народных масс империалистами, Каутским и всем II Интернационалом»* (Т. 13. С. 160). Диалектика Маркса запрещает именно такой подход: изолированное, однобокое рассмотрение предмета. В первой империалистической войне были, конечно, перемешаны и национальные моменты. Например война Сербии против Австрии. Но этот *«национальный момент сербско-австрийской войны никакого серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь»*, — говорит Ленин в брошюре «Крах II Интернационала» (Там же).

Диалектика Маркса поэтому требует большой гибкости в применении ее. Если же эта гибкость становится субъективной, то это превращает ее в эклектику и софистику. А субъективной она становится, если перестает отражать процессы самой действительности и превращается в игру понятиями. Истинная диалектика должна избежать обеих крайностей: 1) однобокости, антидиалектичности и пренебрежения переходами и опосредствованиями; 2) субъективной гибкости, беспочвенности произвольных конструкций, не соответствующих действительности, не абстрагированных из нее.

ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Закон взаимного проникновения противоположностей означает раздвоение и слияние противоположностей в

единство. Единство само раздваивает себя на эти противоположности, но не отделяет их друг от друга. Оно является синтезирующим их началом. Противоположности означают реальные противоречия. Их синтез означает, что они переходят друг в друга. В результате этого перехода получается нечто третье, новое. Последнее представляет собой опять противоположность по отношению к своим моментам, ибо оно получается путем перехода двух отрицающих друг друга моментов в новое образование. Отрицание одной противоположности через другую, есть первое отрицание. Отрицание же этих противоположностей представляет собой второе отрицание, или отрицание отрицания. Это есть третий закон диалектики. Только взаимное действие всех этих трех законов дает реальную диалектику.

Возьмем несколько поясняющих примеров. Формой общежития человечества когда-то была община. Племя коллективно обрабатывало свою землю и занималось скотоводством. Через длительный исторический процесс община, т.е. родовое общество, благодаря разделению труда и повышению его производительности разложилась и уступила место общественной формации, основывающейся на частной собственности. Члены общества работали в собственном хозяйстве и частная собственность означала, что каждый являлся собственником тех средств производства и потребления, которые он создавал, которыми он жил или непосредственно пользовался в своей работе. Но постоянное накопление средств производства в руках отдельных людей создало материальные условия для уничтожения мелких частных собственников в большом масштабе. Этот процесс начал быстро развиваться со второй половины XVIII века. Возник класс, не обладающий собственными орудиями производства и, поэтому, принужденный продавать собственникам свою рабочую силу. С начала XIX века европейское общество распалось на два больших класса; на буржуазию и пролетариат (зажиточное крестьянство — тоже часть буржуазии). По мере концентрации средств производства, в руках отдельных собственников, постепенно возникают все большие и большие предприятия, собирающие огромное количество рабочих в одно место, и, производящие, на основе все больше растущего процесса разделения труда. Производство стало общественным, между тем как

распределение производимых благ осталось индивидуалистическим. Класс, непосредственно производящий материальные богатства, и производящий их при высоком уровне разделения труда, при высокой технике, оказывается лишенным подавляющей части результата своего труда. На определенной ступени развития концентрация капиталов все усиливается, и в то же время на другом полюсе общественного бытия увеличивается масса нищеты. Число эксплуатируемых и угнетаемых трудящихся все возрастает, в то время как, число привилегированных элементов общества сокращается. Общественная база капиталистической монополии все больше сужается. Противоречие между двумя классами все углубляется, становится все меньше число капиталистических магнатов и все больше возрастает объем эксплуатации. *«По мере постоянного уменьшения числа капиталистических магнатов, узурпирующих и монополизирующих все выгоды этого процесса превращения, возрастают размеры нищеты, гнета, порабощения, унижения и эксплуатации, но вместе с тем, усиливается и возмущение, и постоянно увеличиваются кадры рабочего класса, вышколенного, объединенного и организованного самим процессом капиталистического производства. Капитал сковывает процесс производства, выросший вместе с ним и при нем. Концентрация средств производства и обобществление труда достигают пункта, где они не вмещаются более в их капиталистической оболочке. Она разрывается. Час капиталистической собственности пробил. Экспроприаторы экспроприируются»* (Маркс. Капитал. Т. 1).

Анализ Маркса представляет собой классический пример законов диалектики, в том числе и закона отрицания отрицания. Первая форма частной собственности — мелкое товарное производство — основывалось на личном труде. Капиталистическая частная собственность основывается на присвоении чужого труда. Это стало возможным вследствие того, что непосредственный производитель лишен средств производства. Капитализм возник и развивался необходимым образом на основе мелкого производства, готовящего, однако, свое собственное уничтожение, как раз вследствие условий своего существования: анархии производства и конкуренции. Конкуренция есть борьба, где многие терпят поражение и только немногие выходят победителями. Разоренные мелкие собственники деклассируются, пролетаризируются,

становятся рабочими или просто пауперами (длительными безработными, когда работа является исключением, а безработица правилом).

Разложение мелких товаропроизводителей, с одной стороны, и накопление и концентрация гигантских капиталов в руках немногих лиц — с другой, неизбежны. Неизбежна поэтому и гибель самого капитализма, ибо противоречие между высоко-кооперированной формой процесса труда, с одной стороны, и присвоением львиной доли его результата ничтожной кучкой эксплуататоров — с другой, взрывает капиталистическую систему. Капиталистическая собственность таким образом представляет собой первое отрицание индивидуальной, основанной на личном труде, частной собственности. Неизбежная гибель капитализма вследствие указанного и всех вытекающих отсюда вопиющих противоречий, установление социализма представляют собой отрицание капитализма, т.е. отрицание отрицания.

Вот как понимает Маркс этот закон диалектики. Евгений Дюринг, о котором современное поколение знает благодаря той критике, которую написал про него Энгельс, обвинил Маркса в априорной (заранее принятой, не опытным путем приобретенной) конструкции. Но, как это блестяще доказал Энгельс, эта конструкция существовала только в голове самого Дюринга. Маркс дает совершенно точный научный анализ исторического развития капитализма на основании несомненных фактов. Только после этого анализа он указывает, что процесс идет по закону отрицания отрицания. Не свою теорию процесса капиталистического развития доказывает Маркс, при помощи закона отрицания отрицания, а, наоборот, этим, совершенно объективным, научно подтвержденным и подтверждающимся миллионами новых фактов, процессом, доказывает Маркс правильность закона диалектики. Последний не навязывается историческому процессу, а вскрывается в нем самом.

Закон отрицания отрицания имеет универсальное значение, так же как и другие законы диалектики. Он обнимает явления природы и общества, а также и область математики. Даже такой простой закон, каковым является умножение двух отрицательных величин, подтверждает наш закон: “- 2х - 2=+4”. Двойное отрицание в математике означает утверждение.

Необходимо подчеркнуть, что отрицание в диалектике вовсе не означает ставить просто *не* перед отрицающим понятием. Это было бы формальное отрицание. Отрицание в диалектике означает отрицание, представляющее собой результат перехода какого-нибудь явления в другое. Отрицание нужно строить так, чтобы оно могло служить основанием, исходным пунктом для второго отрицания. Капиталистическая собственность вовсе не означает голое отрицание мелкой, основанной на труде частной собственности, а ее определенное отрицание, т.е. диалектическое. Оно состоит в том, что отрицание взаимно, что оба полюса отрицания реально существуют (и взаимно действуют), а не только одна половина его, как это обязательно было бы с точки зрения формальной логики.

Капиталистическая частная собственность является не простым отрицанием мелкой собственности вообще, а таким отрицанием ее, которое берет новое начало из последней, развивается из нее и на определенной стадии развития подрывает основу этой более старой формы собственности. Также и коммунизм представляет собой отрицание капитализма, отрицание отрицания, но такое, которое возникает в недрах самого капитализма. Завершителем нового общественного строя, могильщиком капитализма, является пролетариат, развивающийся еще в лоне капиталистического строя. Таким образом диалектическое отрицание должно быть всегда таким, чтобы могло быть и второе отрицание. Поскольку предмет отрицается так, что он уничтожается, тогда, конечно, для второго отрицания, для перехода в противоположность, места не будет. Говоря об уничтожении, под этим нельзя понимать абсолютное уничтожение, ибо такого нет. Все равно, как изменяется какой-либо объект, реальное отрицание его будет объективно диалектично, потому что абсолютного уничтожения в природе не бывает. Можно, например, раздавить куколку бабочки, и тогда бабочка из нее не разовьется. Но это не явится подтверждением значения формального отрицания, потому что хотя куколка и «уничтожена», но материя и энергия не уничтожаются, они только принимают другую форму, т.е. они — опять-таки диалектически — переходят в новую форму существования. Ведь и гибель организма есть диалектический процесс.

Приходится еще сказать об одной проблеме, на которую Ленин обращал особое внимание. При изучении диалектики нетрудно попасть в весьма опасное заблуждение, состоящее в том, что законы диалектики можно насильственно навязать явлениям, а не получить их из явлений путем добросовестного научного анализа. Такая ошибка представляет собой другую крайность в отношении первой, заключающейся в том, что понятия принимаются за нечто мертвое, неподвижное. Диалектика должна избежать обеих этих ложных крайностей. Понятия диалектичны только тогда, если они не мертвы, а гибки. С другой стороны, необходимо обратить внимание на то, чтобы вместо диалектики не получилась пустая софистика, жонглирование категориями диалектики, навязывание их явлениям природы и общества. Категории диалектичны только в том случае, если они отражают действительность, т.е. отражают движение действительности. Этого можно достичь только с помощью категорий, достаточно гибких для того, чтобы отражать всестороннюю изменчивость внешней реальности. Вот на что обращает Ленин наше внимание. *«Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, — говорит он, — гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, равна эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т.е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»* (Конспект «Науки логики» Гегеля. Курсив наш. — А.В.).

В другом месте он развивает дальше эту характеристику диалектики. *«Диалектика есть живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближение к действительности... растущей в целое из каждого оттенка — вот неизмеримо богатое содержание, по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная беда коего есть неумение применить диалектику... к процессу и развитию познания»* («К вопросу о диалектике»).

По поводу дискуссии о профсоюзах, Ленин так характеризует диалектику: *«Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше (формальной логики. — А.В.). Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда*

не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибки омертвления. Это во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, брать предмет в его развитии, самодвижении (как говорит иногда Гегель), изменении».

Что такое профсоюз? Школа, аппарат, организация трудящихся, организация только промышленных рабочих или организация по производствам и т.д.? Ленин отвечает так: **«профсоюзы являются школой административно-технического управления производством. Не «с одной стороны — школа, — с другой — нечто иное», а со всех сторон — при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, профсоюзы суть школа, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления»** (Т. 18. Ч. 1. С. 55. 57). Диалектическая связь должна быть восстановлена между этими разными задачами профсоюзов, т.е. недостаточно их перечислить (профсоюз является, с одной стороны, школой, с другой стороны, аппаратом и т.д.), а нужно видеть их в единстве. Это единство, воссоздающее то, что в действительности едино, и представляет собой диалектическое отражение реально существующих вещей (там же).

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ В ПРИМЕНЕНИИ ЛЕНИНЫМ К ПРОБЛЕМАМ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Огромное значение диалектичности развития всех процессов природы и общества можно еще характеризовать одним из важнейших следствий, вытекающих из теории диалектики. Это — отношение явления и сущности. Что такое явление и что такое сущность? Явлением называется все, что нам доступно путем наблюдения. Когда мы наблюдаем, мы воспринимаем действительность так, как она нам непосредственно является. Однако необходимо строго различать между миром внешней видимости, как выражается Маркс, и сущностью вещей. Чтобы владеть наукой, необходимо познать, во-первых, то, что доступно непосредственному наблюдению, измерению и вычислению. Но необходимо отыскать и внутренние причины, скрывающиеся под внешней оболочкой. *«Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали,*

— говорит Маркс, — *то всякая наука была бы излишней*». Ленин объясняет эту мысль на примере меновой стоимости. Она есть закон цен, как и, наоборот, — определяет Ленин, — цена есть проявление закона стоимости. Это означает, что цена есть то фактическое данное, которое непосредственно наблюдается при обмене товаров. Какому закону она подчиняется, этого из непосредственного наблюдения бесчисленных колебаний цен на рынке мы не выведем. Нахождение законов цен требует тщательного теоретического исследования, и это и дается Марксом в первом томе «Капитала». Закон стоимости как и все экономические категории являются абстракциями фактических отношений и правильны только постольку, поскольку существуют эти отношения. Стоимость относится к цене как закон к своим явлениям. Цены представляют собой бесчисленные, отдельные фактические случаи, постоянно колеблющиеся вниз и вверх от стоимости. Стоимость же дает тот закон, которому подчиняются колеблющиеся цены и с которым при нормальных условиях конкуренции они длительно и значительно расходятся не могут. *«Если цена, — говорил Ленин, — есть меновое отношение, то неизбежно понять разницу между единичным меновым отношением и постоянным, между случайным и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени. Раз это так, — а это несомненно так, — мы столь же неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому, от цены к стоимости. Попытка г. Струве объявить стоимость «должным», сблизить ее с этикой или учением канонистов и т.п. падает, как карточный домик»* (Т. 12 Ч. 2. С. 391). (Струве ухитрился «доказать», что теория меновой стоимости Маркса имеет аналогию с учением схоластиков о первородном грехе. Ленин превосходно опровергает этот вздор. — А.В.)

Ленин еще в своей брошюре «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» дает блестящую характеристику диалектического метода в противовес так называемому объективному методу. Последний является по сути дела голым эмпиризмом, отрицающим всякую объективную закономерность. «Объективист», правда, говорит о необходимости исторических процессов. Но он видит только необходимость, данного положения, а не видит, какой именно класс

определяет эту необходимость. Ссылка объективиста Струве на «непреодолимые исторические тенденции» есть формула совершенно абстрактная, ибо она не объясняет движущих причин этих тенденций. Диалектик-материалист не удовлетворяется простым констатированием того, что есть. Он указывает на те общественно-экономические условия, которые дают содержание этому необходимому процессу. Он указывает на существование определенных классов, которые решают эту необходимость. Объективист видит только факты, как нечто готовое, но не видит условий их возникновения и их гибели. Поэтому, по справедливому замечанию Ленина, объективист всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов. (Апологет — тот, кто считает или желает считать существование данного порядка вечным или наилучшим. Он не хочет заниматься противоречиями, тенденциями, приводящими данный порядок вещей к своему концу, а старается, сознательно или бессознательно, отвести глаза и других от этих тенденций.) Объективист под видом объективности становится апологетом существующего строя, и по сути дела под его «объективизмом» скрывается непризнанная партийность. Диалектический материализм включает в себя партийность, обязывает открыто становиться на точку зрения определенного класса.

В конце своей жизни (1923 г.) Ленин, по поводу записок Н. Суханова, написавшего свои воспоминания о русской революции, еще раз дает блестящую характеристику и образчик марксовской диалектики в противовес эклектизму. *«Они все, — пишет Ленин, — называют себя марксистами (речь идет о мелкобуржуазных демократах и героях II Интернационала. А.В.), но понимают марксизм до невозможной степени по педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно непонятны и даже не замечены, например указания Маркса в его переписке, относящейся, помнится, к 1856 г., когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением, — даже это прямое указание они обходят и ходят кругом и около него, как кот около горячей каши».* (Суханов, как и вожди II Интернационала, критикует русскую революцию, исходя из

общего взгляда социал-демократов, что пролетарская революция может возникнуть только в технически наиболее развитых капиталистических странах и поэтому не удастся в России. — А.В.)

«...Они видели, до сих пор, определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот они не могут себе представить, что этот путь не может быть считаем образцовым иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории)».

«Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные, в зависимости, именно, от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало... Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягивающих в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была. явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западно-европейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным».

«Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии, и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, — не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий дальнейшего роста цивилизации».

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С. этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячи ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революция». Дальше Ленин указывает на своеобразие обстановки, происшедшее благодаря мировой войне, и на начинающиеся революции Востока, как особенные условия успеха русской революции, и спрашивает: «А что, если... мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 г. по отношению к Пруссии? Что, если полная безвыходность положения, удешевляя тем самым силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории? Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы»...

«В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны... «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет» (изречение Наполеона. — А.В.). Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир, или НЭП и т.п. И в Настоящее время, уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу. Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более

богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция. Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже отказаться от мысли, что будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками» (Ленин. «О нашей революции». Т. 18. Ч. 2. С. 109–112)

Я привел эти цитаты из заметок Ленина по поводу книги Суханова потому, что эти заметки, одни из последних им написанных, показывают, с какой гениальностью и, непревзойденным никем совершенством, применял Ленин революционную диалектику. Недаром Ленин всегда настаивал на том, что марксова, теория не есть догма, а руководство к действию. Социал-демократы, даже так называемые левые, дальше учебника Каутского «Социальная революция» не пошли, и питаются иллюзий, будто можно написать какой-либо учебник, который учтет все бесконечное многообразие, все особенные черты пролетарской революции, независимо от того, в какой стране, при каких особенных исторических условиях она бы не происходила. *«Переход политической власти к пролетариату, — говорит Ленин, — вот в чем суть, и тогда все существенное, основное, коренное в программе 242 наказов становится осуществимым. А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится. Это дело девятое. Мы — не доктринеры. (Доктринер тот, кто, не умея применить теории к практике, цепляется только за слова теории. — А.В.) Наше учение — не догма, а руководство к деятельности. Мы не претендуем на то, что Маркс и марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности (курсив наш. — А.В.). Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело» (Т. 14. Ч. 2. С. 83–84).*

Эти замечательные слова Ленина наряду с другой характеристикой диалектики: *«все грани и в природе и в обществе подвижны и до известной степени условны»*, выпуклее всего характеризуют глубокое понимание Лениным сути диалектики. Для буржуазных демократов и их союзников,

социал-демократов, буржуазно-демократическая и пролетарская революция разделены китайской стеной. Суханов как раз во имя такого «точного и научного» разграничения двух видов революций провозглашает невозможность перейти от буржуазной революции к пролетарской. Ленин, наоборот, великолепно зная все огромное различие двух видов революции, видит не только их противоположность, но и условия их перерастания одной в другую.

Еще в «Двух тактиках» он так характеризует это перерастание, давая один из наиболее блестящих примеров применения революционной диалектики:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» (Т. 6. С. 371).

Социал-демократы никогда не понимали и не понимают и по сию пору, что одно «научное» разграничение буржуазной и пролетарской революций в эпоху империалистического капитализма, в эпоху мировых империалистических войн не годится. Диалектика исторического процесса зашла далеко вперед. Но все это прошло мимо их внимания, потому что случилось помимо и даже против их желания. Они, — справедливо указывает Ленин, — не понимают, что буржуазно-демократическая революция (1905 г.) в России не могла не оказать огромное влияние и на революционное движение западно-европейского пролетариата. И поскольку российская буржуазная революция в свою очередь оказалась не кратковременной революционной вспышкой, а длительным процессом многих лет, постольку подъем революционного движения европейского пролетариата окажет обратное действие на Россию. Это взаимодействие породит эру всемирной пролетарской революции, которая продлится не несколько лет, а несколько десятилетий.

Ленин уже с апреля месяца 1917 года вел самую энергичную кампанию для убеждения пролетариата, что остановиться на буржуазной революции при данных условиях

мировой войны, неслыханного изнурения ею трудящихся, невозможно. Все обстоятельства требуют продвижения вперед к социализму, ибо иначе облегчить муки эксплуатируемых масс нельзя. И вышло именно так, как он говорил. Ход революции подтвердил его предвидение. Пролетариат пошел на буржуазно-демократическую, революцию вместе почти со всем крестьянством против монархии, помещиков и против всей средневековщины. Но буржуазная революция при определенных условиях империалистической эпохи перерастает в социальную революцию. Пролетариат пошел вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом против капитализма, в том числе и против кулаков. Это уже не буржуазная, а социальная революция. Это уже революция не за смену одной формы частной собственности другой формой, а за уничтожение частной собственности вообще.

Вот образец раздвоения и соединения противоположностей в вопросе о двух видах революции, чего так усиленно не хотят понять социал-демократические лидеры, подкупленные теми крохами от барышей империалистической эксплуатации колониального пролетариата, которые им переппадают от их «отечественных» капиталистов.

Кто не понимает решающей роли этого перерастания, в эпоху империализма, тот ничего не понимает в истории последних десятилетий. Только восстановленный Лениным революционный марксизм, его действенная диалектика может дать и дала нам ключ к пониманию нашей эпохи. Из этого можно понять и ту беспощадную борьбу, которую Ленин вел с Каутским («Пролетарская революция и ренегат Каутский». Т. 15. С. 443–531). Каутский старался превратить Маркса в «дюжинного либерала, а революционную диалектику — в софистику».

О перерастании Ленин говорит при всех важных случаях диалектического перехода исторических процессов. Категория перехода, перерастание — это сердце диалектики. В начале мировой войны он провозгласил лозунг перерастания империалистической войны в гражданскую и (противоположного) перерастания социал-демократического оппортунизма в социал-шовинизм, в защиту «империалистического отечества». Ленин написал блестящую книгу о перерастании прежней формы капитализма,

основанного на свободе конкуренций, в монополистический капитализм («Империализм как новейший этап капитализма», Т. 13). Наконец он выдвинул лозунг перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, перерастания буржуазной демократии в пролетарскую демократию. Конечная задача нашей эпохи — перерастание социализма в коммунизм — через строительство социализма.

Если бы Ленин ничего не дал, кроме этого блестящего применения революционной, марксистской диалектики в эпоху монополистического, умирающего капитализма, то и этого было бы совершенно достаточно, чтобы справедливо считать его величайшим мастером диалектики. Он умел как никто другой пользоваться этим великолепным средством понимания исторических событий (и также явлений природы) в борьбе за изменение существующего, бесчеловечного «порядка» вещей, за замену его новым, более высоким, более культурным, более человеческим общественным строем, социализмом. Он умел превратить теоретическую диалектику в практическую. Марксизм-ленинизм является теорией классовой борьбы и пролетарской революции. Она неразрывно связана с классовой борьбой. Она — плод и идеальное отражение этой борьбы.

Но Ленин, живя в эпоху империализма, умел не только применить марксову диалектику к особенностям эпохи империализма, давая глубокий анализ этой новейшей фазе капитализма, но сумел и развить и дополнить теорию Маркса¹⁰. Вот важнейшие моменты этого учения: значение революционной, пролетарской партии в революционную эпоху, учение о движущих силах пролетарской революции; учение о союзниках пролетариата сначала за завоевание буржуазной демократии (все крестьянство против царя и помещиков, парализование контрреволюционных колебаний буржуазии в буржуазной революции), затем борьба за завоевание пролетарской диктатуры; движущие силы: промышленный пролетариат, деревенская беднота. батраки, как опора власти пролетариата, среднее крестьянство. как его союзник; дальше крестьянский и национальный вопросы и, наконец, тщательнейшая выработка стратегии и тактики пролетариата в эпоху диктатуры — вот только самые главные завоевания марксизма, которыми мы обязаны Ленину.

¹⁰ Синтаксис автора. Прим. ред.

Помимо всего этого пролетариат обязан ему развитием марксистской диалектики еще в одном важнейшем как теоретически, так и практически вопросе. Это — отношение политической партии к ее ошибкам или вопрос о самокритике пролетарских партий. Уже Маркс подчеркивал эту важную особенность партии пролетариата. *«Прежние революции, — пишет Маркс в “18-м брюмера”, — нуждались в исторических воспоминаниях, так как нужно было затушевать их действительный смысл. Революция XIX века предоставляет мертвым хоронить своих мертвецов и прямо идет к осуществлению своих целей... Успехи буржуазных революций XVII века поразительны. Их история полна драматических эффектов. Люди и вещи полны блеска и силы; вдохновение — повседневное душевное состояние каждого. Но такие напряженные моменты не могут долго продолжаться. Быстро достигают они кульминационного пункта, после которого, общество чувствует себя как бы спохмелья, пока оно еще трезво и холодно не разобралось в результатах происшедшего потрясения. Наоборот, пролетарские революции XIX века постоянно критикуют самих себя, постоянно останавливаются в своем поступательном движении, иногда возвращаются на значительное расстояние назад, чтобы опять начать сначала, беспощадно и глубоко высмеивая половинчатость, слабость и убожество своих первых попыток, где, казалось, они опрокидывали своего противника только затем, чтобы он, прикоснувшись к земле, набрался новых сил и предстал перед ними в новом могуществе; они отступают назад, испугавшись громадности своих собственных задач, до тех пор, пока не создадут вокруг себя такую обстановку, которая отрежет всякое отступление».* (Курсив наш. — А.В.)

Ленин принял эту идею и развил ее, создавая на ее основании неизмеримо важное руководство для пролетариата в исправлении своих ошибок. *«Отношение политической партии, — говорит он, — к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это воспитание и обучение класса, а затем*

и массы...» «Надо открыто говорить им (массам. — А.В.), что одного (революционного. — А.В.) настроения недостаточно для руководства массами в великой революционной борьбе, и что такие-то и такие-то ошибки, которые готовы сделать или делают преданнейшие делу революции люди, суть ошибки, способные принести вред делу революции... Рассуждение (Ллойда-Джорджа, бывшего министром-президентом во время писания Лениным своей брошюры: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». — А.В.) показывает особенно, как умнейшие люди буржуазии запутались и не могут не делать непоправимых глупостей. На этом буржуазия и погибнет. А наши люди могут даже делать глупости (правда, при условии, что эти глупости не очень большие и что они будут своевременно исправлены) и тем не менее окажутся в конце концов победителями» (Т. 17. С. 147. 167. 170). Но не меньше внимания уделяет Ленин и ошибкам, допущенным «такими высокоучеными: марксистами... II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость... гибкой тактики, они учились и других учили Марксовской диалектике... но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не-диалектиками, оказались людьми, до того несумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Геда и Плеханова. Основная причина банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минусе три» больше «минус двух».

«Надо постараться, чтобы с коммунистами не повторилась та же ошибка, только с другой стороны, или вернее, — чтобы была поскорее исправлена и быстрее, безболезненнее для организма изжита та же ошибка, только

с другой стороны, делаемая «левыми» коммунистами. Левое доктринерство есть тоже ошибка, не только правое доктринерство... Левый коммунизм — течение совсем молодое, только-только зарождающееся. Только поэтому болезнь при известных условиях может быть легко излечена, и необходимо приняться за ее излечение с максимальной энергией».

...«Коммунисты должны приложить все усилия, чтобы направить рабочее движение и общественное развитие вообще самым прямым и самым быстрым путем к всемирной победе советской власти и диктатуры пролетариата. Это бесспорная истина. Но стоит сделать маленький шаг дальше — казалось бы, шаг в том же направлении — и истина превратится в ошибку. Стоит сказать, как говорят немецкие и английские левые коммунисты, что мы признаем только один, только прямой путь, что мы не допускаем лавирования, соглашательства, компромиссов, и это уже будет ошибкой, которая способна принести, частью уже принесла и приносит, серьезнейший вред коммунизму. Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив пового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями» (там же. С. 187–189).

Мы не можем привести здесь все высказанное Лениным по вопросу о необходимости самокритики пролетарской партии в эпоху революции. Но и уже сказанного достаточно для того, чтобы понять огромное значение той стороны применения диалектики, которую справедливо можно назвать диалектикой ошибок, понимая под этим, как выразился Ленин, отношение политической партии к своим ошибкам. Особенно интересно и важно замечание Ленина, что даже умнейшие люди буржуазии не могут не делать непоправимых глупостей. От этого буржуазия и погибнет. Пролетарские же вожди могут делать глупости, если только эти глупости не слишком велики и если они будут своевременно исправлены. При этих условиях они окажутся в конце концов победителями.

Причина такого замечательного явления коренится в двух обстоятельствах. Во-первых, в том, что пролетариат обладает единственно научной теорией революционного действия, марксизмом; во-вторых, в силу объективного положения вещей капитализм умирает. Нет такой человеческой мудрости, которая могла бы предотвратить его судьбу. Умелая, ловкая политика некоторых буржуазных политических деятелей и партий может в лучшем случае только отсрочить на некоторое время гибель капитализма, но не предотвратить ее. Буржуазные политики, например Ллойд-Джордж, ясно понимают, что крах капитализма, особенно в Англии, где большинство населения состоит из промышленных пролетариев, надвигается. Ллойд-Джордж даже немного научился марксизму. Однако предотвратить неизбежную смерть изжившей себя системы никому не удастся. Вот почему прав Ленин, говоря, что ошибки, сделанные и еще делаемые некоторыми вождями пролетарской партии, поскольку они умеют своевременно исправить их, могут только отложить окончательную победу пролетариата, но не уничтожить ее.

IV.

ФИЛОСОФИЯ И КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

Марксизм-ленинизм отличается от «марксизма» социал-демократов и тем, что он больше, чем какая-либо другая теория, основан на действенном принципе. Одна из важнейших истин исторического материализма заключается в том, что люди сами делают свою историю. Благодаря этому роль правильной революционной теории становится особенно наглядной. Учение Маркса несильно, потому что оно верно. Оно представляет ту революционную теорию, без которой не может быть и революционного движения. Недаром Ленин так заострил вопрос об ортодоксальном марксизме. В революционном движении русского пролетариата существовали разные направления, разные «оттенки». Иным могло бы показаться, что спор между сторонниками этих оттенков не важен, но *«только близорукие люди, — говорит Ленин, — могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет»* (Т. 5. С. 135).

Уже Энгельс указывает в своей книге: «Крестьянская война в Германии» на два преимущества немецких рабочих. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они одни сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти утрачен буржуазией в Германии. Классическая немецкая философия, особенно философия Гегеля, имеет громадное значение в созидаании научного социализма. Без теории марксизма рабочее движение в свою очередь не могло бы так быстро двигаться вперед. Энгельс указывает, почему английское рабочее движение так медленно развивается. Он находит одну из причин в отсутствии научной революционной теории.

Второе преимущество немецких рабочих состоит в том, что они начали участвовать в рабочем движении позже английских и французских рабочих. Поэтому они уже могли использовать и использовали так дорого купленный опыт английских и французских рабочих. Поэтому они имели возможность избежать тех ошибок, которых французы и

англичане избежать не могли. Пример — Парижская коммуна и ее опыт. Для того чтобы действительно пользоваться такими преимуществами, пролетарские вожди, — говорит Энгельс, — обязаны серьезно заниматься теорией марксизма. Они должны знать, что марксизм есть подлинная наука и что с ней следует обращаться как с наукой, т.е. изучать ее. Но этого мало. Приобретенное таким образом классовое сознание необходимо распространять среди рабочих масс, организовать партию и профессиональные союзы на основании теории марксизма.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что марксизм становится все больше и больше сознательным достоянием широких масс пролетариата. Сознание передовой части пролетариата все больше близится к тому идеалу классового самосознания, которое дается марксизмом, которое вытекает из него. Было бы совершенно немарксистски предполагать, что такое массовое, небывалое в истории человечества, идейное движение, как изучение марксизма широкими слоями пролетариата, обязано каким-то случайным настроениям со стороны масс или увлечению отдельных пропагандистов, особенно талантливо умеющих распространять марксово учение среди масс, преподносить его массе. *«Когда массы, — говорит Ленин, — переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное миросозерцание, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня»* (Т. II Ч. 1. С. 173–174). В этом Ленин видит одну из важнейших задач партийных ячеек и так ненавистных оппортунистам «профессиональных революционеров». Опыт первой русской революции доказывает, что даже период застоя, временная победа контрреволюции, последовавшая после революции 1905 года, не могла воспрепятствовать росту теоретического интереса в рабочем классе. Но еще несравненно шире и глубже идет это движение во время непосредственной революционной ситуации.

В чем заключается сила философии Маркса? В том, что у Маркса философия и политическая экономия связаны в цельное материалистическое миросозерцание. Особенность марксизма в отличие от всех других философских учений сказывается как раз и в том, что философия, экономия и политика не оторваны друг от друга. *«Политика есть*

концентрированное выражение экономики... Политика не может не иметь первенства над экономикой... Без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи» (Ленин. Т. 18. Ч. 1. С. 46. 47). Но и философия тесно связана с экономикой и политикой (как и со всеми науками вообще), ибо философия с точки зрения марксизма не есть наука, стоящая над прочими науками. От прежней философии остается формальная логика и диалектика. Диалектика рассматривает и мышление исторически, изучает его развитие, переход от незнания к познанию (Т. 16. Ч. 2. С. 323). У прежних мыслителей философия была оторвана от жизни и также от других наук, прежде всего от политической экономии политики. Поэтому Маркс был глубоко прав, указав на то, что философы до сих пор только объясняли мир так или иначе, но дело в том, чтобы изменить его. А это без самой тесной связи философии с политической экономией и политикой невозможно¹¹. Но и этого мало. Марксизм вырос из почвы всей предыдущей человеческой культуры. Было бы глубоко ошибочно думать, что марксизм представляет собой какое-то «замкнутое, застывшее учение, возникшее в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации». Марксизм не выдумывая несуществующие проблемы, а ответил на реальнейшие вопросы, поставленные исторически передовой мыслью человечества. Он вырос из французского социализма, английской политической экономии и немецкой философии, он есть «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке» (Ленин. Т. 12. Ч. 2. С. 55). Только союз рабочего класса с марксизмом, внедрение марксизма в плоть и кровь передового пролетариата обеспечит миру «выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы» (Ленин. Т. 12. Ч. 2. «Три источника и три составных части марксизма»).

Марксизм опирается на незыблемую базу положительных наук, возникших в ходу всего исторического развития и в первую очередь при капитализме. Маркс первый доказал, что развитие капитализма ведет неизбежно к коммунизму. Он доказал это на основании точного, детального изучения

¹¹ Здесь и в других местах А. Варьяш сильно заблуждается, ибо **никакой философии в марксизме нет**, а саму философию уничтожили в своё время Л. Фейербах, К. Маркс и Ф. Энгельс. Прим. ред.

капиталистического общества. Можно смело сказать, что Маркс переработал все, что в области экономики было создано до него человеческой мыслью. Но он подошел ко всем наукам и ко всем важным событиям истории критически, проверил все на опыте рабочего движения. Благодаря этому он оказался в состоянии делать те выводы, которые испорченные буржуазными предрассудками и связанные классовыми интересами мыслители сделать не смогли. Все это объясняет то огромное влияние, которое оказывает его учение на умы миллионов трудящихся. Ленин, рисуя задачи комсомола (октябрь 1920 г.), настоятельно подчеркивает необходимость усвоения всего того ценного, что было создано прежними поколениями. Только из почвы всей прежней культуры может вырасти пролетарская культура. Она есть закономерное развитие того знания, которое человечество выработало под гнетом рабовладельческого, крепостнического и капиталистического общества.

Но, спрашивается, почему сознание пролетариата идет так медленно, так неравномерно вперед по направлению достижения необходимого классового самосознания? Общественное бытие определяет сознание людей. Одним прыжком невозможно выскочить из рамок материальных условий жизни, из духовного влияния всего прошлого, из духовного влияния слоев всего народа, окружающих пролетариат. Пролетариат есть класс, выросший из обломков феодального общества одновременно с буржуазией. Он сплотился из подмастерьев средневековых цехов, из выгнанных со своей земли бывших свободных крестьян, переселявшихся массами в промышленные центры, и из деклассированных в массовом масштабе слоев мелкой буржуазии (разорившихся мелких ремесленников, пролетаризированной мелкобуржуазной интеллигенции). Нет ничего удивительного в том, что только в течение целой исторической эпохи пролетариат может создаться как единый, сплоченный класс, как класс не только в себе, но и для себя (т.е. как класс, обладающий самосознанием). Неоднородность класса пролетариата, помимо этого следствия исторического его прошлого, обязана еще и другому важному моменту, вытекающему из развития современного капитализма. Современный капитализм является уже значительно иным, чем прежний капитализм. Начиная с конца последнего десятилетия прошлого столетия, капитализм перешел в

последнюю фазу своего развития, в фазу империалистическую и монополистическую. Захват всех свободных еще от капиталистического развития колоний империалистическими державами обеспечил последним возможность нового временного роста. Грабеж колониальных народов, их угнетение и эксплуатация, дешевый труд колониальных рабов, — все это сделало возможным несколько более привилегированное положение верхушечного слоя рабочего класса в метрополиях (в государствах, владеющих колониями). Таким образом создано временное положение, искусственно использованное капиталистами, неоднородности интересов угнетаемых дома, в собственной стране, с одной стороны, и угнетаемых в колониях, с другой. Помимо этого образовалось разделение между высококвалифицированными, хорошо оплачиваемыми и неквалифицированными рабочими в самих метрополиях.

Все это — препятствия на пути сплочения рабочего класса, роста классового самосознания, предпочтения общих для всего класса, но более далеких классовых интересов цеховым, ближайшим интересам отдельных его слоев. Но все же все эти препятствия не могли разрушить ту базу, на которой ежедневно растет классовое самосознание пролетариата. По мере развития демократически-освободительного движения колониальных и полуколониальных стран все больше суживаются те возможности, которые позволяли капиталистам соблазнять крошечными поблажками верхушечные слои пролетариата.

Но и в России, где пролетариат стоит у власти, нельзя сказать, чтобы пережитки старины были изжиты. *«Классы, — так учит Ленин, — остались и останутся годами повсюду после завоевания власти пролетариатом... Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов, — это мы сравнительно легко сделали, — это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно только длительной, медленной, осторожной, организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри*

политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. (Курсив наш. — А.В.) Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу; невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем “победить” миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют буржуазию. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (Т. 17. С. 136).

Во время общенародного экономического и политического кризиса, конечно, и настроение пролетарских и непролетарских трудящихся масс становится революционным. Без этого революционного настроения нельзя претворить в действие революционную тактику. «Но мы в России, — говорит Ленин, — слишком долгим, тяжелым, кровавым опытом убедились в той истине что на одном революционном настроении строить революционной тактики нельзя. Тактика должна быть построена па трезвом, строго-объективном учете всех классовых сил данного государства (и окружающих его государств и всех государств в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений» (там же. С. 152). Дальше Ленин указывает, что отсталые массы рабочих и мелких крестьян в Западной Европе пропитаны буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками. Поэтому также и изнутри парламента и других учреждений буржуазной демократии могут и должны коммунисты вести борьбу преодоления этих предрассудков. Действительно, большевистская партия никогда не очутится в хвосте рабочего движения, а является его авангардом, его головным отрядом. Огромное

историческое значение такой партии очевидно для каждого. Только такая партия может сломить силу косности масс, которая умеет правильно направить и руководить борьбой этих масс. Но для этого она должна иметь авторитет среди масс. Из этого следует, что марксизм не может быть теорией трусливого выжидания, как это практикуется социал-демократией во имя «марксизма», а что он сочетает *«научную трезвость в анализе объективного положения вещей и объективного хода в эволюции самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»* (Т. 8. С. 450–451).

Сейчас можно дать итоги условий успеха пролетарской революции. *«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» но хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых, и эксплуататоров затрагивающего) кризиса. Значит для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удешевление или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной), обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его»* (Т. 17. С. 172).

Из этого следует, что с одним авангардом победить нельзя. Для этого нужно, чтобы весь класс, широкие массы

дошли до решения, что революция абсолютно необходима. Но для того чтобы массы могли прийти до такого убеждения, одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Когда речь идет о наступлении революционного кризиса, о расстановке всех классовых сил для решительного боя, — одной пропаганды общих истин коммунизма недостаточно. Когда авангард пролетариата убежден в неизбежности революционного штурма и когда вся масса сознательной части пролетариата ясно осознала, что время действия наступило, все еще остаются условия, касающиеся врага, против которого идет бой, и тех промежуточных элементов мелкой буржуазии, которые пролетариат может использовать в бою. Только когда враждебные классы достаточно запутались и передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, и когда все колеблющиеся, неустойчивые элементы мелкобуржуазной демократии уже достаточно разоблачили себя перед народом, — вот тогда революция назрела. Для учета всего этого необозримого количества исторических сил и условий необходимо коммунисту владеть диалектикой, уметь лавировать между врагами, использовать одну группу против другой и даже идти на такие компромиссы, которые способны ускорить темп назревающего революционного боя. Коммунистическая тактика должна быть максимально гибка. Победить буржуазные привычки в собственных рядах, пока буржуазия господствует, чрезвычайно трудно. Но без этого рабочая партия не может руководить массами в борьбе и не может победить (Т. 17. «Детская болезнь левизны»).

Философия марксизма, как наиболее действительная из всех существующих в истории философий, дает то руководство, тот компас, без которого рабочая партия не может быть действительным авангардом пролетариата. Если сопоставить с этой точки зрения марксово учение с другими философскими направлениями, то можно различать, вообще говоря, три тенденции. Существует революционная философия, являющаяся теоретическим выражением всех исторических, экономических, политических, стратегических и тактических условий революции. Это марксизм. Существует философия, являющаяся орудием господствующего класса против революции. Она призвана обрабатывать головы промежуточных слоев населения, в первую очередь «образованных людей», на удобный для буржуазии лад.

Идеализм во всех его формах здесь выполняет подсобную роль по отношению к религии. Господствующий класс наполняет дурманом религии головы отсталых масс, для которых религия является подходящей формой одурачивания. Аналогичные функции выполняет философский идеализм в более «тонкой», в более «научной» форме в тех слоях населения (мелкобуржуазной интеллигенции), которые «просвещены», т.е. которые не поддались бы очевидному, грубому обману.

Но история философии знает еще и третью — промежуточную тенденцию. Она заключается в том, что философия становится в известном смысле суррогатом революции. Типичной представительницей этой тенденции явилась философия Канта. В то время как французская буржуазия сломала силой оружия старый режим, используя против него оружие критики, — немецкий филистер удовлетворялся одной критикой своего отечественного феодального государства, не посягая на его разрушение. Совершенно ясно, что такая философия не могла быть последовательной. Она состояла из «одной стороны» и из «другой стороны», как человек по христианскому учению — из тела и души. Такая философия возникла в Германии, в то время несколько отставшей от бурного исторического развития. Она вообще возможна в такой стране, где хотя класс, носящий в себе передовые идеи преобразования общества, и имеется налицо, но он не является достаточно сильным для того, чтобы претворить эти передовые идеи в жизнь революционным путем, т.е. радикально и последовательно, ввиду слабости этой страны как в экономическом, так и в политическом отношениях.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Наша философия отличается от всех созерцательных и идеалистических видов мировоззрения тем, что она исходит из существования объективной, существующей независимо от нашего сознания действительности и старается дать конкретное объяснение ее развития. Главная ошибка всех теорий общества до появления марксизма заключалась в том, что они начинали с конца, с того вопроса, что такое общество вообще. Они развивали абстрактные размышления о человеческой природе вообще, считая задачей общественных

наук изыскать такие условия, которые наиболее соответствуют «человеческой природе». Социологи-субъективисты видели в истории только образцы того, что — с их субъективистской точки зрения — желательно или не — желательно. А что дает мерило желательного или нежелательного? Разумеется, сам «критически мыслящий» философ, «нравственно-развитый» индивид. Субъективисты сами понимали, что такое «мерило» может внести только «субъективный» порядок в хаос исторических событий, ибо что является желательным для одной нравственно-развитой личности, то не является мерилом для другой. Из этого уже вытекало, что субъективист принужден был отрицать закономерность развития общества. И он находил подтверждение такого отрицания в предполагаемом им «факте» неповторяемости исторических событий.

Очевидно, что на таких основаниях научное учение об обществе строить нельзя. Ленин видит в следующем преимуществе марксизма над всеми предыдущими социальными теориями. Учение Маркса отличается от всех разновидностей субъективизма, основывающихся на идеалистическом мировоззрении, тем, что оно рассматривает определенную общественно-экономическую формацию, а не общество вообще. Маркс исходил из основного факта, из способа добывания средств к жизни. Он делал различие между экономической структурой общества и политической, идеологической формой его. Этим Маркс устранил два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, эти теории рассматривали лишь идейные мотивы деятельности личностей, но не исследовали корней этих идей в определенном, исторически данном уровне развития материального производства. Во-вторых, они видели в истории только действие отдельных, так называемых великих людей и не обращали или мало обращали внимание на действие масс, целых классов, на исследование условий их жизни, на формы производства, являющиеся источником их существования. Еще меньше они исследовали причины изменения этих форм. Для субъективистов история человечества состоит из истории «главенствующих» идей; к тому же они, толкуя их произвольно, рассматривают их как некие самостоятельно от всего прочего развивающиеся, движущие силы истории! Таким образом все общественное развитие свелось к большей или меньшей степени

понятливости или морального уровня, в первую очередь так называемых исторических личностей.

В резком противоречии с этим Маркс в первую очередь рассматривает действия не отдельных людей, а общественных классов. Он нашел объяснение возникновения и развития капиталистического общества в взаимоотношении разных классов этого общества. Он открыл закон его развития в борьбе классов. Только категории: производительные силы, производственные отношения и их реальная связь могут дать ключ к пониманию истории, к пониманию борьбы классов. Производственные отношения в их совокупности представляют собой сложную систему, систему, изменяющуюся в зависимости от развития производительных сил, на основании которых эти производственные отношения складываются, и на основании которых классы возникают и борются.

Что такое класс?

На это Ленин дает такой ответ: *«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это также группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»* (Т. 16. С. 249). *«Положение этого класса (наемных рабочих) коренным образом отличается от положения класса мелких хозяйчиков, крестьян. Поэтому не может быть и речи об их объединении в одной партии»* (Т. 12. Ч. 1. С. 108 — 109).

Однако, спрашивается, где имеется гарантия тому, что такой, объективный, подход к истории правилен? Он правилен по той причине, что является результатом не произвольной, априорной конструкции, определения общества и человеческой природы вообще, а есть результат тщательного исторического исследования определенной общественной формации: капиталистического общества. Исходя из системы товарного хозяйства, Маркс исследует законы функционирования этой формации и ищет законы ее развития в условиях высоты производительных сил ее. Он анализирует

выросшие из исторически данного уровня производительных сил производственные отношения общества, его классов, не прибегая в конечном счете для их объяснения к моментам, стоящим вне этих производственных отношений. Дальше он исследует, как развивается товарная организация общества, как превращается она в капиталистическую и как на ее основе возникают два основных класса этого общественного строя: буржуазия и пролетариат. Еще дальше он рассматривает развитие производительности общественного труда, вызывающее непримиримое противоречие с основами самой капиталистической организации.

Исходный пункт анализа общественных отношений у Маркса, таким образом, прямо противоположен исходному пункту идеалистического понимания истории. Последнее исходило из уровня разумности людей и старалось понять исторические события умением или неумением этих людей найти тот «разумный» порядок, который соответствует человеческой природе. Но вследствие того, что этот разум представлялся им как некий самодовлеющий агент, изменяющийся неизвестно по каким условиям, вся история превратилась в их голове в полнейший хаос случайностей. Если бы люди были умнее, они могли бы найти и более подходящий для человеческой природы общественный строй. Ясное дело, что с таким ребяческим понятием о причинах общественного развития превратить историю в науку нельзя. Исходным пунктом были взяты политико-юридические отношения общества, т.е. отношения уже высокосложные¹², «долженствующие» быть объясненными из тех или иных человеческих идей. Несостоятельность такой попытки может быть ясна уже из одного того, что по такому объяснению общественные отношения строятся людьми сознательно, по определенным идеям, заранее легшим в основу их деятельности. Но это противоречит всему ходу исторического развития. Никогда еще не было, чтобы члены общества представляли себе совокупность своих общественных отношений, как нечто целостное, закономерно определенное. Напротив, люди относятся к этим отношениям до такой степени бессознательно, что ясное понимание такого основного отношения товарного хозяйства, как отношение обмена, при котором они жили многие столетия, стало

¹² Лексика автора. Прим. ред.

возможным только с начала XIX столетия благодаря английской политической экономии и главным образом Марксу. Раз это так, — а это несомненно так, — остается только один выход: объяснение зависимости развития идей от развития производственных отношений и в конечном счете от развития производительных сил. При предположении субъективистов неизбежен тот вывод, что исторические события не повторяются, что, — по мнению субъективистов, — в них нельзя найти никакой объективной закономерности. Но мы знаем, что история возникновения и развития определенной общественной формации в какой-нибудь одной стране действительно повторяется в известных пределах, по крайней мере во всем существенном, и в других странах. Капитализм начал развиваться в конце средних веков в Италии. Он повторился в Нидерландах, в Англии и т.д. Конечно, говоря о повторении, под этим никак нельзя подразумевать точное повторение во всех деталях. Возникали, по существу, именно те же производственные отношения, такие же юридические и иные идеологические надстройки, как бы они ни отличались друг от друга в отдельных оттенках. Поэтому говорить о неповторении исторических событий, поскольку речь идет о возникновении и развитии целых общественных формаций, — никак нельзя. Люди строили свой общественный строй без сознательного плана. Они обменивались продуктами, вступали в производственные отношения, вовсе не сознавая, что их деятельность есть общественное, производственное отношение. Поэтому последнее не проходит предварительно через их сознание, а складывается бессознательно. Только тогда, когда уже эти отношения развились до определенной степени, находятся отдельные мыслители, которые осознают и проводят в сознание других законы этого процесса.

Но Маркс не удовлетворился анализом хозяйственной формации современного общества. Он не ограничился одной теорией капиталистического производства. Он сумел раскрыть и причинную связь между отношениями производства и надстройкой. Он показал, — пишет Ленин, — *«всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса*

капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т.п., с буржуазными семейными отношениями... Маркс положил конец воззрению на общество, как механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» (Т. 1. С. 81. Курсив наш. — А.В.). Маркс совершил такой же переворот в области общественных наук, как Дарвин в области биологии. Так оценивал Ленин учение Маркса.

Ленин, конечно, превосходно знал, что раз идеология вырастает на определенном производственном базисе, она оказывает обратное влияние на этот базис и участвует в изменении его. Когда марксисты говорят, что общественная формация возникает помимо сознания и даже воли людей, это вовсе не означает, что исторический процесс идет механически. Люди сами делали и делают свою историю. Но они делают ее несознательно, не по определенному заранее им известному или договоренному плану. Но хотя они и делали свою историю до сих пор несознательно, все же они имели какое-то представление о том, что они делают. Только это представление не было правильным отражением того, что они делали, не было ясным осознанием той связи, которая существовала в деятельности отдельных общественных групп. Потому и называет Энгельс, а за ним и все марксисты систему таких представлений идеологией, отражающей действительность в кривом зеркале.

Неслучайно, что Маркс и Энгельс, давшие впервые верное отражение функционирования законов капиталистического общества, дали мировоззрение пролетариату, а не буржуазии. Никакой общественный класс, живущий эксплуатацией других классов, не может овладеть всем горизонтом своего существования, исторической обусловленностью возникновения и гибели созданного им общественного строя. Он вынужден создавать неправильную идеологию. Ведь последняя сама служит для него орудием в борьбе за сохранение своего господства, за необходимое убеждение в совершенстве своего общественного и

государственного строя. Она же служит орудием успешного влияния на умы угнетаемых им классов. Буржуазная идеология нужна буржуазии для одурачения, — сознательного или бессознательного, это не меняет дела, — голов отсталых масс. *«Буржуазный философ или буржуазный публицист, — говорит, — Ленин, — никогда не поймет социал-демократии правильно, ни меньшевистской, ни большевистской социал-демократии. Но если это хоть сколько-нибудь толковый публицист, то его не обманет его классовый инстинкт, и значение для буржуазии того или иного течения внутри социал-демократии он всегда схватит в сущности верно, хотя и изобразит превратно. Классовый инстинкт нашего врага, классовое суждение его всегда заслуживает поэтому самого серьезного внимания всякого сознательного пролетария... Либералы, как идеологи буржуазии, прекрасно понимают, что для буржуазии выгодна “практичность, трезвость, серьезность” рабочего класса, т.е. фактическое ограничение поля его деятельности рамками капитализма, реформ, профессиональной борьбы и т.д. Буржуазии опасна и страшна “революционистская узость” пролетариата и его стремление во имя его классовых задач добиваться руководящей роли в общенародной революции»* (Т. 6. С. 384 — 385).

«Узость» горизонта понимания буржуазией рабочего движения диктуется его классовыми интересами. Буржуазия всегда будет «понимать» только оппортунистов, «умеренных», т.е. по сути дела тех представителей пролетариата, которые стремятся не к пролетарской революции, а к реформам, не затрагивающим самого существования капитализма.

В учении Маркса буржуазии больше всего не нравится тот смысл, который придает Марке понятию классовой борьбы. Очень распространено мнение, будто учение о классовой борьбе создано Марксом. Но это неверно. Это учение существовало и до Маркса. Оно было выработано идеологами французской буржуазии во время ее борьбы за политическое господство (Тьерри, Гизо и т.д.). Идея классовой борьбы, вообще говоря, приемлема для буржуазии. И ее представители, как, например, русские «экономисты», признавали классовую борьбу за экономическое улучшение положения рабочего класса, но не признавали ее как борьбу за захват власти пролетариатом. Поэтому кто признает только борьбу классов, — пишет Ленин в «Государстве и революции»,

— тот еще не-марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. **Всякая классовая борьба есть борьба политическая.** Оппортунисты старались всячески извратить эти глубокие слова Маркса. Маркс сам подчеркивает, что новый смысл, который он придал понятию классовой борьбы, заключается в том, что она на определенном уровне общественного развития неизбежно приведет к диктатуре пролетариата. «Что касается меня, — говорит Маркс, — то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы. Невежественные люди, отрицающие не только борьбу, но и самое существование классов, доказывают лишь то, что они, несмотря на все свое кровавое и якобы гуманистическое злобствование, считают общественные условия, на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом... истории, что они лишь слуги буржуазии» (письмо Маркса Вейдемейеру, 5 марта 1852 г.).

Оппортунизм заключается в отрицании диктатуры пролетариата. «Оппортунизм, — говорит Ленин, — не доводит признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода перехода от капитализма к коммунизму, до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее. В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством по новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по новому диктаторским (против буржуазии)» (Т. 14. Ч. 2. С. 324).

Кто хочет перепрыгнуть из буржуазного государства, из этого орудия насилия и эксплуатации капиталистами трудящегося народа, прямо в безгосударственное общество

(как, например, анархисты), тот не понимает того, что буржуазное государство никогда само собой не отомрет. *«Смена буржуазного государства пролетарским невозможно без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т.е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем “отмирания”»* (Т. 14. Ч. 2. С. 313). Без этого последнего типа государства переход в неклассовое общество невозможен. Буржуазное государство можно только свергнуть, и единственный класс, способный к его свержению — пролетариат. Пролетарское же государство отомрет само собой. По мере того, как с перестройкой всего производственного процесса исчезают классы, исчезнет и всякая необходимость в государственной власти. Где нет классов, там нет и государства.

Огромная заслуга Ленина — восстановление марксова учения о государстве и о пролетарской диктатуре. Социал-демократы всячески искажали или даже прямо отрицали и отрицают это учение Маркса. «Государство и революция» Ленина представляет собой не простое восстановление учения Маркса, но и его дальнейшее развитие на основании марксистского, материалистически-диалектического метода.

Не меньше заслуга Ленина в дальнейшем развитии проблемы стратегии и тактики пролетарской революции. И здесь он дал образцы применения революционной диалектики. Стратегия есть учение об основных, общих силах революции, учение об учете своих собственных сил, т.е. сил пролетариата и тех классов, которые могут и должны служить резервами в социальной революции. Но стратегия есть и учет сил противника (буржуазия, дворянство, крупные помещики, кулаки.) Стратегия поэтому представляет собой целостный план классовой борьбы пролетариата за осуществление его диктатуры и строительство нового общества в переходном от капитализма к социализму периоде. Тактика же есть часть стратегии, теория борьбы пролетариата за определенную фазу этого периода, линия поведения во время прилива и отлива революционной волны, смена одной формы борьбы новой, замена одних лозунгов другими в зависимости от революционной ситуации. Правильная тактика должна быть максимально гибка. Стратегия нужна для того, чтобы выиграть войну, тактика же — для того, чтобы выиграть отдельные битвы путем организации сил, их использования во всех

формах борьбы, чтобы добиться успеха и максимально использовать его результаты (см. Сталин, «О Ленине и ленинизме»). Война есть продолжение политики другими, именно открыто насильственными, средствами. Ленин ссылается на эту формулировку Клаузевица, одного из великих писателей по философии войны, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И Маркс и Энгельс рассматривали каждую войну как продолжение политики разными средствами разных стран и разных классов за ту же цель. Маркс и Энгельс различали объективное, экономически-политическое содержание империалистической войны от субъективной идеологии, необходимой буржуазии для маскировки действительных мотивов ее.

«Объективное содержание войны, — пишет Ленин, — есть “продолжение политики” империализма, т.е. грабежа одряхлевшей буржуазией “великих держав” (и их правительствами) чужих наций; “субъективная” же преобладающая идеология есть “национальные” фразы, распространяемые для одурения масс» (Т. 13. С. 161). Но пролетариат не может выиграть войну против буржуазии и свергнуть ее без того, чтобы не использовать все резервы, всех естественных союзников, по возможности нейтрализуя неустойчивые, шаткие, колеблющиеся элементы, промежуточные слои между пролетариатом и буржуазией. Для уничтожения капиталистов необходимо воспитать, просветить, организовать и дисциплинировать массы, превратить их в сознательных борцов революции. Это может сделать только партия пролетариата.

«В том-то и состоит, — говорит Ленин, — между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов» (Т. 17. С. 157).

Одно из главных условий успеха заключается в сосредоточении главных сил революции в решающий момент на наиболее слабом пункте противника. Наступление же можно начать только тогда, когда не только авангард готов к бою, но когда революционная волна зашла так далеко, что

представляется возможным втянуть в борьбу вместе с ними резервы при помощи организации их в советах, на уличных демонстрациях, митингах и литературы. Тактические условия успеха Ленин формулирует, ссылаясь на Маркса, в следующих словах: 1) *«никогда не играть с восстанием, а начиная его, знать твердо, что надо идти до конца; 2) необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев; 3) раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания» (Т. 14. Ч. 2. С. 270); 4) надо стараться захватить врасплох неприятеля и 5) добиваться ежедневно хоть маленьких успехов. Восстание должно быть нападением, а не обороной, ибо, повторяем, оборона есть смерть вооруженного восстания. Она даст время для неприятеля собирать свои силы. О подходящем моменте начала восстания, когда враждебные силы достаточно запутались и передрались друг с другом, мы уже говорили в другой связи. Искусство восстания требует еще умения отступить, когда враг силен, когда отступление является единственным средством сохранить боеспособность революционной армии, не давая возможности неприятелю раздавить ее. Классическим примером такого отступления, выполненным Лениным, является Брестский мир. Величайшую опасность представляет собой отрыв авангарда, т.е. большевистской партии, от основных масс пролетариата, угрожающий в то же время потерей влияния рабочего класса на широкие массы крестьян. Надо во что бы то ни стало сохранить теми, чтобы не потерять связь с массами. Иначе революция может превратиться в отчаянный бунт кучки заговорщиков.*

«С одним авангардом, — говорит Ленин, — победить нельзя. Бросить только один авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, но крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением» (Т. 17. С. 179). Для этого нужна не только агитация, но нужен собственный политический опыт масс. Стратегия требует дальше отысканий при каждом случае того особенного звена во всей

цепи процесса, ухватившись за которое можно удержаться и подготовить дальнейшую победу. Примером этого правила является развитие торговли при переходе от гражданской войны к хозяйственному строительству.

Чрезвычайно важным вопросом стратегии является отношение революционной партии к реформам. Неверно будто революционная партия принципиально враждебна всякой реформе. Различие между реформистами и революционерами заключается в том, что для первых реформа является единственной или по крайней мере главной задачей. О революции они говорят только в праздничные дни для подъема настроения масс. Для революционеров главное — подготовить революцию. Они рассматривают реформу, как побочный продукт революционного движения, также помогающий разложению буржуазной власти, пригодный для прикрытия усиления нелегальной работы и подготовки масс в свержению буржуазной диктатуры. Наоборот, реформист приветствует реформы для того, чтобы отказаться от всякой нелегальной работы (см. Сталин, «О Ленине и ленинизме»).

Но это не исчерпывает всего вопроса об отношении реформы к революции, а относится только к той фазе борьбы, которая предшествует победе пролетариата. После его победы хотя бы и в одной стране отношение реформы к революции несколько изменяется. Это изменение не принципиально, но осознать его можно только на почве философии и политики, марксизма, — говорит Ленин. *«После победы... реформы (будучи в международном масштабе тем же самым «побочным продуктом») являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа даст такой “запас сил”, что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном и в моральном смысле»* (Т. 18. Ч. 1. С. 382).

V.

ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА НА НОВЕЙШИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Мы уже говорили о том, что марксизм есть цельное мировоззрение. Он не только первый дал материалистическое и диалектическое, подлинно научное объяснение истории в лице исторического материализма, но он представляет собой и метод, а именно диалектический метод для всех наук. Так смотрели на него и Маркс, и Энгельс. В 1878 году появился труд Энгельса под названием: «Переворот науки г. Евгением Дюрингом», или «Анти-Дюринг». Эту книгу Маркс читал еще в рукописи, вполне одобрил ее и сам написал в ней X главу о развитии экономики. Первая половина книги содержит взгляды Маркса и Энгельса на современные им вопросы естествознания. Она вышла тремя изданиями еще при жизни Энгельса. С того времени естествознание сделало гигантские шаги вперед. Тогда кинетической теории материи почти еще не существовало, современная электродинамика только начала развиваться и не было учения о лучистой энергии, теории квант и т.д. Доказательством удивительной работоспособности Ленина служит тот факт, что он умел следить за тем головокружительным развитием естествознания, которое происходило перед его глазами. Значительная часть его философской работы: «материализм и эмпириокритицизм» занимают философские проблемы, возникшие на основании новейших открытий физики и химии. И в этой области он оказался не простым любителем, интересующимся развитием естествознания. Сознвая громадное значение естествознания для техники и дальнейшей судьбы человечества, Ленин занимался им с определенной практической целью. Он пользовался достижениями новейшего естествознания для опровержения идеализма. в том числе и эмпириокритицизма. Это занятие стало для него необходимо также и вследствие того, что многие из эмпириокритиков были естествоиспытателями (по крайней мере основоположники теории). Они старались доказать правоту своей точки зрения путем идеалистического толкования результатов естествознания. Современное естествознание развивает такую сложную картину мира, что не только профаны, но даже часть естествоиспытателей не

верили в объективность этой картины или, как естественники выражаются, этой модели мира. Мах отвергал атомистическую теорию как отражение действительности и считал ее просто рабочей гипотезой, удобной для наиболее экономной систематизации наших опытов. Релятивисты еще больше укрепились в своем ложном убеждении тогда, когда исследование электродинамических процессов в высоко разжиженных газах привело к открытию электронов, этих атомов электричества. Электроны представляют собой массы чрезвычайно малой величины (1840-ю долю наиболее легкого вида атомов, атомов водорода). Возникло сомнение в их действительном существовании. Ряд физиков считал их только нашими выдумками правда, очень удобными для систематизации фактических опытов, но нереальными. Таким образом возникло своеобразное направление, которое Ленин вслед за другими критиками называет физическим идеализмом. Против этого течения в естествознании он и написал последние две главы упомянутого сочинения. Он убедительным образом доказывает, что идеалистическое толкование электронной теории никуда не годится. Он показал, что новая теория материи не только не опровергает материализма, а является, напротив, одним из блестящих его доказательств, но только не материализма XVIII века, так называемого механического материализма, а материализма диалектического.

Ленин начинает со ссылки на одного венгерского марксиста Динер-Дёнеша, поместившего статью под названием «Марксизм и новейшая революция в естествознании» («Die Neue Zeit», 1907, № 52). Динер-Дёнеш сопоставил новейшие открытия в естествознании с «Анти-Дюрингом» Энгельса и пришел к выводу, что они сводятся к тому, что на первый план было выставлено Энгельсом. Именно к тому, что в природе нет никаких непримиримых противоположностей — они вносятся в природу исключительно нами. Он указывает что свет и электричество суть проявления одной и той же силы природы, что химическое сродство сводится к электрическим процессам, что атомы химии, *«число которых продолжает все возрастать точно в насмешку над единством мира, оказываются разрушенными и разложенными»* (цитата из Ленина. Т. 10. С. 209). *«Все явления природы суть движение, и различие между ними состоит только в том, что мы, люди,*

воспринимаем это движение в различных формах... Дело обстоит именно так, как сказал Энгельс. Точно так же, как и история, природа подчинена диалектическому закону движения». Так говорит Динер-Дёнеш, и Ленин до известной степени солидарен с ним. «Иосиф Динер-Дёнеш, — пишет Ленин, — стоит, подобно пишущему эти строки, на точке зрения самого «рядового марксиста», про которого с таким величественным презрением говорят наши махисты» (там же).

В чем заключается суть того кризиса, который возник благодаря небывалому росту физики? Электронная теория подрывает один из основных принципов естествознания, принцип сохранения массы. Атом представляет собой маленький мир наподобие солнечной системы. В центре находится ядро с положительным электрическим зарядом и вокруг него вращаются с гигантской быстротой электроны, т.е. отрицательно заряженные частицы. Оказывается, что масса не постоянна, как это должно было быть по принципам старой механики, но что она возрастает в определенной зависимости от скорости движения. Физики поэтому ввели понятие переменной массы или массы электромагнитной. Обладает ли электрон еще массой и в старом смысле, т.е. так называемой инертной массой и в старом смысле, это неизвестно, но во всяком случае она ничтожно мала по отношению к электромагнитной массе. Знаменитый французский физик Анри Пуанкаре, делая из этого правильный вывод, утверждает, что подрываются основы механики и что все наши понятия из области природы, как пространство и время, атомы и электроны, являются не снимками с природы, изображениями чего-то внешнего по отношению к сознанию человека, а продуктами сознания. Ленин так характеризует два направления современной физики: *«В философском отношении суть «кризиса современной физики» состоит в том, что старая физика видела в своих теориях «реальное познание материального мира», т.е. отражение объективной реальности. Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т.е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им»* (там же. С. 214). Таким образом, некоторые физики заменили материализм старой физики идеализмом и агностицизмом. *«Материя исчезла», — так можно выразить точку зрения этого направления.*

Что означает фраза: материя исчезла? — спрашивает Ленин. *«Когда физики говорят: «Материя исчезает», они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям — материя, электричество, эфир; теперь же остаются только два последние, ибо материю удастся свести к электричеству... Вместо десятков элементов удастся, следовательно, свести физический мир к двум или трем... Естествознание ведет, следовательно, к единству материи, — вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т.д., которая сбивает с толку столь многих. «Материя исчезает», — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; Исчезают такие свойства материи, который казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т.п.) и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство **быть объективной реальностью; существовать вне нашего сознания»** (Т. 10. С. 218).*

Махисты думали, что открытие изменяемости массы опровергает материализм, как будто требующий, чтобы элементы (атомы, электроны) представляли собой какие-то неизменные вещи. Однако такое требование является свойством только метафизического, т.е. антидиалектического, материализма. С точки зрения диалектического материализма надо спросить: существуют ли электроны вне человеческого сознания как объективная реальность? Если они существуют, то физический идеализм несостоятелен. Для диалектического материализма материя не означает **«ничего иного, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им»**. (Там же. Курсив наш. — А. В.) **«Но диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое... Как ни диковинно с точки зрения «здорового смысла» превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни «странно» отсутствие у**

электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т.д., — все это только лишнее подтверждение диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим... материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств в материи, они скатывались к отрицанию материи, т.е. объективной реальности физического мира. (Курсив наш. — А. В.) Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью» (Т. 10. С. 218–219).

Мы привели эту длинную цитату, потому что нельзя точнее и яснее охарактеризовать отношения диалектического материализма к вопросу о современном кризисе и в физике, и к идеалистическому извращению махистами данных современного естествознания, чем это здесь делает Ленин. Махисты смешивали механический материализм с диалектическим. Диалектический материализм отнюдь не настаивает на неизменности атомов, электронов и каких бы то ни было еще неоткрытых частиц материи. Наоборот. Изменчивость элементов прямо вытекает из основ диалектического материализма. Неизменно с его точки зрения только одно: *«Это — отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира»* (там же). Никакой другой неизменности, вроде неизменности атомов или «абсолютной субстанции», диалектический материализм не требует. Мы до сих пор знаем об изменчивости атомов, но *«электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует»* (там же). Только безусловное признание существования природы вне сознания человека и отличает диалектический материализм от релятивизма и идеализма. Ленин цитирует французского философа Рея, указывающего, что целый ряд крупных естествоиспытателей, как Больцман, Максвелл, Гельмгольц, Кельвин, продолжают традицию

«механизма», т.е. материализма (добавляет Ленин), и понимают законы механики как особые случаи законов электродинамики. Постоянство массы и еще другие принципы механики вовсе не потеряют силы, как это думается махистам. Принципы эти сохраняют свою силу, но только для скоростей малых по отношению к скорости света. Но это вовсе не означает отказа от материализма! В отношении больших быстрот законы движения оказываются более сложными. Но «механисты»-материалисты признают физические теории снимком, приблизительной копией с объективной реальности. *«В этом состоит материализм»*, — говорит Ленин. В буржуазном обществе неприлично говорить о себе, как о материалисте. Поэтому физики, являющиеся материалистами, называют себя механистами. Но механизм — это материализм, — говорит Ленин.

Таким образом, как это ясно из сказанного, и здесь речь идет о борьбе двух основных направлений, материализма и идеализма, в данном случае в области явлений природы. При этом не надо забывать, подчеркивает Ленин, что даже самые выдающиеся теоретики незнакомы с диалектикой и отсюда их колебание и непоследовательность.

Физик-идеалист пытается «преодолеть» материю еще и другим способом. Делается попытка мыслить движение без материи. Ленин указывает на пролетарского философа И. Дицгена, который еще в 1869 г. в своей книге «Сущность головной работы» характеризовал идеалистов тем, что они хотят духа без материи, силы без вещества. Представление движения без материи «кажется» идеалистам более «экономным» для мышления. Однако никакое движение без того, что движется, невозможно. Идеалист, говоря о движении без материи, молчаливо допускает существование мысли после исчезновения материи. Материя исчезла, — говорят они. А мысль осталась? — спрашивает Ленин. Если и она не осталась, тогда ничего не осталось. Если же она осталась, тогда ясно, куда гнет идеалист. Он протаскивает мысль как нечто оторванное от материи, как существующее и после исчезновения всей материи, т.е. и мозга.

Откуда такие несуразности, где их источник? Ленин находит этот источник в двух заблуждениях идеалистических мыслителей. Во-первых, в том, что они под материализмом обязательно понимают механический материализм, настаивающий на универсальности законов механики, и

только их, для всей природы. Однако достижения новейшего естествознания показали, что законы классической механики не в состоянии дать объяснение электромагнитным явлениям. С точки зрения механического материализма XVIII века нельзя построить электронную теорию. Но из этого не следует неправота материализма вообще, а только неправота механического материализма. Из этого вытекает правильность диалектического материализма, всегда настаивающего на изменчивости всяких открытых нами частиц материи. Другой пункт недоразумения заключается в том, что физик-релятивист, констатируя относительность познания природы, постоянную смену одних законов другими, приходит к тому ложному выводу, что все эти законы — простые фикции научного воображения. Такое заблуждение опять-таки есть результат незнания диалектики, незнания, в первую очередь, отношения относительной истины к абсолютной. Из относительности всякой познанной истины релятивист умозаключает о ее зависимости от человеческого сознания. С этой точки зрения относительные законы означают, что они суть только удобные фикции нашего разум. Диалектически-материалистическое решение, наоборот, состоит в том, что относительная истина означает приближение, приближенное отражение действительности. Абсолютная истина складывается из суммы относительных истин по мере все больше и большего приближения последних к отражаемой действительности. Отношение относительной и абсолютной истины есть отношение историческое. Каждое поколение ближе предыдущего к абсолютной истине. При этом никогда не следует упускать из виду, что абсолютного соответствия познания объективной действительности человечество в течение ограниченного периода своей истории не достигнет.

Но, спрашивается, не противоречит ли новейшая теория строения материи диалектическому материализму в одном очень важном пункте? Электронная теория основывается на том предположении, что материя состоит из положительно и отрицательно заряженных частиц. Кроме этих двух видов частиц, так сказать, кирпичей мироздания, никаких других не существует. Диалектический же материализм с своей стороны всегда подчеркивает конкретность всякого процесса. Однако если физика кроме названных двух видов элементов никаких других не признает, каким образом можно еще говорить о

своеобразии материальных процессов каждого в отдельности? Физики указывают, что современная электронная теория дает блестящее подтверждение монистического взгляда на природу, заключающегося в том, что мир единен. Но этого не могло бы быть, если бы мир состоял из соединения большого числа абсолютных элементов в разных комбинациях. Число химических элементов уже сейчас около ста, и оно все еще возрастает, так как естествоиспытатели продолжают открывать новые элементы. Элементы же, в свою очередь, весьма отличаются (качественно) друг от друга своими свойствами. Хотя элементы эти группируются в ряд подгрупп по свойствам, показывающим определенное сходство, все же по крайней мере эти подгруппы резко отличаются друг от друга. Каким образом можно обосновать единство мира, раз его кирпичи так резко отличаются друг от друга?

Электронная теория дает ответ на этот вопрос. Атомы разных веществ различаются друг от друга по числу электронов, т.е. однородных, отрицательно заряженных материальных частиц, с одной стороны, и по составу положительно заряженного ядра, с другой. Атом водорода, например, состоит из ядра и из одного электрона, вращающегося — согласно теории Бора, имеющей ныне еще только историческое значение — в эллипсе вокруг этого ядра. Атом гелия — совершенно другое вещество — состоит из ядра и из двух внешних электронов. По мере того как мы перейдем от более легких атомов к более тяжелым, число электронов по определенному закону все возрастает, наконец, атом урана содержит в себе уже больше 90 внешних электронов. Различие между разного вида атомами, таким образом, сводится к разному числу и расположению вращающихся электронов и структуре ядра. Но это означает, как будто качественность разных видов атомов является только видимостью, а на самом деле качество сводится к количеству. Однако нет ничего ошибочнее такого поспешного умозаключения. В том-то и дело, что новые качества, т.е. разные виды атомов, вовсе не объясняются одним только числом составных электронов, т.е. тем, что это число или больше или меньше. Помимо различия в численности необходимо учитывать еще и то, что сами электроны представляют собой определенное качество, именно — отрицательный электрический заряд. Ядро же имеет по

качеству иной заряд, — заряд положительный. Да и кроме того ядро почти всех элементов включает в себя и электроны. Но есть еще и третий момент. Это — порядок или расположение самих электронов. Электродинамическое действие состава электронов иное, если входящие в него электроны иначе расположены. Таким образом, новое качество представляет собой синтез из основных качеств (положительные и отрицательные заряды) в зависимости от количественных и порядковых отношений составных частей. Мы уже говорили о законе диалектики: о переходе количественно определенного качества в новое качество при условии, если это количество достигает определенного предела. Электронная теория дает как раз блестящее доказательство этого закона. Она не только не противоречит диалектическому материализму, а как раз представляет собой один из великих триумфов его.

Таким образом единство мира, с одной стороны, и качественное многообразие химических элементов, с другой, — это кажущееся противоречие получает свое блестящее разрешение электронной теорией. В то же время она представляет превосходное подтверждение закона диалектики. При этом нельзя забывать, что физика, как опытная наука, не исходит из того требования, что материя в своей основе должна быть однородна. Признание однородности материи может и должно быть не требованием, или, как философы говорят, постулатом, а результатом опытов. Так говорит Ленин.

Но все же еще остается один чрезвычайно важный и трудный вопрос. Можно ли представить себе происхождение наших психических явлений как сложное взаимодействие электронов, или атомов? Ленин цитирует знаменитого венского физика, Больцмана, называя его материалистом, хотя Больцман и побоялся назвать себя таковым. *Противники материализма, — говорит Больцман, — не могут представить себе происхождение психического из материального. Но, — говорит он, — это ничего не означает. Такое возражение похоже на мнение необразованного человека, который утверждает, что солнце не может отстоять от земли на 20 миллионов миль, ибо он себе этого не может представить. «Больцман, — говорит Ленин, — не отказывается от идеала науки представить дух и волю, как "сложные действия частиц материи"»* (Т. 10. С. 242).

В чем заключается сущность и значение физического идеализма? Ленин справедливо указывает на то, что Мах, Авенариус, Пуанкаре, Пирсон, Богданов, Юшкевич и т.д., конечно, имеют и между собой расхождение. Но суть не в этом, а в том, что они сходятся в главном: все они проповедуют философский идеализм. Они все отрицают, что наши ощущения являются образами объективной реальности. С точки зрения материализма внутренние, домашние расхождения школ идеализма неважны, они важны только для них самих. В чем находит Ленин причины такого громадного заблуждения, такого «шатания мысли»? Первая из этих причин заключается в том, что теоретическая физика опирается, и не может не опираться, на математику, представляющую собой область исследований очень абстрактного характера. Математика есть огромная наука, система чрезвычайно сложных теорий. Хотя в основе последних, конечно, и лежит непосредственное восприятие внешней действительности (таким же образом, как и во всех других науках), но математика, как наука исчисления, принуждена создать действительно головокружительные абстракции. Здесь уже очень трудно обнаружить чувственное происхождение основных понятий, как снимков действительности. Поэтому за последние сто лет в области физики возникли два типа исследователей, одних можно характеризовать как исследователей математического типа, других же как исследователей физического, экспериментаторского типа. Экспериментаторы по большей части смотрят на абстрактные, сложные построения математиков как на вещь, мало помогающую им в их лабораторных исследованиях. Эксперимент имеет постоянное соприкосновение с конкретной действительностью. Физики первого типа в свою очередь превратили теоретическую физику в физику математическую, почти что в прикладную математику. Материальные элементы очень побледнели в их руках, остались только математические символы, так называемые дифференциальные уравнения.

Математика, конечно, является необходимым орудием для физики. Физика есть высокоразвитая наука, занимающаяся точным количественным исчислением движения соотносящихся материальных элементов. Поэтому ошибка заключается, конечно, не в том, что физика пользуется математикой, а в том, что математик-физик склонен забывать,

что математика является для физики только одним из ее орудий, что физика вовсе не есть отрасль математики. Именно это недоразумение, что физика есть прикладная математика, и представляет собой одну из причин кризиса современной физики (первую из перечисленных Лениным). Идеалистическая физика полагает, что материя должна исчезнуть и тогда останутся одни уравнения. Вот в чем заключается, — по правильному указанию Ленина, — один из корней современного физического идеализма.

Другая причина, породившая физический идеализм, это — принцип релятивизма. Мы видели, что Ленин в известном ограниченном смысле признает относительность, релятивность наших знаний. Но идеалисты совершенно неправильно понимают соотношение относительной и абсолютной истины. Исходя из формальных законов мышления, они утверждают, что относительно — это относительно, а абсолютно — это абсолютно. Да — да, нет — нет. Такое абсолютное разграничение относительного и абсолютного неверно. Только незнание диалектики могло привести их к этому заблуждению, незнание того, что *«из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина... что в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины»* (Т. 10. С. 261). Словом, относительные истины являются относительно-верными отражениями независимого от нас объекта.

Неумение связать диалектически относительную и абсолютную истину представляет собой вторую причину возникновения физического идеализма. Но есть и еще третья причина, более общего характера, вытекающая из общественных отношений. На стороне материализма стоит, говорит Ленин, подавляющее большинство естествоиспытателей. Но меньшинство их под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последнего времени и вызванного этим кризиса сбились на идеалистические рельсы. *«За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»*. Борющиеся стороны — идеализм и материализм. Современная физика есть подтверждение

диалектического материализма. Но представители буржуазии хватаются как утопающий за соломинку и пытаются сохранить «местечко для фидеизма, который порождается в низах народных масс невежеством, забитостью и слепой дикостью капиталистических противоречий». «Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности» (Т. 10. С. 260, 303).

Физический идеализм возник вследствие неспособности одной школы естествоиспытателей в области физики подняться от метафизического материализма до материализма диалектического. Современная физика идет к этому единственно верному методу, но идет не сознательно, а стихийно, зигзагами. «Современная физика, — пишет Ленин, — лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т.п.» (Т. 10. С. 264).

VI.

ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА НА РЕЛИГИЮ

Что религия является одним из злейших врагов борьбы пролетариата за свое освобождение из-под ига капитализма, это ясно для каждого сознательного пролетария. Энгельс в своих сочинениях «Людвиг Фейербах» и «Анти-Дюринг» дает превосходный анализ возникновения и классового смысла религии. Идеологии вообще и религия в частности представляют собой надстройку, возвышающуюся на материальном базисе производства. Но они являются сложными умственными образованиями, связь которых с их производственным базисом становится все более и более отдаленной, по мере того, как сама идеология отходит от материальной жизни. Государство, право, борьба классов представляют собой более близкие к базису идеологические слои. Господствующие классы создают себе государство, как орган для защиты своих интересов от внешних нападений и от внутренних врагов, т.е. от сопротивления угнетаемых классов. Но, возникнув, государство старается стать независимым по отношению к обществу в целом, и тем более независимым, чем более оно является органом насилия определенного класса. На почве государственной власти вырастает теория государства, имеющая целью обосновать и укрепить существующий государственный строй. Экономическое содержание затемняется и выдвигается юридическая форма. *«Государственное и частное право рассматриваются, как независимые области, которые имеют свое отдельное историческое развитие и которые должны и могут быть подвергаемы самостоятельной систематической разработке путем последовательного устранения всех внутренних противоречий»* (Энгельс. «Л. Фейербах». С. 59).

Еще больше удаляются от экономической основы философия и религия. Связь представлений в области философии и религии с материальными условиями жизни еще более запутывается промежуточными звеньями. Философия есть плод развития городов, т.е. городской буржуазии. Она выражала идеологию, соответствующую переходу мелкой и средней буржуазии в крупную буржуазию, способствующую этому переходу.

Еще дальше отстоит от материальной жизни религия. «Религия, — говорит Энгельс, — возникла в самые первобытные времена из самых темных, первобытных представлений людей о своей собственной и о внешней природе. Но, раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений и подвергает ее дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, т.е. не имела бы дела с мыслями, как с независимыми сущностями, которые самостоятельно развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам. Что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается данный процесс мышления, определяют его собою, этого, конечно, не сознают эти люди, потому что иначе пришел бы конец всякой идеологии. Первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, по распадении таких групп своеобразно развиваются у каждого отдельного народа, смотря по выпавшим на его долю жизненным условиям. У одного ряда таких групп народов, именно у арийского (так называемого индо-европейского), процесс развития религиозных представлений подробно исследован сравнительной мифологией. Боги каждого отдельного народа были национальными богами, власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области. По ту сторону границ начинались царства других богов. Все эти боги жили лишь до тех пор, пока существовали создавшие их народы, и падали вместе с ними» («Л. Фейербах». С. 60).

Когда в первом столетии до нашей эры создалась римская всемирная империя, в состав которой входили сотни народов, уже создалась и почва для образования религий, больше соответствующей новому положению этих народов. Само собою разумеется, что никакой идеологии, ставшей действительной идеологией огромных масс, нельзя создать искусственно путем каких-нибудь декретов заинтересованных классов. Такая всемирная религия действительно возникла, но она возникла незаметно из смеси восточного, главным образом еврейского, богословия и греческой философии того периода, особенно стоической философии. Это было христианство. Каков был первоначальный вид новой религии, трудно установить. Во всяком случае он был не таков, каковым он стал тогда, когда христианство, распространившись по всей

огромной империи, стало господствующей религией. Христианство получило свою официальную форму на Никейском соборе (в 325 году нашей эры), приспособившем его к званию государственной религии. После великого переселения народов и распада римской империи христианская религия преобразовалась и приспособилась к потребностям феодального строя, сменившего рабовладельческий строй старой империи. Католицизм стал религией феодализма. Однако классовое противоречие между феодалами и медленно развивающейся городской буржуазией нашло свое идеологическое отражение в развитии разного вида сектантства, «ереси» (так называли официальные представители католицизма всякое отклонение от церкви). Римская церковь выработала свою идеологию в лице католического богословия как мировоззрение, господствовавшее в феодальном государстве. Теология вовлекла в свою орбиту даже и политику, юриспруденцию и философию. Философия стала служанкой теологии (богословия). Массы вскармливались попами исключительно религиозной пищей.

Оппозиция городской буржуазии могла выявиться в то время только в форме религиозной оппозиции. Но в городах существовал и широкий слой неимущих, — этих предшественников позднейшего пролетариата (поденщики и всякого рода прислужники, стоявшие вне рамок цехов). В соответствии с этим и религиозная ересь, говорит Энгельс, уже тогда разделялась на два вида: буржуазно-умеренную и плебейски-революционную, ненавистную также и буржуазным еретикам. Борьба между феодальным государством и городской буржуазией выросла в огромную революцию в Германии в XVI столетии — в реформацию (лютеранство). В то же время восстали и крепостные крестьяне, но их революция была подавлена войсками феодалов. Борьба продолжалась 130 лет, достигла своего апогея в начале XVII столетия в 30-летней войне (1618–1648 гг.). Германия была совершенно опустошена и сошла с мировой арены на целые три столетия. Но в то же время в Швейцарии, во Франции и еще в ряде стран разыгралась другая реформа реформации — кальвинизм. Лютеранская же религия стала религией буржуазии только в Германии и в некоторых северных странах.

Реформация Кальвина пошла по более радикальной линии. Она выразила республиканскую идеологию и дала идеологические одежды для освободительной войны голландской буржуазии и для английской буржуазной революции. Здесь кальвинизм явился выражением в религиозной форме экономических и политических интересов тогдашней буржуазии. Но вследствие того, что английская революция закончилась компромиссом между частью феодальной аристократии и буржуазией, кальвинизм в Англии не стал господствующей религией. Английская церковь оказалась восстановленной, правда, в сильно окрашенном кальвинизмом виде.

Во Франции развитие религиозных войн получило иной исход. Людовик XIV всякими насильственными мерами истребил кальвинизм (в 1685 г.). Благодаря этому буржуазная революция нашла свое отражение уже не в религиозной, а чисто политической, антирелигиозной или по крайней мере иррелигиозной форме, более соответствовавшей уже тогдашнему состоянию буржуазии. *«Вместо протестантов, — пишет Энгельс, — в национальных собраниях заседали свободные мыслители. Христианство вступило в свою последнюю стадию. С тех пор оно уже не в состоянии было поставлять религиозную одежду для стремлений какого-нибудь прогрессивного класса. Оно все более и более становилось исключительным достоянием господствующих классов, пользующихся им как средством управления, как уздой для низших классов» (там же. С. 62).*

Вот в кратких чертах превосходный анализ Энгельсом возникновения религии, происхождения, развития и упадка христианской религии.

Сейчас мы попытаемся изложить вкратце взгляды Ленина на религию. Мы считали нужным предварительно познакомить читателя со взглядами Энгельса на этот вопрос отчасти потому, что Ленин неоднократно ссылается на Энгельса и в этом вопросе, а отчасти потому, что Ленин сосредоточил свое внимание на отношении религии к современному обществу, т.е. к капитализму и его классам.

Современное общество все построено на эксплуатации рабочего класса ничтожным меньшинством землевладельцев и капиталистов. Экономическое угнетение рабочих и бедных крестьян неизбежно вызывает и идеологическое угнетение. Капитализм подавляет трудящийся народ как экономически и

политически, так и духовно и морально. Религия есть один из видов духовного гнета. Религия коренится в идеях, «порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу». Вот как характеризует Ленин религию в одном из писем к Горькому: *«Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т.п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» (Т. 7. Ч. 1. С. 47).*

Но, — говорит Ленин, — раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу, уже начинает высвобождаться из рабства. Сознательный рабочий, вышколенный фабричной жизнью, смотрит с презрением на всякую религию и ищет для себя лучшей жизни здесь, на земле. Неверно, что наука совместима с религией. Их «совместимость» есть поповская ложь, закрепленная интересами буржуазии. Современная буржуазия поддерживает религию, но буржуазия в XVIII столетии, подготавливаясь к своей революции, первая провозгласила войну против религии. «Раздавите гадину!» (религию) — вот лозунг французского просветителя Вольтера. Но антирелигиозность буржуазии уже давно отошла в прошлое. В борьбе против надвигающейся пролетарской революции буржуазия не брезгает никакими средствами. Она старается подавить недовольство рабочих масс как путем насилия, так и путем более «цивилизованного» метода, путем духовного угнетения. Религия играет при этом выдающуюся роль.

Спрашивается, каково должно быть отношение последовательно-революционной партии к религии? После анализа сущности религии, данного Энгельсом и Лениным, не может быть и тени сомнения по поводу этого отношения.

Коммунистическая партия должна бороться против всякого религиозного дурмана. Подходя ближе к вопросу об этой борьбе, спрашивается: каким образом, какими средствами вести эту борьбу? При решении этого вопроса надо знать, что против религии воюет не только революционная партия пролетариата, но и так называемая просвещенная буржуазия, часть буржуазной интеллигенции. В чем же заключается различие борьбы против религии этих двух противоположных общественных сил? Традиция антирелигиозности революционной буржуазии XVIII века имеет еще отголосок и по сие время в той форме войны против религии, которую ведут буржуазные демократы, анархисты и т.д. Необходимо заметить, что иногда даже хорошие революционеры из рядов рабочего движения принимали и принимают буржуазный способ войны против религии — из-за неясного понимания отношения марксизма к вопросам религии и ее официальной организации — церкви. «Просвещенная» буржуазия иногда пытается отвлечь внимание рабочих от насущных вопросов классовой борьбы устройством лжелиберального похода на клерикализм. Такую ловкую тактику вели Бисмарк против партии центра, представительницы интересов римских клерикалов, и либеральное правительство Франции под лозунгом: разъединить государство от церкви, освободиться от влияния римского папы на внутренние дела государства. Но вся эта тактика буржуазии представляет собой не что иное, как ловушку, рассчитанную на отвлечение рабочих масс и мелкой буржуазии от их экономических и политических интересов.

Это — одна из форм «борьбы» буржуазии против религии. Но против религии воюют еще и анархисты, провозглашающие беспощадную войну не только против церкви, т.е. общественной организации на основе религии, но и против религии как таковой. Анархисты поставили эту войну в центре своей деятельности в 1874 году в Лондоне. Ленин указывает, что Энгельс резко выступил против такой тактики по отношению к религии и ставил в вину анархистам неумение понять того, что *только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную практику, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза*» (Т. II. Ч. 1. С. 251).

Объявлять подобную войну значит повторять политику Бисмарка, приведшую только к оживлению религии. Невежественные и забытые массы угнетенных еще не изжили своей религиозной идеологии. Поэтому ловкие клерикалы все еще в состоянии мобилизовать их на «защиту» религии. Такая борьба может только укрепить воинствующий клерикализм. Ленин подчеркивает, что Энгельс указал рабочей партии **другой** путь борьбы против религии. Пролетариату нужно организоваться, просвещаться. Политическую войну с религией Энгельс считал авантюрой. Религиозные чувства в пролетарских массах нельзя истребить насильственно. Только терпеливая работа просвещения может вести к желаемому нам результату — к отмиранию религии. Полицейские меры против той или иной религии тут ничего сделать не могут.

В чем заключается основа борьбы пролетарской партии против религии? Она точно формулирована в Эрфуртской программе социал-демократической партии Германии (1891 г.). Религия есть частное дело. Но, прибавляет Ленин, эта тактика оказалась способной породить новое искажение марксизма, на сей раз в обратную анархическому лозунгу сторону, — в сторону оппортунизма. Оппортунисты начали истолковывать этот пункт программы в том смысле, будто религия, есть частное дело, для нас, как партии. Энгельс, видя такое кривотолкование, подчеркнул, что социал-демократия считает религию частным делом по отношению к государству, но не по отношению к партии пролетариата, т.е. не в том смысле, как будто религия приемлема с точки зрения марксизма. Крикуны из анархического лагеря неоднократно ругали марксистов за их, якобы, половинчатость, непоследовательность в религиозном вопросе. Но это означает только, что они в корне не поняли тактики марксизма по отношению к религии, тактики, строго вытекающей из диалектического материализма. Они приписывали марксизму «умеренность» по отношению к религии из тактических соображений в смысле желания «не отпугивать» от социализма еще религиозно настроенные массы. Но этот вопрос представляется марксистам более глубоким.

Вот что отвечает Ленин анархистам: «Марксизм есть материализм. В качестве такового, он также беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше

энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но... марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди, эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах эти корни главным образом социальные. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т.д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. *«Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, — которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно,*

организованно, планомерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах» (Т. II. Ч. I. С. 253–254).

Я дал эту несколько длинную выписку, потому что во всей марксистской литературе вряд ли найдется страница, которая лучше, точнее и короче доходила бы до самых корней религии в современном обществе. Однако, не надо думать, будто Ленин против просветительных книжек о религии. Он подчеркивает, что такие книжки издавать абсолютно необходимо, только не надо забывать, что атеистическая пропаганда партии революционного пролетариата должна быть подчинена ее основной задаче — классовой борьбе пролетариата против капитала. Коммунист на первый план ставит экономическую и политическую борьбу. Решение Лениным задачи пролетариата, относящейся к борьбе против религии, может служить образцом марксовой диалектики. Противоречие, которое в этом решении видит анархист или либерал, есть *«живое противоречие живой жизни, т.е. диалектическое, не словесное, невыдуманное противоречие»* (Ленин). Не-диалектик рассуждает так: одно дело пропаганда, атеизма, и другое дело классовая борьба. Он не видит, что эти две задачи стоят в теснейшей связи друг с другом, что успешная борьба против религии зависит от успешности экономической и политической борьбы, что их связь есть не связь равноправия, а подчинения антирелигиозной пропаганды борьбе политической и экономической.

Ленин поясняет свою мысль превосходным примером. Предположим, говорит он, что происходит стачка. Передовой слой сознательных рабочих состоит, разумеется, из атеистов. Но есть и другой слой еще отсталых, связанных с древней рабочих, верующих в бога, ходящих в церковь или прямо стоящих под влиянием священника. Для коммуниста обязательно поставить успех стачки на первый план. Тут применение атеистической пропаганды может оказаться вредным с точки зрения прогресса классовой борьбы. Классовая борьба и форме стачки. может объединять сознательных рабочих и рабочих христианских социалистов и было бы преступлением помешать созданию объединяющей платформы на основе классовой борьбы. Это сыграло бы только на руку попам, которые только и желают замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере. Классовая борьба, солидарность в стачке отсталых рабочих с

сознательными в сто раз скорее приведет христиан-рабочих к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Вот в чем видит Ленин конкретное решение вопроса об антирелигиозной пропаганде в противовес абстрактному решению его. *«Марксист должен находить границу между анархизмом и оппортунизмом»*. Эта граница, конечно, переменна, ее необходимо искать всегда в конкретной обстановке, но она существует.

Наряду с этим Ленин выдвигает интересный вопрос. Есть люди, называющие себя социалистами, которые заявляют: социализм есть моя религия. Можно ли принимать такого человека в партию? Что такое убеждение есть отступление от марксизма, — несомненно. Но надо различать, кто говорит так и в каком состоянии находится рабочее движение. Одно дело, если так говорит агитатор или ответственный работник в целях быть понятнее для неразвитой массы. Другое дело, если он проповедует «богостроительство». Первый случай представляет собой способ педагогического воздействия, и бывают случаи, когда такой подход к аудитории уместен. Но ни в коем случае недопустимо принятие в партию людей, имеющих искреннее убеждение, что социализм есть религия. *«Положение «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии»*. Вот какова характеристика Лениным этих двух видов отношения к религии.

Ленин указывает на оппортунистическое поведение социал-демократов в вопросе о религии, которые приносят в жертву коренные интересы классовой борьбы минутным выгодам. Они провозглашают религию частным делом, причем не оговаривают, что религия есть частное дело, но только по отношению к государству, а отнюдь не к рабочей партии. Он указывает и на особую задачу русских социалистов в борьбе против религии. У европейских социал-демократов намечается чрезмерное равнодушие к вопросу о религии. Это равнодушие отчасти проистекало от того, что борьба с религией является исторической задачей революционной буржуазии, которую она в эпохи своих революций в значительной степени и выполнила. А в России, в силу запоздания буржуазно-демократической революции, и эта задача может быть разрешена только пролетариатом. В силу объективных условий пролетариат в России становился вождем и буржуазно-демократической революции.

Вследствие этого партия была вынуждена смести остатки средневековья, которых буржуазия не могла и не желала убрать. К числу этих задач принадлежит и антирелигиозная пропаганда. Русские оппортунисты перенимали от немецких социал-демократов равнодушие к вопросу о религии. Это во сто раз худший оппортунизм, потому что это равнодушие имело место в такой стране, где и проведение буржуазной революции легло на плечи пролетариата.

Особое внимание уделяет Ленин классовой роли церкви и духовенства. Последнее, — пишет он, — является открытым пособником реакционных правительств и буржуазии в борьбе с рабочим классом. В кануны бурных событий угнетенные массы быстрее воспитываются. Это даст чувствовать себя так же и в их отходе от церкви и религии. Ленин развивает чрезвычайно ценные мысли об этом вопросе по поводу сметы священного синода в Государственной думе (1909 г.). Большинство третьедумского духовенства защищали совершенно открыто свои средневековые привилегии, оно вопило против секуляризации, «как посягательства на чужую собственность и на права церкви и ее достояние». Либералы часто говорили, что в России нет почвы для воинствующего клерикализма, для его борьбы с государством. Это совершенно неверно, — пишет Ленин. — клерикализм существовал в скрытой форме. Князья церкви не были вынуждены отстаивать свои привилегии при всемогущественной бюрократии и полиции. Поэтому они не нуждались в особой организации. Но после революции 1905 года, когда пролетариат и революционная часть буржуазии выступили в открытом бою, церковь изменила свою тактику. До революции она не выступала открыто не потому, что была слаба, а потому, что была сильна; не потому, что она была неспособна к организации и политической борьбе, а потому, что тогда еще не было надобности в такой организации. Но когда революция вспыхнула, тогда и духовенство организовалось. Оно организовало черные сотни и развернуло вместе с дворянством бесшабашную демагогию, т.е. оно сделалось воинствующим клерикализмом.

Но в III Думе оказались некоторые представители буржуазии (из октябристов и кадетов), которые предлагали более хитрую церковную политику, чем ту, которую защищали клерикалы и прямые черносотенцы. Они понимали, что религиозность народа есть интерес буржуазии. Поэтому они

выступали на защиту некоторых, не имеющих никакого принципиального значения, церковных реформ, чтобы кроме кнута пустить еще более тонкие средства поддержки поколебленной религиозной жизни масс. Чем заменить понятие греха? — вопиет октябрист Капустин. — Чем заменить указание совести? Ведь не может же быть, чтобы то было заменено понятием классовой борьбы и прав того или другого класса. Это печальное понятие, которое вошло в жизнь нашего обихода». Он требует мероприятий, способных поднять авторитет церковников. Он хочет усилить влияние религии на массы, заменить некоторые слишком грубые средства, уже устарелые, средствами более тонкими. Полицейская религия, по-видимому, уже недостаточна для одурачивания масс, дайте более культурную религию. Во имя этой цели он требует самоуправления прихода. В этом же духе высказывался кадет Караулов, протестуя против союза церкви с черной сотней. Обе партии стараются «обновить» религию, чтобы она могла служить более действительным дурманом для народа. В этих выступлениях можно увидеть всю пропасть, отделяющую революционное прошлое атеистической буржуазии XVIII века от буржуазии наших дней. Дальше Ленин указывает на речь трудовика-крестьянина Рожкова. Ленин показал, какая пропасть лежит между лицемерной, контрреволюционной поддержкой религии кадетами и примитивной религиозностью крестьянина, *«в котором условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековьем»*. Рожков — представитель *«революционной буржуазной демократии, неразвитой, но таящей в себе далеко и далеко еще не исчерпанные запасы революционной энергии в борьбе с помещиками, с попами, с самодержавием»* (Т. II. Ч. I. С. 260–268).

Ленин воюет против религии со всем гневом своей страстной души, неумолимо подчеркивая, что религия есть продукт отражение экономического гнета».

В годы свирепой реакции после первой русской революции многие передовые интеллигенты сблизились на основе особой проповеди выдуманной ими религии. Ленин страстно выступает против всяких «богоискателей» и «богостроителей». В среде последних оказался и Горький. Ленин пишет ему следующее: *«Именно потому, что всякая*

религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (отчасти даже доброжелательно) встречаемая демократической буржуазией, именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза» (письмо 32. Лен. сборн. 1. С. 153). Всякая религия есть утешение себя, своего бессилия, есть самосозерцание, пассивность, когда необходима была бы решительная борьба против угнетения. Горький определяет бога как «комплекс идей, будящих и организуемых социальные чувства». «Это, — пишет Ленин Горькому, — богдановский идеализм, затушевывание материальное происхождение идей... порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом... Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом» (как полагает Горький. — А.В.), а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей» (там же. письмо 34. С. 158–159). Всякая религия есть оправдание реакции, будь она религия официальной церкви или религия богоискателей и богостроителей. Горький ссылается на народную религию. А Ленин отвечает: «Народное понятие о боженьке и божецком есть “народная” тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как “народное представление” о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете вы “народное представление” о боге называть “демократическим”, я абсолютно не понимаю» (там же).

В 1922 году Ленин писал статью в «Под знаменем марксизма» о значении воинствующего материализма. В этой статье он настаивает на необходимости переводить боевую атеистическую литературу XVIII века и внимательно следить за всей соответствующей литературой на всех языках, т.е. за антирелигиозной литературой. Он указывает, что, несмотря на некоторую устарелость отдельных взглядов просветителей XVIII века, все же эта литература чрезвычайно ценна для нас, ибо, — пишет Ленин, — было бы ошибкой думать, что «массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения». Ошибки просветителей можно исправить в особых примечаниях, между тем как «бойкая живая, талантливая,

остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов, XVIII века сплошь, и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, неиллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе».

Чрезвычайно интересно то, что Ленин пишет о Толстом. Он анализирует роль религии у Толстого в связи с его отношением к крестьянскому вопросу. *«Толстовские идеи, — пишет Ленин, — это зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка» (Т. II. Ч. I. С. 117).* Ленин высоко ценит Толстого как художника, ценит и его смелую критику, разоблачающую правительственные насилия, гнусности управления и рисующую потрясающую картину мучения народных масс. Но он нападает на Толстого как религиозного проповедника. Такая проповедь в его глазах еще отвратительнее потому, что проповедник — не официальное лицо, а убежденный верующий, вводящий своим искренним убеждением гораздо больше в заблуждение, чем священники-чиновники. Он высмеивает Толстого, как пророка, открывшего новые рецепты спасения человечества, также и его сторонников, «толстовцев».

«Толстой велик, — пишет Ленин, — как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции (1905 г. — А.В.), как крестьянской буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого с этой точки зрения — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которых поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции». Стремление уничтожить распорядки землевладения, расчистить место для общежития свободных мелких крестьян характеризует историческую деятельность крестьянства в нашей революции, и «несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому; стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему»

его взглядов». Крестьянство ненавидело барина и чиновника, но не могло найти ответа, каким образом освободиться от них. *«Большая часть крестьянства, — говорит Ленин, — плакала и молилась, резоперствовала и мечтала, писала прошения и посылала “ходатателей”, совсем в духе Льва Николаевича Толстого».* Этому обстоятельству приписывает Ленин тот факт, что крестьянство воздерживалось от политики в духе Толстого. *«За сознательным пролетариатом, — пишет он, — шло только меньшинство народа, большинство же было добычей беспринципных, халуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов... торговались, примиряли, обещали примирить, пока их не выгнали пинком солдатского сапога»* (там же).

VII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение не мешает подытожить то новое, чем Ленин обогатил философию марксизма.

1. Строжайшее размежевание двух коренных направлений философии: материализма и идеализма. Это размежевание уже было дано Энгельсом в своем «Л. Фейербахе». Но после смерти Энгельса в лоне II Интернационала пропало это строгое размежевание таким же образом, как пропало или замазалось учение Маркса о диктатуре пролетариата. Огромная заслуга Ленина заключается здесь в том, что он опять поставил эту центральную проблему во главу угла при оценке всякой философской мысли. Он решительнейшим образом подчеркивает необходимость размежевания двух коренных направлений. «Вещи в себе» действительно существуют и вполне познаваемы нами в их существовании, в их качествах и в действительных отношениях. Наши чувственные восприятия имеют сходство с формами действительного, т.е. объективно-реального существования предметов. Следовательно, законы мышления имеют не субъективное, а объективное значение. Они отражают действительное существование материального мира. Категории теории познания (пространство и время, движение, причинная связь и т.п.) объективны. Правильная диалектическая связь относительной и абсолютной истины особенно усиленно подчеркивается Лениным потому, что заблуждения некоторых естественников (махистов), их отрыв от материализма имели частичной причиной как раз их неумение связать относительную и абсолютную истину. Они не поняли, что абсолютная истина складывается из суммы относительных истин. Отвергая абсолютную истину, признавая одну только относительную, они влезли в болото релятивизма и агностицизма. Отвергая механический материализм (что, было справедливо), они отвергли вместе с тем и всякий материализм, потому что ничего не знали о диалектическом материализме.

2. Никто не понял глубже причин происхождения философских направлений, чем Ленин. Он неустанно указывает на ту тесную связь, которая соединяет идеализм с

интересами буржуазного класса. Идеализм происходит из того же источника, как и религия, и оба являются верными слугами, сильным оружием укрепления власти угнетающих над угнетенными. Идеализм есть реакционное философское направление, безотносительно в какой форме, в какой разновидности он появляется. Идеализм есть утонченная, изощренная поповщина. Таким же образом как религия является лучшим способом одурачивания темных масс, невежественных и забитых веками классового угнетения, идеализм являет собой наилучший способ угнетения умов «серединных» классов, в первую очередь мелкобуржуазной интеллигенции. Идеалистическая идеология, которой буржуазия набивает головы служилой интеллигенции, даст ей гарантию классовой надежности и верности буржуазии со стороны этой интеллигенции. Как религия есть опиум народа, так же идеализм является дурманом, поддерживаемым буржуазией для одурачения голов срединных слоев населения, для обеспечения их идеологической поддержки.

Материализм в свою очередь опирается на естествознание и на неприукрашенный, трезвый анализ общественных процессов. Таким же образом как идеализм является союзником религии, материализм есть союзник и истинный друг естествознания. Ленин абсолютно прав, указывая на эту связь; при этом он подчеркивает, что не только материализм нуждается в естествознании в качестве опоры, но и естественники могут найти действительно верных союзников только в диалектических материалистах. Естествознание только тогда будет окончательно освобождено от идеалистических привесок, от всякого рода идеалистического кривотолкования его результатов в угоду укрепления классового господства буржуазии, когда оно сознательно соединится с диалектическим материализмом.

3. Но помимо этого Ленин внес еще целый ряд ценнейших исследований в сокровищницу философии марксизма. Наиболее крупные вопросы, получившие от Ленина дальнейшее развитие это конкретность истины, отношение абсолютной и относительной истины, уточнение отношения вещи в себе и явления, теория отображения, роль революционной теории в руководстве действием в борьбе пролетариата за свое освобождение, понимание законов диалектики не как мертвых шаблонов, а как путеводителей в анализе бесконечного разнообразия явлений, своеобразие

государственной формы пролетариата: его диктатуры; стратегия и тактика пролетариата в эпоху революции, экономическая и политическая анатомия империализма, неизбежное перерастание империалистических войн в гражданскую войну, с одной стороны, и в освободительные войны поработанных колониальных народов против империализма — с другой. Острое различие между буржуазной «демократией» и демократией пролетариата, роль религии в качестве тормоза классовой борьбы, уточнение методов борьбы пролетариата против религии, способы усвоения пролетариатом буржуазной культуры, имеющиеся в нашем обществе предпосылки для культурной революции, — вот только наиболее важные вопросы, нашедшие в Ленине несравненного мастера марксистской диалектики. Изучение его наследия является долгом каждого коммуниста, каждого сознательного пролетария. Только воспитывая себя на этом учении, он будет в состоянии помочь строительству социализма и таким образом принести свою посильную долю практической и теоретической деятельности для выполнения заветов Ленина.

КРАТКИЙ СЛОВАРИК (ГЛОССАРИЙ)

А.

Авенариус — философ, один из основоположников эмпириокритицизма (1843–1896 гг.). Его главные сочинения: «Мышление мира по принципу наименьшей траты сил» и «Философия чистого опыта». Был профессором философии в Цюрихе.

Агностицизм — учение, согласно которому человек не в состоянии и никогда не будет в состоянии познавать мир так, как он есть в самом себе. Дословно: а означает не, гносис — знание.

Ализарин — один из продуктов разложения антрацена. Красильное вещество.

Адекватное — точно соответствующее. Адекватным называется такое познание, которое точно отражает предмет.

Анализ — разложение сложного объекта или понятия на составные части.

Аполлоний — греческий математик александрийского периода, автор теории круга, эллипса, гиперболы и параболы.

Априори — так называются идеалистами основные категории познания. По этому учению наше познание возникает не посредством опыта или не исключительно из опыта, но благодаря деятельности нашего разума, который основные законы не абстрагирует из мира, а создает мир при помощи присущих ему априорных категорий.

Аристотель — греческий философ (384–322 гг. до нашей эры), крупнейший мыслитель древности, первый систематизатор в области естествознания и автор всемирно известных философских сочинений о логике («Органон») и о метафизике. Он же написал экономику, политику, учение о конституциях и ряд эстетических этюдов.

Архимед — крупнейший механик древности (род. в 287 т.), автор крупных трактатов о геометрии, механике, гидростатике и изобретатель ряда так называемых простых машин.

Б.

Беркли — английский философ (1684–1753 гг.). Идеалист, автор знаменитого сочинения «Трактат о принципах

человеческого познания». Ленин занимается им в первой главе своего «Материализма и эмпириокритицизма», указывая на него, как на одного из истоков эмпириокритицизма.

Биология — учение об организме. Биология представляет собой совокупное название большого количества отдельных дисциплин.

В.

Вещь в себе — вещь как она существует в себе независимо от нашего сознания. Кант отрицал ее познаваемость. Марксизм опроверг этот взгляд Канта.

Г.

Гегель — крупнейший немецкий философ (1770–1831 гг.), философ абсолютного идеализма, завершитель классического немецкого идеализма. Он дал исчерпывающим образом законы диалектики, но дал их в идеалистическом толковании. Маркс и Энгельс поставили его диалектику на ноги т.е. превратили ее в материалистическую диалектику. Он написал 18 томов философских сочинений; «Феноменология духа», «Наука логики», «Энциклопедия философских наук», «История философии, философия истории» — наиболее важные из них. Гегель оказал огромное влияние на следующие поколения мыслителей.

Гелертер — образованный, ученый. Употребляется Лениным в ироническом смысле, — в смысле школьной мудрости.

Геометрия — учение о пространстве.

Гносеология — теория познания. Исследует законы мышления и вопросы, касающиеся отношения внешнего мира и познания.

Гоббс — английский философ (1588–1679 гг.) материалист, автор знаменитых сочинений: «О человеке», «О теле», «Левиафан». Является автором теории государства. Государство, по его учению, возникало путем договор: народа, в котором он отрекся от всех своих прав в пользу государя, чтобы избавиться от вечной войны всех против всех.

Герон — греческий механик (около 100 г. до новой эры), автор трактатов о механике.

Д.

Дарвин Чарльз (1809–1882 гг.) — английский биолог, основоположник эволюционной теории в биологии. Он объяснил происхождение и изменение видов с помощью естественного отбора. Индивиды животного (и растительного) царства борются за жизнь. Остаются в жизни, развиваются и передают свои свойства потомкам те индивиды, которые обладают свойствами, более подходящими для борьбы за существование, чем другие индивиды.

Демокрит — древнегреческий философ; жил около 400 г. до нашей эры. Основоположник теории атомов. Великий материалист.

Диалектика — учение об общих законах движения и развития как в области природы, так и в области общества и мышления.

Диалектический материализм — философия марксизма, методология естествознания и общественных наук.

Дицген Иосиф — немецкий рабочий, материалист-философ (1828–1888 гг.), самоучка. Диалектический материалист, но иногда запутывавшийся благодаря недостатку знаний. Главный труд его: «Сущность головной работы человека». Маркс и Энгельс очень ценили Дицгена, несмотря на некоторые ошибки его в трактовке философских положений диалектического материализма. Также ценил его Ленин.

Дюринг — немецкий философ, род. в 1833 г., мелкобуржуазный социалист; в свое время имел некоторое влияние на немецкое рабочее движение, ныне известен лишь благодаря критике Энгельса в его «Анти-Дюринге».

З.

Зенон — греческий философ (около 490 г. до нашей эры), принадлежал к так называемой элеатской школе. Отрицал реальность движения и выдвинул против нее ряд формально-логических аргументов.

И.

Идеализм — направление философии, отрицающее существование внешнего мира или его познаваемость и

утверждающее, что дух является единственно реально существующим началом, материя же есть только его явление, существующее в мышлении духа.

Иероглиф — знак или символ. Сторонники иероглифической теории отрицают, что наши ощущения и представления являются отражениями, верными копиями действительности.

Инерция — косность тел, вследствие чего они сопротивляются изменению состояния. происходящему под влиянием внешних сил.

Июльская монархия — режим Людовика-Филиппа, французского короля, сменивший династию Бурбонов (1830–1848 гг.), был свергнут революцией 1848 г.

К.

Категория — основное понятие. В логике категориями называются понятия материи, пространства, времени, числа, причинность, всеобщность, единство и т.д.

Кантианство — философия Канта, немецкого философа (1724–1804 гг.), основоположника критического или трансцендентального идеализма, утверждающего, что вещь в себе непознаваема и что познаваемые вещи суть явления, которые создаются при помощи априорных категорий: форм созерцания (пространство и время) и понятий рассудка (единство, множество, положение, отрицание, субстанция, причинность и т.д.).

Л.

Лейбниц — немецкий философ (1646–1716 гг.), идеалист, основоположник теории монад и математики бесконечно малых вместе с Ньютоном, с которым он вел спор за приоритет открытия высшей математики.

Локк — английский философ (1632–1704 гг.), сенсуалист, выдвинувший знаменитую теорию: ничего нет в разуме, чего раньше не было в чувствах. Автор философского сочинения «Опыты о человеческом разуме». Идеолог английской буржуазии в эпоху второй революции (1688 г.).

М.

Математика — учение о величинах, постоянных и переменных, и их законах.

Материализм — философское направление. Материализм и идеализм представляют собой два коренных и единственно последовательных направления в области философии. Материализм исходит из того, что природа, материя, представляет собой первооснову и что дух является вторичным, производным явлением, функцией особо организованной материи.

Методология — учение о методах. Метод означает способ исследования действительности, его логические средства, также и способ изложения.

Мах — австрийский физик и философ (1836 — 1916 гг.). Вместе с Авенариусом основоположник эмпириокритицизма. Главные сочинения его: «Механика в своем развитии», «Учение о теплоте», «Анализ ощущений», «Познание и заблуждение».

Множество — соединение различаемых друг от друга элементов, Вместо множества можно употреблять слово: совокупность.

Модель — означает мысленно или фактически созданную материальную систему для отображения действительных материальных процессов. Выражение, часто употребляемое в физике и химии.

Монизм — философия, исходящая из одного начала. Монизм может быть материализмом (если это начало материя) и может быть идеализмом (начало — дух).

Н.

Непрерывность — означает движение, происходящее без перерыва.

Ньютон — английский физик (1643–1727 гг.), одна из крупнейших величин в области естествознания. Основоположник теории всемирного тяготения, согласно которой два тела притягивают друг друга с силой, пропорциональной произведению их масс и обратно пропорциональной квадрату их расстояния. Вместе с Лейбницем основоположник исчисления бесконечно-малых. Его главное сочинение — «Математические начала естественной философии» (1687 г.).

О.

Объективность — означает существование, отношение также и качество существующих вещей, независимо от того, воспринимает ли кто-нибудь их, или нет.

Определение — суждение, высказывающее основной характер определяемого явления. Оно может быть формально, когда определение происходит путем указания ближайшего рода определяемого и того вида, который специально характеризует его в отличие от других видов данного рода. Оно конкретно, когда при его помощи можно создать или мысленно воссоздать определяемый предмет.

П.

Платон — греческий философ древности (427–347 гг. до нашей эры), знаменитый идеалист, основоположник учения о сверхопытных идеях, представляющих собой единственную реальность.

Понятие — представление, высказывающее общее свойство или отношение многих предметов.

Принцип достаточного основания — один из логических принципов, утверждающий, что за исключением некоторых так называемых основных истин все другие логически следуют из других, в конечном счете, из основных, которые называются аксиомами, принципами и т.д. в зависимости от того, о какой науке идет речь. Все истины, в том числе и аксиомы, и принципы происходят из опыта.

Принцип причинности — принцип, согласно которому всякое событие представляет собой причину следующих и следствие предыдущих событий.

Позитивизм — философия, исходящая из непосредственных данных опыта и не принимающая ничего за пределами наших чувственных данных, т.е. не принимающая объективного существования материи. Разновидность идеализма. Главный представитель позитивизма — Конт, французский философ.

Прерывность — означает процесс, происходящий путем перерывов или скачков.

Пуанкаре Г. — французский физик и философ, позитивист, автор философских сочинений, из которых наиболее известно «Наука и гипотеза».

Р.

Реализм — учение об объективности, т.е. о существовании какого-нибудь начала как бытия. Реализм может быть идеалистическим и материалистическим учением.

Релятивизм — учение об относительности наших знаний в том смысле, что абсолютной истины не существует.

Ревизионизм марксизма. Так называются стремления пересмотреть учение Маркса. Есть разные виды ревизионизма. Одно направление учило идти назад от Маркса к Канту (Бернштейн, Форландер и т.д.), другое — к Маху (русские ревизионисты: Богданов, Базаров, Юшкевич и т.д.)

С.

Сенсуализм — философское учение, по которому основой познания являются чувственные данные, ощущения и восприятия. Сенсуализм сам по себе не есть материализм. Он становится материализмом только тогда, если наши ощущения признаются верными отражениями действительности. Сенсуализм ведет к идеализму, поскольку сказанное отрицается. (См. Беркли и Юма.)

Синтез — соединение в единство разных моментов как составных частей процесса. Это соединение качественно отличается от своих элементов.

Скептицизм — учение о сомнительности независимого от нашего сознания существования мира и о сомнительности достоверности познания. (См. Юм.)

Спиноза — крупный философ (1632–1677 гг.), материалист. У Спинозы есть только одна Субстанция с двумя атрибутами: протяжением и мышлением. Главное сочинение его «Этика».

Статика — часть механики. Учение о равновесии сил.

Субстанция — термин, означающий материю (в системах материализма). Идеалистическая философия принимает за субстанцию дух.

Суждение — высказывание, состоящее из трех частей: подлежащего сказуемого и связки (есть).

Схоластика — средневековая философия, исходящая из учения Аристотеля о реальном существовании или несуществовании общих представлений и их объектов. (Схоластика означает разные школы.)

Т.

Теорема — научное положение, вытекающее из других положений.

Теория — связное учение, заключающее в себе логически обоснованную систему, относящуюся к определенной области явлений или, как общая теория, касающаяся всех процессов.

Теория квант — учение, согласно которому не только материя состоит из последних, дальше неделимых частиц, но и энергия и физическое действие состоят из определенного количества наименьшей пропорции энергии и действия.

Теория электронов — учение, согласно которому атом состоит из электронов — отрицательно заряженных частиц, вращающихся вокруг положительно заряженного ядра.

Трансцендентальная философия — философия Канта. Трансцендентальное учение означает, что вещь не познаваема, что от явлений нет перехода к вещам в себе. Слово трансценсус означает переход.

Траектория — путь, пройденный движущимся телом.

У.

Умозаключение — логический прием, при помощи которого одно научное положение следует из других (т. н. посылок).

Ф.

Фейербах Людвиг — крупный материалист, предшественник Маркса и Энгельса (1804–1872 гг.). Был вначале гегельянцем. В начале сороковых годов XIX ст. (1843–1845) Маркс и Энгельс были сторонниками Фейербаха, затем преодолели его.

Фидеизм — «Фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере» (Ленин).

Формальная логика — учение о т. н. формальных законах мышления, рассматривающих явления не как процессы или как результаты процессов, а как готовые объекты в состоянии покоя.

Функция — функция в математике означает выражение, соотносящее множество чисел к другому множеству чисел, так чтобы любое число из одного множества соответствовало определенному числу из другого множества. В более широком смысле функция означает действие или деятельность, напр., мышление есть функция особо организованной материи.

Э.

Эвклид — греческий математик (около 300 лет до нашей эры), автор знаменитого сочинения «Начала».

Эволюция — развитие. Так называется теория Дарвина о происхождении и развитии органических видов. В более общем смысле эволюцией называется всякий процесс развития.

Эклектизм — учение, стремящееся «соединить» материализм и идеализм, «преодолеть» обе крайности. Половинчатое, ошибочное направление.

Элеаты — философская школа древности, исходящая из того взгляда, что мир един и неподвижен, что переход из бытия в небытие, возникновение и исчезновение невозможны. Элеаты отрицали реальность движения.

Эмпириокритицизм — философское учение, утверждающее, что реальный мир не существует без человеческого сознания и что его объекты являются только комплексами человеческих ощущений. Его разновидности — эмпириомонизм и эмпириосимволизм. Представители этого направления: Мах, Авенариус, также и русские махисты.

Эмпиризм — учение, заключающееся в том, что единственно достоверны только данные опыта, ощущения. Эмпиризм может быть идеалистическим учением, поскольку он не признает мира за пределами ощущений.

Энергия — фундаментальная закономерность движущейся материи. В простейшей (механической) форме энергия численно равняется половине произведения массы тела на квадрат скорости.

Энергетика — учение, исходящее из положения, что энергия существует без материального носителя и что

природа — это разные формы энергии. Разновидность идеализма. Главный представитель энергетики — немецкий химик Оствальд.

Ю.

Юм — английский философ (1711–1776 гг.), сенсуалист и скептик. Он учил сомнению существования внешнего мира. Исходил из сенсуализма Локка и Беркли. Один из источников эмпириокритицизма, против которого как реакционного направления боролся Ленин.